БК
20
Г42

1 (23)

РУССКІЙ ДИЛЕТТАНТИЗМЪ

и

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

РАЗБОРЪ

КНИГИ КНЯЗЯ А. ВАСИЛЬЧИКОВА

«ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ».

В. Герье и Б. Чичерина.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер.,
1878.

5101

БК
20
Г42

РУССКІЙ ДИЛЕТТАНТИЗМЪ

333.5(47+4)

и

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ.

РАЗБОРЪ

КНИГИ КНЯЗЯ А. ВАСИЛЬЧИКОВА

«ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ».

В. Герье и Б. Чичерина.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
51001
80 м

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.
1878.

21001

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе 1

Глава I.

Познанія и методъ кн. Васильчикова 6

Свѣдѣнія кн. Васильчикова 6.—Отношеніе къ источникамъ 16.—Характеръ изслѣдованія и выводовъ 25.

Глава II.

Экономическія понятія кн. Васильчикова 39

Вольный и наемный трудъ 39. — Отношеніе къ соціализму 48. — Эмиграція 55.

Глава III.

Воззрѣнія кн. Васильчикова на исторію землевладѣнія въ Европейскихъ государствахъ 67

Взглядъ на исторію землевладѣнія въ Римѣ 67.—Землевладѣніе въ Англіи 81. Исторія землевладѣнія въ Германіи: нашествіе варваровъ какъ исходный пунктъ аграрныхъ отношеній 85.—Различіе франкскаго и саксонскаго способа землевладѣнія 93.—Патримоніальная власть 101.—Судьба вольныхъ людей въ Германіи 108. — Исторія обезземеленія крестьянъ. 110. Обезземеленіе ихъ вслѣдствіе выводовъ агрономической науки и посредствомъ аграрныхъ реформъ XVIII и XIX в. 113. — Заповѣдность участковъ и крестьянскій маіоратъ 127. — Воззрѣнія кн. Васильчикова на ходъ и послѣдствія эманципаціи крестьянъ въ Германіи 131.—Критика аграрнаго быта Западной Европы и распредѣленіе поземельной собственности въ Пруссіи и во Франціи 143.—Союзъ соціализма и славянофильства въ книгѣ кн. Васильчикова 162.

Глава IV.

Воззрѣнія кн. Васильчикова на Русскую исторію. . . 176

Отношеніе кн. Васильчикова къ историческимъ источникамъ 176.—Основныя отличія древней Россіи отъ Западной Европы: порядокъ первобытнаго водворенія и поселенія 181. — Поземельная собственность и

Стран.

наслѣдство въ древней Россіи 187.—Общинное землевладѣніе въ древней Россіи 196.—Судьба крестьянскаго сословія въ XVII и XVIII в. 210.—Значеніе славянофильства и его вліяніе на современное русское общество 218.

Глава V.

Практическіе выводы кн. Васильчикова 223

Пропорціональное отношеніе количества и цѣнности крестьянской земли сравнительно съ помѣщичьей въ Россіи 223.—Мнѣніе кн. Васильчикова о будущности крестьянской, помѣщичьей и купеческой поземельной собственности 227.—Экономическое положеніе крестьянъ со времени ихъ освобожденія 231. — Вліяніе мірскаго быта и общиннаго землевладѣнія 234.—Право собственности крестьянина на выкупленную имъ землю 238.—Колонизація въ Россіи. Кн. Васильчиковъ отрекается отъ признанныхъ имъ русскихъ началъ и вводитъ отвергнутыя имъ начала европейской гражданственности. — Предлагаемая кн. Васильчиковымъ регламентація помѣщичьяго хозяйства и собственности 242. — Кн. Васильчиковъ и г. Фадѣевъ 249.

Давно уже въ русской ученой литературѣ не появлялось сочиненія, отмѣченнаго такимъ рѣдкимъ вниманіемъ и со стороны журналистики и со стороны публики, какъ книга *князя А. Васильчикова: Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и въ другихъ Европейскихъ государствахъ*. И это вниманіе, повидимому, было вполнѣ заслужено. Имя автора, столь извѣстнаго въ нашей публицистикѣ, предметъ сочиненія въ высшей степени важный въ настоящую переходную эпоху хозяйственной жизни Россіи, наконецъ, почтенный объемъ—1008 страницъ—и дешевизна изданія, очевидно разсчитанная на то, чтобы доставить ему возможность распространенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ—все это должно было возбудить интересъ читающей публики.

Этотъ интересъ, возбуждаемый въ читателѣ именемъ автора и заглавіемъ сочиненія, быстро разростался какъ скоро онъ бралъ послѣднее въ руки. Цѣлой вереницей тянулись въ немъ объемистыя главы, одна другой любопытнѣе и поучительнѣе: очеркъ эмиграціи изъ Европы въ новыя страны свѣта, исторія землевладѣнія и описаніе современнаго его состоянія въ 3-хъ главныхъ странахъ западной Европы, подробная исторія землевладѣнія, а также дворянскаго и крестьянскаго сословія въ Россіи—въ первомъ томѣ, а во второмъ—нѣсколько главъ, посвященныхъ разбору разныхъ видовъ земледѣлія и землевладѣнія и указаніе самаго нормальнаго типа ихъ, наконецъ, исторія колонизаціи въ Америкѣ и въ Россіи и установленіе правильной организаціи для нея — все

это, казалось, должно было сдѣлать изъ сочиненія князя Васильчикова настольную книгу для администратора и помѣщика, для историка и экономиста, для земскаго дѣятеля и для журналиста, вообще для всякаго русскаго дѣятельнаго и мыслящаго человѣка. Но любознательность, вызванная въ читателѣ богатствомъ и разнообразіемъ оглавленія книги, рѣшительно уступала мѣсто благоговѣйному уваженію, какъ скоро онъ ближе знакомился съ ней. Самые трудные и запутанные вопросы разрѣшались на глазахъ читателя легко и просто, какъ дѣтскія загадки; самые твердые, повидимому, и незыблемые научные выводы исчезали передъ критикой ученаго автора, какъ мыльные пузыри; теорія и практика аграрнаго вопроса становились ясны благодаря его труду и исчерпывались въ немъ. Князь Васильчиковъ, какъ волшебникъ, однимъ взмахомъ руки отдергивалъ завѣсу, скрывавшую до сихъ поръ прошедшее отжившихъ и еще живущихъ народовъ; причина, почему погибла древняя цивилизація, почему сложились въ извѣстной формѣ различныя поземельныя и сословныя отношенія въ западно-европейскихъ странахъ раскрывались передъ читателемъ съ неожиданной для него ясностью; вопросъ о происхожденіи русской поземельной общины, возбудившій нѣкогда такую упорную полемику, разрѣшался теперь просто и безапелляціонно.

Ошибочная внутренняя политика, которой держались различныя древнія и новыя правительства, изобличалась княземъ Васильчиковымъ съ неумолимой строгостью; заблужденія, въ которыя постоянно впадали „авторитеты“ науки, свѣтила политической экономіи и юриспруденціи опровергались имъ съ побѣдоносною убѣдительностью. Но публика скоро убѣждалась въ томъ, что кн. Васильчиковъ не только мужъ науки; для его читателей не оставалось сомнѣнія, что ученый авторъ взялся за перо не для того только, чтобы поучать, но что его призваніе гораздо выше. Подобно древнимъ пророкамъ, онъ пришелъ *спасать*. Онъ почуялъ зло, онъ открылъ ядъ тамъ, гдѣ беззаботная толпа его не подозрѣвала. Онъ пришелъ спасать свой народъ отъ подражанія

нечестивому Вавилону, который онъ узналъ въ европейскомъ мірѣ; онъ пришелъ спасать отъ тлетворнаго вліянія западной науки. Онъ не увлекается внѣшнимъ блескомъ народовъ, поклоняющихся Ваалу и суетной мудростью его служителей и лжепророковъ. Онъ знаетъ, что богатая европейская культура обречена на гибель, что ея учители обречены на посрамленіе. Европейская цивилизація — и преимущественно въ самомъ ея вредномъ и самомъ опасномъ проявленіи — въ видѣ германской культуры, давно тяготѣла грозною бѣдою надъ русскимъ народомъ; она не только незамѣтно заѣла и загубила цѣлую половину славянскаго міра, но дерзнула проникнуть въ предѣлы самой Россіи; здѣсь подпали подъ ея пагубное вліяніе не только окрайны русскаго государства—Польша и Остзейскій край, но исконныя земли русскаго племени Литва и Малороссія, а со времени Петра Великаго она даже дѣлала постоянныя попытки проникнуть въ самое сердце русскаго народа и исторгнуть изъ его рукъ священный залогъ счастья и успѣха, врученный ему одному, какъ избранному народу, Провидѣніемъ. И въ Россіи нашлись люди, администраторы и ученые, которые подали руку апостоламъ германской культуры и способствовали ея торжеству. Пора, давно пора было сорвать съ нея маску. Кн. Васильчиковъ это сдѣлалъ, онъ доказалъ что европейская цивилизація и германская культура ничто иное, какъ великое общественное зло.

Эта культура основана на насиліи, на грубомъ захватѣ и „экспропріаціи“, на томъ, что „одна половина рода человѣческаго обобрана другой“ (введ., стр. 21). Оттого, несмотря на ея мишурный блескъ, на ней лежитъ Каиново проклятіе. Вездѣ, гдѣ она водворяется, тамъ, несмотря на золотистыя нивы и тучныя пастбища, люди мрутъ отъ голода, несмотря на политическую свободу люди бѣгутъ изъ своего отечества, братъ возстаетъ противъ брата и въ братоубійственной борьбѣ исчезнетъ, какъ призракъ, и самая эта культура.

Отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, которыя нѣкогда погубили древній міръ, которыя погубятъ и новый, пришелъ предостеречь

и спасти свой народъ кн. Васильчиковъ и, какъ истый пророкъ, указать ему пути въ обѣтованную землю.

Относительно князя Васильчикова, однако, не оправдалось то, что было сказано о другихъ пророкахъ: „нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ.“ Кн. Васильчиковъ былъ признанъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ.

Люди самыхъ различныхъ литературныхъ партій, не задумавшись, привѣтствовали его сочиненіе съ рѣдкимъ единодушіемъ. Въ журнальныхъ рецензіяхъ и газетныхъ передовыхъ статьяхъ возвѣщалось публикѣ о новомъ произведеніи русской науки и, чтобы познакомить скорѣе читателей съ его результатами, его содержаніе излагалось и перефразировалось на всѣ лады.

Однако, неужели же въ наше время такъ легко сдѣлаться пророкомъ? Неужели для этого достаточно поласкать общественное мнѣніе, покурить ѳиміаму нѣкоторымъ принципамъ, которые пользуется симпатіей различныхъ литературныхъ кружковъ, провозгласить себя приверженцемъ извѣстныхъ современныхъ идеаловъ? Намъ на Руси, кажется, слѣдовало бы особенно осторожно относиться къ вновь появляющимся пророкамъ; ибо здѣсь всегда водилось своего рода пророчество; и еще въ старину выработался у насъ особый типъ *народнаго* пророка. Типъ этотъ не вымеръ, а съ развитіемъ культуры принялъ разнообразныя и утонченныя формы и проявлялся не разъ на поприщѣ литературной дѣятельности. Но положеніе популярнаго пророка сдѣлалось въ наше время гораздо болѣе затруднительнымъ, чѣмъ прежде; его задачи усложнились и потому требованія отъ него должны были бы увеличиться. Намъ не вѣрится, чтобы можно было въ нашу скептическую эпоху также легко поднять знамя пророка и взять на себя задачу народнаго руководителя какъ въ тѣ времена, когда для этого не требовалось никакого серіознаго приготовленія, никакого предварительнаго труда. Намъ не вѣрится, чтобы можно было теперь, какъ говоритъ легенда о Магометѣ, написать коранъ, не будучи грамотнымъ. Вѣдь даже изъ поклонниковъ Магомета толь-

ко самые фанатическіе или самые простодушные вѣрили въ эту легенду и гордились безграмотностью своего пророка.

Поэтому, прежде чѣмъ признать себя послѣдователями кн. Васильчикова, прежде чѣмъ ополчиться вмѣстѣ съ нимъ противъ древне-классической и современной европейской культуры, разсмотримъ по пристальнѣе доспѣхи, которыми вооружился этотъ новый витязь, выступившій въ походъ противъ чудовищъ, порожденныхъ европейской цивилизаціей. Прежде чѣмъ прославлять цѣлительную силу идей и выводовъ кн. Васильчикова, изслѣдуемъ то основаніе, на которое онъ сталъ, тѣ понятія, отъ которыхъ онъ отправился. Постараемся дать себѣ отчетъ въ степени его учености, въ методѣ изслѣдованія и изложенія, котораго онъ держится; затѣмъ разсмотримъ научные принципы усвоенные имъ въ политической экономіи; далѣе познакомимся съ нимъ, какъ съ историкомъ, разсмотримъ на сколько онъ вѣрно и глубоко уяснилъ себѣ исторію народовъ, на основаніи которой онъ построилъ свою культурную теорію и тогда, наконецъ, мы будемъ имѣть возможность вполнѣ и по достоинству оцѣнить практическіе выводы, которымъ современное поколѣніе, а можетъ быть и всѣ грядущія, будутъ обязаны кн. Васильчикову.

Итакъ, познакомимся прежде всего съ познаніями и научными пріемами кн. Васильчикова. Зороастръ и Конфуцій могли не знать географіи и исторіи. Но когда въ наше время раздается голосъ мудреца, позволительно спросить, имѣетъ ли онъ свидѣтельство зрѣлости или обладаетъ ли онъ тѣми свѣдѣніями, которыя составляютъ предметъ обученія въ гимназическомъ курсѣ? Мы потому и начнемъ нашъ разборъ книги кн. Васильчикова съ экзамена зрѣлости самого автора.

ГЛАВА I.

ПОЗНАНІЯ И МЕТОДЪ КН. ВАСИЛЬЧИКОВА.

Кн. Васильчиковъ, вѣроятно, учился, какъ и всѣ мы, тому, что преподается въ гимназіи; хорошо ли или плохо онъ усвоилъ себѣ гимназическій курсъ, это намъ неизвѣстно, но достовѣрно то, что когда онъ принялся писать свое ученое сочиненіе, онъ не считалъ нужнымъ обременять свой высокій полетъ элементарными свѣдѣніями. Нѣтъ ни одной школьной науки, которая не могла бы пожаловаться на пренебреженіе съ его стороны. Географія самый легкій и доступный изъ предметовъ школьнаго обученія; между тѣмъ знаніе ея необходимо и для ученаго, пишущаго о статистикѣ, объ исторіи и о политической экономіи; но кн. Васильчиковъ считаетъ возможнымъ быть историкомъ и политико-экономомъ, не справляясь съ географіей, пренебрегая ея терминами и указаніями. Англію, напр., кн. Васильчиковъ долженъ былъ бы знать вдоль и поперекъ; ему извѣстно и количество землевладѣльцевъ въ этой странѣ и количество пшеницы, овса, картофеля и турнепса, въ ней произрастающихъ, и отношеніе крупнаго къ мелкому фермерству чуть не въ каждомъ графствѣ. А между тѣмъ, гдѣ находятся эти графства на картѣ, это для него совсѣмъ не ясно. На стр. 122 своего труда онъ говоритъ, что „сельско-хозяйственный бытъ въ Англіи раздѣляется на двѣ группы: въ сѣверныхъ графствахъ, начиная, примѣрно, отъ гр. Warwick до границы Шотландіи (Northumberland, Suffolk,

Norfolk) преобладаетъ крупное фермерство». Этой группѣ противополагается другая въ юго-восточной части Англіи. Когда же кн. Васильчиковъ дошелъ до 156 стр. карта Англіи въ его воображеніи перевернулась; говоря о заработной платѣ въ южныхъ графствахъ, онъ причисляетъ къ нимъ Norfolk, Suffolk, которые такимъ образомъ одновременно оказываются и южными и сѣверными графствами.

Кн. Васильчиковъ изобрѣлъ въ Германіи страну Люксбургъ и упорно держится за это изобрѣтеніе (стр. 215 и 725). Что это не опечатка вмѣсто Луксембургъ, видно изъ того, что новая страна оба раза оказывается рядомъ съ Саксоніей. Какое значеніе имѣетъ въ географіи выраженіе «Новый Свѣтъ»,—кн. Васильчикову неизвѣстно. На стр. 6 онъ называетъ этимъ именемъ Америку, а на 797 онъ разумѣетъ подъ странами „Новаго Свѣта“ западную Европу. Но затрудненія кн. Васильчикова особенно увеличиваются, какъ скоро географическіе вопросы усложняются этнографическими. Одинъ вопросъ о разселеніи германскаго племени, отъ котораго собственно и пошло все зло современной цивилизаціи, поставилъ кн. Васильчикова въ безвыходный тупикъ. Особенно много хлопотъ надѣлали ему при этомъ франки и ихъ отношеніе къ германцамъ. Кн. Васильчиковъ храбро рѣшился отдѣлить франковъ отъ германской расы и возвести ихъ въ отдѣльное племя. На стр. 240 онъ говоритъ: „Это отдѣльное, подворное размѣщеніе крестьянскихъ земель составляетъ такую отличительную черту именно германской аграрной организаціи, что не встрѣчается въ другихъ странахъ, населенныхъ франкскими или славянскими племенами“. Точно также на стр. 703 сказано: „Европейская община, какая существовала у германцевъ и франковъ въ первобытныя времена ихъ историческаго развитія и т. д.“ Наконецъ, на стр. 5 читаемъ слѣдующую грамматически нескладную фразу: „Въ земляхъ франкскихъ и романскихъ или даже въ тѣхъ, гдѣ эти расы смѣшались съ германской и англосаксонской“ и т. д. Но если франки здѣсь отчетливо отдѣлены не только отъ германцевъ (а это тоже, что напр., противоположить сербское *племя* славянскому),

но и отъ романскихъ народовъ, то въ другомъ мѣстѣ на той же страницѣ оказывается, что франки и романскіе народы слились и образуютъ одно особенное *франко-латинское племя*, при чемъ изъ слѣдующихъ за тѣмъ строкъ, гдѣ говорится о колоніяхъ въ Америкѣ, можно заключить, что кн. Васильчиковъ подразумѣваетъ подъ франко-латинскимъ племенемъ французовъ, испанцевъ и португальцевъ.

Это стараніе кн. Васильчикова отдѣлить франковъ отъ германцевъ напоминаетъ намъ того флорентинскаго чичероне, который въ пору ненависти италіанцевъ къ нѣмцамъ изъ любезности никакъ не хотѣлъ признать одного нѣмецкаго профессора изъ Гёттингена за нѣмца и узнавъ наконецъ, что Гёттингенъ въ Ганноверѣ, успокоился и торжественно воскликнулъ: siete Annoverano e non Tedesco.

Но предположивши въ угоду кн. Васильчикову, что франки не германцы, намъ остается еще узнать, кто же такое германцы? Можно было бы подумать, что нашъ авторъ подъ германцами разумѣетъ однихъ только саксонцевъ.

По крайней мѣрѣ, на стр. 289 сказано: „Эта форма землевладѣнія составляетъ главную характеристику аграрнаго строя во всѣхъ странахъ, гдѣ водворились землевладѣльцы чисто-германской, саксонской породы“. Но кн. Васильчиковъ не даетъ намъ успокоиться на этой мысли; на стр. 5 германская раса отчетливо отдѣляется отъ англо-саксонской; на стр. 279 онѣ опять сливаются, ибо сказано, что Англія и Сѣверная Германія заняты саксонцами. Наконецъ, на 253 стр. оказывается, что саксонцы заняли только половину Германіи „съ береговъ Эльбы на Востокъ“. Слѣдовательно, Германія на западъ отъ Эльбы не была занята саксонцами! Между тѣмъ изъ всякаго учебника можно узнать, что *саксы*, какъ слѣдовало бы сказать кн. Васильчикову, поселились именно на лѣвомъ берегу Эльбы, тогда какъ вся правая сторона этой рѣки была занята славянскими племенами, такъ что „саксонская половина Германіи съ береговъ Эльбы на востокъ“ есть географическій non-sense.

При такихъ обстоятельствахъ, читатель не можетъ удивляться тому, что Голландія вмѣстѣ съ Бельгіей, Италіей и

Франціей причислена къ странамъ, гдѣ франкская и романская раса смѣшались съ германской и англо саксонской, (стр. 5,) или что характеръ крестьянскаго землевладѣнія въ Даніи объясняется тѣмъ, что туда *проникъ* нѣмецко-саксонскій элементъ (240).

Такую же шаткость познаній находимъ мы у кн. Васильчикова и въ области исторіи. Хронологія не имѣетъ въ его глазахъ никакого значенія. Описывая„ продолжительный насильственный вводъ во владѣніе англійскихъ властей въ землю кельтовъ", т.-е. въ Ирландію, кн. Васильчиковъ говоритъ, что „только Кромвелю и Елисаветѣ удается окончательно завладѣть страной" (130), какъ бы причисляя этимъ Кромвеля къ предшественникамъ дѣвственной королевы. Аграрные законы въ Римѣ особенно привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашего автора, но это нисколько не заставляетъ его отнестись къ нимъ съ необходимою отчетливостью; его перо нисколько не затрудняется, напр., написать фразу о „неуспѣшныхъ попыткахъ Гракховъ и Лициніевъ", хотя Лициній былъ только одинъ и жилъ онъ болѣе, чѣмъ за 200 лѣтъ раньше Гракховъ. Законы Лициніа вообще представляются кн. Васильчикову въ миѳическомъ туманѣ, ибо провозглашенію законовъ Лициніа онъ приписываетъ установленіе „равенства всѣхъ римскихъ гражданъ" и вслѣдствіе этого „воцареніе чистой демократіи и полной свободы правъ собственности". Въ послѣднихъ словахъ обнаруживается полнѣйшее незнаніе римскаго права, которое нисколько не обязано закону Лициніа свободою собственности; но еще болѣе непростительно для кн. Васильчикова то, что онъ не справился въ учебникахъ о содержаніи законовъ Лициніа, приступая писать исторію землевладѣнія въ Римѣ. Въ другомъ мѣстѣ (введ. стр. VI) *законы Лициніевъ* причисляются нашимъ авторомъ къ явленіямъ, которыя были „предсмертными припадками обществъ, уже преклоняющихся къ разрушенію". Это также вѣрно, какъ если бы сказать въ біографіи человѣка умершаго 80 лѣтъ, что у него въ дѣтствѣ обнаружились предсмертные припадки организма уже преклонявшагося къ разрушенію.

Не только такими хронологическими промахами обнаруживается со стороны кн. Васильчикова полнѣйшее незнакомство съ исторіей, но еще болѣе тѣмъ злоупотребленіемъ или непониманіемъ историческихъ терминовъ, которое мы у него постоянно встрѣчаемъ. Изъ его сочиненія, напр., можно почерпнуть любопытныя и конечно, не слыханныя свѣдѣнія объ *аѳинскихъ дворянахъ*. Ему извѣстно, что въ 321 г. по Р. Х. (sic) въ Аѳинахъ было 31,000 дворянъ (789), за то въ послѣднее время республики въ Аѳинахъ оказывается всего не болѣе „21,000 гражданъ“ (на той же 789 страницѣ). Почему въ первомъ случаѣ кн. Васильчиковъ пожаловалъ аѳинскихъ гражданъ *дворянствомъ* и почему онъ ихъ опять разжаловалъ, остается неизвѣстнымъ. Для демократическаго кн. Васильчикова „патрицій“ есть нѣчто въ родѣ браннаго слова и, вѣроятно, для того, чтобы имѣть удовольствіе почаще бранить римлянъ, онъ разсовываетъ патриціевъ во всѣ эпохи римской исторіи и во всѣ закоулки римскаго государства, не давая себѣ отчета, что эпоха владычества въ Римѣ патриціевъ кончилась за долго до завоеваній римлянъ внѣ Италіи и до паденія республики. Такъ по свидѣтельству кн. Васильчикова „на законы Гракховъ было положено проклятіе патриціями“ (793); „въ первыя столѣтія до и по Р. Х. государственныя земли были уже всѣ подѣлены между патриціями“ (844). Африканская провинція принадлежала 6 патриціямъ и когда началось переселеніе народовъ, то „ломбарды“ нашли въ Италіи опять-таки патриціевъ и, умертвивши ихъ, воздали долгъ справедливости за грабежъ и захваты, совершенные ихъ предками во времена Лициніевъ. Однимъ словомъ по философіи исторіи кн. Васильчикова „основы римской исторіи и римской юриспруденціи составляютъ владычество патриціевъ и рабство“.

Какъ шатки собственныя основы кн. Васильчикова въ его сужденіяхъ о римской исторіи можно видѣть изъ слѣдующаго глубокомысленнаго замѣчанія, что „рыцари (equites) и сенаторы, родовая знать (census equester) и новое дворянство (nobilitas) подѣлили между собой государственныя имущества уже за два столѣтія до Р. Х.“ Кн. Васильчиковъ оче-

видно совершенно не знакомъ съ латинскимъ словомъ equester, и не знаетъ, что оно означаетъ „всаднический“; а census значитъ цензъ, и онъ не подозрѣваетъ, что всаднический цензъ не имѣетъ ничего общаго съ *родовою знатью*. Особенно курьёзно тутъ то, что кн. Васильчиковъ, этотъ спеціалистъ по вопросамъ, касающимся исторіи преступленій всѣхъ аристократій вообще, не уяснилъ себѣ, что понятіе ценза т.-е. принадлежности къ извѣстному классу или сословію по имущественной оцѣнкѣ, прямо противоположно понятію родовитости, что цензъ, т.-е. тимократическое начало, вводился для того, чтобы сломить или уменьшить значеніе родовой знати и что поэтому до сихъ поръ никто никогда не смѣшивалъ родовую знать Рима со всаднического сословіемъ.

Если князь Васильчиковъ впадалъ въ такія заблужденія даже на широкой дорогѣ исторіи, протоптанной Кайдановыми и Иловайскими, то можно себѣ представить, куда его заманивала фантазія, когда онъ рѣшался углубляться въ сторону отъ торнаго пути. Тутъ кочевые гунны представляются ему земледѣльческимъ народомъ, ищущимъ земли: онъ приводитъ свидѣтельства „нѣмецкихъ лѣтописцевъ VIII и IX вѣка“, вѣроятно принявши ученыхъ издателей старинныхъ грамотъ, напр., Мейхелбека, за лѣтописцевъ VIII вѣка, и не подозрѣвая, что лѣтописное дѣло началось въ Германіи позднѣе. Консула Фламинія кн. Васильчиковъ неожиданно производитъ въ „латинскіе писатели“ и ставитъ его на ряду съ Полибіемъ, котораго относитъ къ III вѣку до Р. Х. (790); мало извѣстнаго юриста Естора, жившаго въ XVIII в., имя котораго онъ нашелъ въ одномъ примѣчаніи у Рошера, онъ возводитъ въ *патріархи* юридической науки и называетъ на ряду и раньше знаменитаго Гуго Гроція, жившаго въ началѣ XVII в. (стр. 208); въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ слова „извѣстнаго нѣмецкаго историка Шлёцера“, сказанныя „еще въ тридцатыхъ годахъ“,—но извѣстный историкъ Шлёцеръ умеръ въ 1809 году; сынъ его, бывшій профессоромъ въ Москвѣ и издавшій въ 1804 г. свое сочиненіе о началахъ народнаго хозяйства, не можетъ быть названъ „извѣстнымъ нѣмецкимъ историкомъ“; а извѣстный нѣмецкій историкъ трид-

цатыхъ годовъ назывался не Шлёцеръ, а Шлоссеръ. Кого же изъ 3 разумѣлъ кн. Васильчиковъ, *два* раза упоминая имя Шлёцера? Къ подобнымъ же ученымъ курьёзамъ принадлежитъ слѣдующее мѣсто на 792 стр.: „Цицеронъ приводитъ показаніе трибуна Маркафили, что въ 183 году до Р. Х. всѣхъ собственниковъ въ Римѣ было не болѣе 2000 семействъ“! Если бы ухо кн. Васильчикова сколько-нибудь привыкло къ именамъ римской исторіи, для него было бы совершенно невозможно сочинить такого трибуна, да и въ хронологіи кн. Васильчиковъ ошибся на 80 лѣтъ, помѣстивъ своего Маркафили—слѣдовало бы сказать Марція Филиппа—въ предшественники Гракховъ, тогда какъ онъ жилъ послѣ нихъ.

Кн. Васильчиковъ самъ позаботился о томъ, чтобы закрыть для себя лазейку, въ которую иногда прячутся не твердые въ наукѣ авторы. Онъ не можетъ, напр., приписать честь изобрѣтенія трибуна *Маркафили* своему корректору, потому что у него тутъ же встрѣчается мѣсто, заключающее въ себѣ цѣлый букетъ историческихъ прелестей и обличающее полнѣйшее незнаніе гимназическаго курса. Онъ разсказываетъ, что „еще Плиній Старшій предвѣщалъ своимъ согражданамъ, римскимъ патриціямъ, что ихъ обширныя помѣстья погубятъ Италію: latifundia perdidere Italiam, и Плиній былъ правъ“. (786). Это то же, какъ если бы кто сказалъ: „еще кн. А. Васильчиковъ предвѣщалъ своимъ согражданамъ, думнымъ боярамъ и окольничьимъ московскимъ, что ихъ бороды будутъ сбриты и ихъ кафтаны замѣнены фраками подъ тлетворнымъ вліяніемъ германской культуры“! Князь Васильчиковъ, который начинаетъ эпоху экономическаго разстройства Рима и исключительнаго преобладанія крупной поземельной собственности чуть не съ эпохи древнихъ царей, какъ здѣсь оказывается, не вѣдаетъ, что задолго до императора Тита, при которомъ умеръ Плиній Старшій, вся средняя и южная Италія превратились въ латифундіи. И зачѣмъ это кн. Васильчиковъ привелъ слова Плинія въ оригиналѣ, вѣдь по нимъ-то мы и получаемъ возможность узнать—ex ungue leonem, что кн. Васильчиковъ, пи-

савшій о классическомъ образованіи, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о латинской грамматикѣ,—вѣдь perdidere прошедшее время, а не будущее. Если бы кн. Васильчиковъ зналъ объ этомъ маленькомъ обстоятельствѣ, онъ не приписалъ бы Плинію такого дара предвѣщанія, на какой онъ самъ претендуетъ.

Вѣроятно, изъ чувства демократической справедливости кн. Васильчиковъ считаетъ нужнымъ выказать одинакое пренебреженіе ко всѣмъ элементарнымъ предметамъ школьнаго обученія, даже къ ариѳметикѣ и къ русской грамматикѣ. Любопытные примѣры отношенія къ ариѳметикѣ можно найти въ главѣ объ Ирландіи: кн. Васильчиковъ поясняетъ здѣсь (ст. 138), что ирландскій акръ нѣсколько больше англійскаго и составляетъ около $^1/_2$ десятины и потому, вычисляя арендную плату въ южныхъ графствахъ Ирландіи — отъ 7 до 15 фун. ст. за ирландскій акръ — говоритъ „что это равняется отъ 50 до 105 руб. за русскую десятину!!“ Кн. Васильчиковъ могъ бы приставить, по крайней мѣрѣ, 4 восклицательныхъ знака къ своей фразѣ, если бы вѣрно разрѣшилъ слѣдующую простую ариѳметическую задачу: если за полдесятины платятъ 7 £., то сколько нужно заплатить за цѣлую? при этомъ оказалось бы, что за цѣлую платятъ отъ 100 до 210 рублей, а не отъ 50 до 105, какъ вычислилъ кн. Васильчиковъ. Перевертываемъ два листика въ книгѣ кн. Васильчикова и находимъ, что размѣры ирландскаго акра очень увеличились, но, что ариѳметическія способности автора остались тѣ же. На 143 стр. размѣръ ирландскаго акра опредѣленъ въ $^2/_3$ десятины; — затѣмъ тутъ же излагается, что „вольнооброчныя земли дошли до 8, 10 и 12 £. за акръ, что составляетъ на русскую десятину около 200 р. годовой платы (sic!!)“. Опять, судя по восклицательнымъ знакамъ, крайнее изумленіе со стороны кн. Васильчикова, но и не меньшее изумленіе со стороны читателя, который вычисляетъ, что при отношеніи 1 акръ = $^2/_3$ дес. maximum платы—12 £. за акръ—составитъ на десятину 18 £., т. е. по вышепринятому кн. Васильчиковымъ разсчету, по 7 р. за фунтъ—126 р. Что русская грамматика

пользуется со стороны кн. Васильчикова не меньшимъ пренебреженіемъ, чѣмъ европейская цивилизація, свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто: „Въ одной статьѣ, нѣмецкаго журнала Augsburger-Zeitung, редактированномъ извѣстнымъ экономистомъ Максомъ Виртомъ“ и т. д. Къ чему бы ни относилось слово „редактированномъ“ „къ статьѣ“ или къ слову „журнала“, здѣсь также нарушены правила русской грамматики, какъ правила латинской при переводѣ perdidere. Но это мѣсто интересно еще въ другомъ отношеніи: оно доказываетъ, что кн. Васильчиковъ, который постигъ духъ славянской расы и духъ исторіи русскаго народа и открещивается отъ европейской культуры, не постигаетъ простаго русскаго языка и мыслитъ по французски. Ни одинъ русскій не назоветъ аугсбургскую газету—журналомъ и не употребилъ бы въ настоящемъ случаѣ выраженіе „редактированномъ—redigé, такъ какъ статья, о которой идетъ рѣчь, написана и подписана Виртомъ. Съ другой стороны въ книгѣ кн, Васильчикова нерѣдко встрѣчаются простыя русскія слова, смыслъ которыхъ ему очевидно не совсѣмъ понятенъ. На стр. 195 онъ говоритъ: „Читая во всѣхъ (?) ученыхъ сочиненіяхъ и трактатахъ, и слыша постоянно категорическія заявленія, что община была исконная форма германской общественности, что она во всей западной Европѣ существовала точно такъ, какъ существуетъ по нынѣ въ Россіи, при низкой степени цивилизаціи и сельскаго хозяйства, мы могли бы повѣрить на слово этимъ ученымъ и свѣтскимъ авторитетамъ“ и т. д. Что значитъ *свѣтскіе* авторитеты и что разумѣется подъ учеными и свѣтскими авторитетами? сочиненія и трактаты или цивилизація и сельское хозяйство?

На стр. 780 сказано: „Мы не оспариваемъ относительныхъ выгодъ этой формы замкнутаго подворнаго землевладѣнія и мудрости законоположенія, изданнаго великой государыней для Россіи непосредственно по выѣздѣ Ея Величества изъ княжества Ангальтъ-Цербстъ“. Что значитъ здѣсь *непосредственно?* если это опредѣленіе хронологическое, то оно невѣрно, ибо Екатерина пріѣхала въ Россію не въ 1764 году,

а ровно 20-ю годами раньше, въ 1744 году. Если же кн. Васильчиковъ придаетъ слову непосредственно какое-нибудь другое значеніе, то онъ подтверждаетъ наше замѣчаніе о незнаніи языка. И какъ эта *иронія*, въ которую кн. Васильчиковъ нерѣдко любитъ драпировать себя, какъ, напр., въ приведенномъ случаѣ, мало гармонируетъ съ неумѣньемъ владѣть языкомъ и держать свои мысли въ извѣстномъ порядкѣ. Недаромъ все сочиненіе кн. Васильчикова усѣяно перечными черточками, отдѣляющими одну половину страницы отъ другой и показывающими, что нить изслѣдованія или мысль у него прервалась, и что онъ вдругъ почувствовалъ потребность броситься въ сторону, заговорить о совершенно другомъ, или же начать сначала и повторить то, что уже было сказано.

Особенно характеристично у кн. Васильчикова употребленіе слова *и такъ*. У обыкновенныхъ писателей это значитъ, что авторъ хочетъ вывести заключеніе изъ того, что имъ было приведено въ подтвержденіе своей мысли или, по крайней мѣрѣ, что онъ хочетъ подвести итогъ тому, что было сказано; у кн. Васильчикова „и такъ“ служитъ очень часто только предостереженіемъ для читателя, что авторъ хочетъ перевести дыханіе послѣ длиннаго набора напыщенныхъ словъ и броситься бѣжать куда-нибудь въ сторону.

На этомъ мы оканчиваемъ экзаменъ зрѣлости, которому мы сочли нужнымъ подвергнуть кн. Васильчикова. Самый снисходительный свидѣтель долженъ будетъ заявить, что пророкъ экзамена не выдержалъ и не могъ бы претендовать на свидѣтельство зрѣлости. Не оттуда ли его тайная злоба противъ науки и ученыхъ авторитетовъ? Но не то важно, что кн. Васильчиковъ недолюбливаетъ науку, а то, что авторъ, обладающій такими поверхостными познаніями въ исторіи, рѣшается писать „объ основахъ исторіи“, рѣшается говорить объ исконныхъ свойствахъ расъ и племенъ, объяснять происхожденіе политическихъ учрежденій и общественныхъ отношеній, рѣшается, наконецъ, по своему толковать смыслъ европейской цивилизаціи, говорить объ ея негодности и взывать къ анаѳемѣ!...

Если бы еще этотъ авторъ, превращаясь въ изслѣдователя и чувствуя свои слабыя силы, отнесся, по крайней мѣрѣ, добросовѣстно къ матеріалу, который у него былъ подъ рукой, тщательно взвѣшивалъ извѣстные ему факты, осмотрительно дѣлалъ бы изъ нихъ выводы, помнилъ бы, что онъ самъ говорилъ, былъ бы послѣдователенъ въ своихъ разсужденіяхъ, додумывалъ свои мысли и давалъ бы себѣ отчетъ о томъ, чего онъ хочетъ, и что другіе должны вывести изъ его словъ—однимъ словомъ, держался бы какого-нибудь научнаго метода! Но кн. Васильчиковъ имѣетъ также мало понятія о методѣ, какъ, по его мнѣнію, древне-русскій человѣкъ—о личной поземельной собственности и наслѣдственности,—и его перо гуляетъ также свободно по страницамъ его объемистой книги, какъ ходили соха, коса и топоръ по малонаселеннымъ областямъ древней Руси.

О методѣ автора историческаго или экономическаго изслѣдованія можно прежде всего судить по источникамъ, которыми онъ пользовался, и по его способу обращаться съ этими источниками. Къ концу II тома кн. Васильчикова приложенъ длинный списокъ сочиненій подъ громкимъ заглавіемъ: „Источники“. О тщательности, съ которою составленъ этотъ списокъ, можно заключить по тому, что извѣстный Тэнъ названъ—Реномъ и такъ какъ списокъ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ, и Ренъ правильно помѣщенъ между Plogey и Rau, то при всемъ желаніи нельзя это признать за типографскую погрѣшность. Какъ бы то ни было, однихъ иностранныхъ сочиненій приведено въ спискѣ болѣе 50. Читалъ ли кн. Васильчиковъ всѣ свои источники, это намъ неизвѣстно, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что изъ его сочиненія этого не видно. Въ этомъ обширномъ сочиненіи замѣтны слѣды только очень немногихъ книгъ и эти слѣды болѣе обнаруживаются въ отрывочныхъ фактахъ, оттуда заимствованныхъ, чѣмъ въ вліяніи на автора и на его пониманіе историческихъ учрежденій и экономическихъ или общественныхъ отношеній. Но сличеніе текста кн. Васильчикова съ источниками, на которыхъ онъ основывается и вообще изученіе его способа пользоваться источниками —

задача чрезвычайно затруднительная, такъ какъ онъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ ссылается въ своей книги на какого нибудь автора и при этомъ почти никогда не цитуетъ страницы, откуда заимствованы извѣстные факты или мнѣнія.

Только съ большимъ трудомъ или случайно и съ помощію памяти читатели кн. Васильчикова въ состояніи догадаться, у какого автора и гдѣ почерпнуто извѣстное свѣдѣніе.

Такое ненаучное отношеніе къ дѣлу слѣдуетъ, конечно, объяснить дилетантизмомъ автора и небрежностью его работы, но эти свойства на этотъ разъ оказали кн. Васильчикову такую же услугу, какъ если бы онъ руководился разсчетомъ и намѣренно скрывалъ свои источники. Ибо если бы онъ дѣйствовалъ общепринятымъ способомъ и приводилъ заимствованныя мѣста, тогда бы и самые довѣрчивые читатели усомнились въ его правѣ рѣшать трудные историческіе вопросы и въ его призваніи пролагать новые пути для исторіи цивилизаціи.

Неправильное отношеніе къ источникамъ и искаженіе ихъ свидѣтельствъ объусловливаются со стороны кн. Васильчикова тремя причинами: во первыхъ, неподготовленностью его въ научномъ отношеніи, незнакомствомъ съ фактами и терминами различныхъ наукъ, слѣдствіемъ чего являются множество невольныхъ заблужденій; во вторыхъ, дилетантизмомъ, который, повидимому, есть столько же прирожденное свойство ума кн. Васильчикова, сколько слѣдствіе непривычки къ систематическимъ научнымъ занятіямъ; наконецъ, тенденціозностью его работы, которая заставляла его то намѣренно приправлять по своему вкусу найденныя въ источникахъ свѣдѣнія и мнѣнія, то самому безсознательно увлекаться и удаляться отъ нихъ.

Рѣшить въ каждомъ данномъ случаѣ, что было причиною ошибки или искаженія, непониманіе ли или небрежность, или же увлеченіе тенденціей—очень трудно; нерѣдко нѣкоторыя изъ этихъ причинъ одновременно участвовали въ извращеніи источника или вызывали отступленіе отъ него.

Многія изъ курьёзныхъ цитатъ, которыми изобилуетъ книга кн. Васильчикова, мы должны приберечь до тѣхъ главъ, гдѣ будутъ разсматриваться самые вопросы, къ которымъ онѣ относятся; теперь достаточно будетъ сопоставить нѣсколько данныхъ, необходимыхъ для общей характеристики какъ степени учености, такъ и свойствъ метода кн. Васильчикова.

Нашъ авторъ, какъ было замѣчено, не любитъ утомлять читателей ссылкой на другія сочиненія; но нельзя же въ такомъ ученомъ трудѣ, гдѣ провѣряется весь ходъ классической и европейской цивилизаціи, не выказать нѣкоторой фамиліярности съ извѣстными всему міру и всѣми уважаемыми именами; нельзя, напр., говоря подробно о бытѣ древнихъ Германцевъ, ни разу не сослаться на Тацита. Но такія поползновенія со стороны кн. Васильчикова дать мимоходомъ почувствовать читателю, что онъ находится въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ къ какому-нибудь Тациту,— обходятся ему не даромъ. Такъ на стр. 236 кн. Васильчиковъ разсказываетъ, что въ эпоху нашествія варваровъ „король съ своими дружинниками и высшимъ духовенствомъ (кн. Васильчиковъ, вѣроятно, разумѣетъ жрецовъ Водана) *отбиралъ у прежнихъ собственниковъ* часть ихъ *земель*“ и что поэтому „понятіе о полной, свободной собственности вскорѣ вовсе исчезаетъ въ Германіи. Въ римскую эпоху до нашествія варваровъ, число ихъ было, повидимому значительно. Тацитъ отличаетъ ихъ особымъ названіемъ coloni ingenuiles“ и пр.

Тацитъ, какъ извѣстно, написалъ очень короткое, но во всѣхъ отношеніяхъ классическое сочиненіе о бытѣ древнихъ Германцевъ. Для писателя, который намѣревается прослѣдить исторію аграрнаго быта въ Германіи съ самаго начала и указать *основы* различія между германскимъ и славянскимъ аграрнымъ устройствомъ, знакомство съ „Германіей“ Тацита (въ ней 18 страницъ) было бы совершенно необходимо. Но доказательство на лицо, что кн. Васильчиковъ не только не читалъ „Германіи“, но и не въ состояніи прочесть ее. Выраженіе „colonus“ одинъ только разъ употреблено въ

Германіи, а именно въ 25 главѣ, гдѣ Тацитъ говоритъ о *рабахъ* у Германцевъ, онъ сравниваетъ ихъ отношеніе къ господамъ съ положеніемъ колоновъ у Римлянъ. Слѣдовательно, во первыхъ, ни о какихъ колонахъ у Германцевъ у Тацита нѣтъ рѣчи; во вторыхъ, съ словомъ colonus Тацитъ нисколько не связываетъ понятія о полномъ собственникѣ: напротивъ, онъ отождествляетъ съ колонами германскихъ рабовъ, разселенныхъ по отдѣльнымъ дворамъ и несущихъ опредѣленныя господиномъ натуральныя повинности. Наконецъ, Тацитъ и не думалъ называть колоновъ — ingenuiles (свободными); этого эпитета онъ даже и не могъ имъ придать, такъ какъ въ латинскомъ языкѣ вовсе не существуетъ подобной формы и она образовалась только въ средневѣковой или варварской латыни. Забавный примѣръ того, въ какія недоразумѣнія впадаетъ кн. Васильчиковъ, когда его незнакомство съ историческими источниками совпадаетъ съ его страстью подкрашивать факты, чтобы сдѣлать ихъ болѣе убѣдительными — представляется намъ на стр. 227. Здѣсь нашъ авторъ проводитъ мысль, что во всей западной Европѣ помѣстная дворянская собственность установилась „вслѣдствіе того, что завоеватели, покорившіе страну, *присвоивали себѣ земли*, тогда какъ въ Россіи завоеватели, покоряя туземцевъ, ограничивались обложеніямъ ихъ деньгами и сборами“. Кн. Васильчиковъ при этомъ ссылается на сочиненіе Landau—Die Territorien—и приводитъ изъ него „примѣръ, какъ это происходило: „Саксонцы вторглись въ землю Швабовъ и потребовали отъ нихъ уступки части земель; сначала Швабы предложили имъ $^1/_3$ своихъ угодій, на что Саксонцы не согласились; тогда имъ предложена была половина, потомъ $^2/_3$, на чемъ они помирились, но съ придачею всего скота, который и былъ забранъ Саксонцами“.

Если бы читатель пересмотрѣлъ все сочиненіе Ландау, онъ нашелъ бы соотвѣтствующее мѣсто, но увидалъ бы, что кн. Васильчиковъ счелъ нужнымъ кое въ чемъ отступить отъ своего источника. Ландау, напр., говоритъ только о предложеніяхъ со стороны Швабовъ, но ничего не сообщаетъ о

счастливомъ результатѣ для Саксонцевъ, которые *забрали* собственность Швабовъ. Но это еще не все. Ландау съ своей стороны ссылается на извѣстныхъ лѣтописцевъ, Григорія Турскаго и Павла Дьякона. А у нихъ мы находимъ слѣдующее *преданіе*. Когда Лонгобарды переселились въ Италію, вмѣстѣ съ ними отправились туда и Саксы. Послѣдніе потомъ вздумали возвратиться на родину. Но оказалось, что ихъ страна была въ ихъ отсутствіе занята переселившимися туда Швабами. Саксы хотѣли ихъ изгнать оттуда; но Швабы просили ихъ поселиться вмѣстѣ съ ними и уступали имъ треть страны. Саксы однако, считая всю страну своею собственностью, не соглашались принять ни половины, ни $^2/_3$, даже съ придачею скота, а стали готовиться къ битвѣ и уже условились между собой, какъ они подѣлятъ женъ Швабовъ. Но милость Божія, соблюдающая справедливость, сдѣлала ихъ намѣренія тщетными, ибо въ битвѣ изъ 26000 Саксовъ пало 20000, а изъ 6000 Швабовъ пало только 480, и остальные одержали побѣду. Оставшіеся въ живыхъ Саксы поклялись, что не станутъ стричь ни головы, ни бороды, пока не отмстятъ врагамъ. Возгорѣлась новая битва; Саксы понесли еще большее пораженіе и тогда, наконецъ, отказались отъ борьбы. Итакъ, на дѣлѣ оказывается, что Саксы, прежде чѣмъ сдѣлаться помѣстными дворянами, были всѣ побиты.

Иногда кн. Васильчикова вовлекаетъ въ разногласіе съ его оригиналомъ—не только незнакомство съ источниками, но и простое незнаніе нѣмецкаго языка. На стр. 240 онъ говоритъ: „Смѣшеніе и уравненіе *вольныхъ* людей съ *крѣпостными* составляетъ главное отличіе нѣмецкаго соціальнаго строя и по всѣмъ даннымъ можно заключить, что уже въ концѣ среднихъ вѣковъ вольное состояніе было совершенно пріурочено къ невольному“. Далѣе сказано, что „въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, между вольными и крѣпостными крестьянами, дѣлалось только такое различіе, что, напр., первые возили навозъ, а вторые его разбивали, или одни подвозили вино къ погребу, а другіе его разливали въ бочки и бутылки“ и пр. Ссылки по обыкновенію здѣсь никакой нѣтъ.

Соотвѣтствующее мѣсто находится у Рошера (Nationaloek. d. Ackerb. VIII изд., стр. 353). Но здѣсь оказывается, во первыхъ, что Рошеръ беретъ этотъ фактъ изъ извѣстнаго изданія французскаго ученаго Герара: „Политикъ Ирминона“, заключающаго въ себѣ опись имуществъ С. Жерменскаго монастыря во Франціи въ VIII вѣкѣ и потому не имѣющаго никакого отношенія ни къ нѣмецкому соціальному строю, ни къ „концу среднихъ вѣковъ“. Затѣмъ оказывается, что слово aufladen кн. Васильчиковъ переводитъ словомъ разбивать, а слово Kelter (точило, приспособленіе къ выжимкѣ винограда) смѣшиваетъ съ словомъ Keller—погребъ. Однимъ, т.-е. монастырскимъ людямъ вольнаго происхожденія, поручалась болѣе легкая работа — возить виноградъ; другимъ, рабскаго происхожденія—тяжелая и непріятная работа, выжимать виноградъ. Въ вольномъ же переводѣ кн. Васильчикова утрачивается самый смыслъ различія между классами монастырскихъ людей и, принявъ точило за погребъ, кн. Васильчиковъ долженъ былъ дать волю своей фантазіи и придумалъ „разливаніе вина въ бутылки“.

Невѣрныя заимствованія, очевидно вызванныя не одною небрежностью, а тенденціозностью изложенія, у кн. Васильчикова не рѣдкость. Напримѣръ, ссылаясь на Ландау, онъ говоритъ (стр. 237), что „Франки и Бургунды также отобрали въ Галліи двѣ-трети земель у римскихъ владѣльцевъ“. Не говоря уже о томъ, что это извѣстіе совершенно невѣрно относительно Франковъ, которые вовсе не производили дѣлежа земли съ Римлянами, оно и неправильно передаетъ мнѣніе Ландау, у котораго сказано, что Римляне должны были уступить треть земли и половину усадьбы.

Тотъ же Ландау, говоря о Лонгобардахъ, замѣчаетъ, что, по всей вѣроятности, и они послѣ покоренія Италіи подѣлились землею съ Римлянами. Но потомъ, когда они избрали себѣ царя, послѣдній, по свидѣтельству Павла Діакона, велѣлъ убить многихъ знатныхъ Римлянъ или изгналъ ихъ изъ Италіи. И послѣ еще подъ управленіемъ герцоговъ, многіе Римляне были убиты, остальные же превращены въ оброчниковъ (zinspflichtig gemacht), и распредѣлены между

Лонгобардами, при чемъ имъ пришлось отдавать послѣднимъ третью часть плодовъ. Итакъ, заключаетъ Ландау, Лонгобарды сначала оставили Римлянамъ часть ихъ имущества, и затѣмъ ихъ изгнали или превратили въ арендаторовъ (pächter) ихъ прежней собственности. У кн. Васильчикова этотъ разсказъ совершенно переиначенъ: „ломбарды, говоритъ онъ (стр. 237), сначала умертвивъ римскихъ патриціевъ, владѣльцевъ земель, оставили на мѣстахъ земледѣльцевъ крестьянъ и рабовъ, а потомъ ихъ обложили оброками и, наконецъ, отняли и у нихъ земли, коими они пользовались, обративъ всѣ частныя владѣнія въ громадныя вотчины (latifundia)“. Мы не станемъ анализировать всѣхъ несообразностей, которыми кн. Васильчиковъ обогатилъ свой оригиналъ, но только спросимъ, зачѣмъ было Лонгобардамъ облагать оброками рабовъ, которые всегда его платили и зачѣмъ бы они стали отнимать земли у этихъ своихъ рабовъ, повинности которыхъ составляли ихъ главный доходъ—развѣ для того, чтобы самимъ воздѣлывать свои latifundia? Подобное же искаженіе оригинала, находимъ мы по отношенію къ Рошеру. Рошеръ, говоря (§ 108) о средневѣковой повинности, въ силу которой по смерти крестьянина господину доставалась лучшая скотина изъ наслѣдства, прибавляетъ: Als Milderung findet man wohl, dass das sterbfällige Vieh zum halben oder drittel Werthe an den Bauerhof zurückgelöst werden darf., т.-е. что въ нѣкоторыхъ случаяхъ или мѣстностяхъ повинность смягчалась тѣмъ, что наслѣдникамъ дозволялось выкупить отобранную скотину за половину или треть цѣны. Кн. Васильчиковъ передаетъ это такъ „въ видѣ милости, потомъ, возвращалась часть отобраннаго имущества“ (стр. 245), т.-е. часть отобранной коровы или лошади. Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія Ландау,—которымъ кн. Васильчиковъ особенно часто пользовался, исправляя его гдѣ нужно,—отчетливо излагаетъ причины, постепенно приведшія къ измѣненію первоначальнаго характера общиннаго владѣнія, по которому всѣ члены общины имѣли равную долю въ общинныхъ пастбищахъ, лугахъ и лѣсахъ; при чемъ это право объусловливалось осѣдлостью въ предѣлахъ общи-

ны и было пріурочено къ дворамъ. Прежде всего, по предположенію Ландау, прежнее отношеніе было нарушено тѣмъ, что постороннимъ лицамъ или сосѣднимъ монастырямъ было предоставлено право участія въ нѣкоторыхъ угодьяхъ, входившихъ въ составъ общиннаго владѣнія, напр., право охоты или право загонять стадо въ общинный лѣсъ. Рядомъ съ этимъ развилось другое отступленіе отъ прежняго обычая (Abnormität), состоявшее въ томъ, что доля одного двора въ общинныхъ угодьяхъ могла быть уступлена или продана другому двору той же общины, конечно подъ условіемъ согласія другихъ общинниковъ. Затѣмъ явилось третье отступленіе: число этихъ долей или жеребьевъ (versteinerte sich gewissermassen) оставалось неизмѣннымъ, такъ что позднѣйшимъ поселенцамъ уже не предоставлялось право участія въ общинныхъ угодьяхъ, и между жителями общины образовался особый классъ привиллегированныхъ общинниковъ.

У кн. Васильчикова это мѣсто изложено слѣдующимъ образомъ: „въ общинномъ владѣніи также завелись нѣкоторые порядки, вовсе подрывающіе значеніе этого владѣнія; напримѣръ, во многихъ обществахъ дозволялось домохозяевамъ продавать и покупать право участія въ общинныхъ угодьяхъ, такъ что обширными пустошами завладѣли (?) немногіе крестьяне, которые назывались Markberechtigte, между тѣмъ какъ прочіе потеряли всякое право пользованія въ выгонахъ и лѣсахъ; общимъ правиломъ полагалось, что обыватели, не имѣющіе полеваго собственнаго участка, не имѣютъ и права пользованія общинной землей; кромѣ развѣ водопоя и выгона, къ коимъ они допускались по особому разрѣшенію общества“.

Еще чаще встрѣчаются заимствованія, которыя искажены просто по небрежности. Такъ у Ландау говорится, что численное отношеніе различныхъ классовъ крестьянскихъ дворовъ, принадлежавшихъ къ одному господскому двору, было очень различно; напр., къ большому двору Фонъ-Лёвенъ, которому принадлежало 10 церквей, причислялось только 7 дворовъ съ обязанными крестьянами, тогда какъ другому гос-

подскому двору принадлежало 33 двора свободныхъ и 39 дворовъ обязанныхъ (Hörige) крестьянъ. У кн. Васильчикова сказано (стр. 189): „такъ, напр., показывалось, что такому-то дворцу (Hof von Löwen) принадлежитъ 72 крестьянскихъ гуфъ, изъ коихъ 33 вольныхъ и 39 крѣпостныхъ“. Мауреръ въ своемъ сочиненіи Geschichte der Frohnhöfe, стр. 335, разсказываетъ, что въ VIII, IX вѣкахъ на крестьянскихъ какъ свободныхъ, такъ и не свободныхъ дворахъ, встрѣчаются холопы въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Такъ упоминаются въ Фрейзингѣ два свободныхъ крестьянскихъ двора (mansi), къ которымъ принадлежало 10 холоповъ (mancipia). Въ различныхъ деревняхъ по Рейну упоминаются одинъ разъ 9 несвободныхъ крестьянскихъ дворовъ (unfreie Bauerngüter—mansi serviles) съ 39 холопами, въ другой разъ приводятся два случая, гдѣ къ 17 несвободнымъ крестьянскимъ дворамъ принадлежало 146 и 152 холоповъ. У кн. Васильчикова дѣло представлено такъ: „у двухъ крестьянъ было 10 служителей mancipii (sic.); у другихъ 10 домохозяевъ, которые сами были невольные люди—39 слугъ и батраковъ; въ одной деревнѣ, состоявшей изъ 17 подворныхъ участковъ, тоже невольныхъ—было 43 кутника (mansi serviles); въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было приписано отъ 140—152 батраковъ“ (стр. 194). Разсказывая о томъ, что во Франціи спекуляція съ конфискованными во время революціи имѣніями приняла видъ „биржевой игры“, кн. Васильчиковъ сообщаетъ (стр. 55), что „одинъ нѣмецкій офицеръ въ 1814 г., возвращаясь изъ похода, купилъ во Франціи имѣніе, которое продано было въ 1795 г. за 10,000 фр., перепродано первый разъ за 21 т., второй разъ за 40 т., а ему уступлено за 39 т. гульденовъ“. Внимательному читателю, конечно, должно показаться страннымъ, что нѣмецкій офицеръ послѣ похода покупаетъ имѣніе во Франціи, и покупаетъ его на гульдены. Дѣло въ томъ, что этотъ случай разсказанъ въ сочиненіи Зугенгейма (Gesch. d. Aufhebung d. Leibeigenschaft., стр. 170), и тамъ имѣетъ смыслъ. Оказывается, что имѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, находилось въ Германіи и заключалось въ женскомъ монастырѣ на одномъ изъ острововъ Рей-

на близъ Кобленца. Монастырь этотъ былъ конфискованъ во время захвата французами лѣваго берега Рейна и достался поставщикамъ арміи, которые и продали его за безцѣнокъ съ аукціоннаго торга. Купившій его поспѣшилъ его перепродать съ барышомъ, а по окончаніи войны имѣніе достигло настоящей своей цѣнности.

Приведенные примѣры, показывающіе какимъ образомъ кн. Васильчиковъ относился къ своимъ источникамъ, даютъ въ то же время возможность судить и о томъ, съ какою безцеремонною небрежностью онъ обращался съ *фактами*, составлявшими матеріалъ для его труда. Дальнѣйшій разборъ еще яснѣе докажетъ, что ему не достаетъ самыхъ первыхъ условій для правильнаго научнаго изслѣдованія — точнаго *установленія* фактовъ и затѣмъ послѣдовательности и связи въ мысляхъ при выводѣ заключеній изъ собранныхъ данныхъ.

Итакъ, первый и главный недостатокъ метода кн. Васильчикова — это неуваженіе къ факту. Фактъ имѣетъ для него значеніе не самъ по себѣ, а на сколько имъ можно воспользоваться для доказательства какой-нибудь любимой идеи или для того, чтобы вызвать въ читателѣ чувство симпатіи или антипатіи къ чему-нибудь. Отсюда крайняя небрежность къ фактическимъ даннымъ. Напр. на стр. 20 кн. Васильчиковъ сообщилъ, что въ Баденѣ издержано было казной съ 1848 по 1565 годъ на субсидію эмигрантамъ— 1,951,852 гульд. Черезъ 20 стр. онъ говоритъ, что затрачено было до 1865 г. на субсидіи эмигрантамъ изъ казенныхъ суммъ—951,852 г. Куда дѣвался милліонъ? Для того, чтобы читатель не подумалъ, что разница произошла отъ опечатки помимо воли кн. Васильчикова, авторъ нашелъ нужнымъ оба раза перевести гульдены на рубли; на стр. 20 истраченная правительствомъ сумма исчислена въ 1,171,113 р., а на 41 сказано „около 600,000 р.“.

На стр. 54 кн. Васильчиковъ говоритъ, что послѣ революціи 1789 г. во Франціи „умножилось только число среднихъ землевладѣльцевъ,—разрядъ, который до революціи имѣлъ не болѣе $^1/_4$ всѣхъ земель, а въ 1815—30 годахъ уже завладѣлъ почти половиной территоріи, слишкомъ 18 м. гектаровъ“. На слѣдую-

щей уже страницѣ числовыя данныя, касающіяся французскаго землевладѣнія, представляются въ иномъ видѣ: тутъ говорится, что во время революціи всѣхъ имѣній распродано было до 20 м. гек., около $^1/_3$ всѣхъ земель Франціи. Нѣсколько дальше сказано, „что передъ революціей въ распоряженіи коммунъ крестьянскихъ обществъ (sic) состоялъ громадный фондъ“, такъ какъ общинныя земли составляли въ то время не менѣе 5—6 м. гек., т.-е. $^1/_6$ или $^1/_7$ всей территоріи французскаго королевства; на стр. 81 опять говорится, что 18—19 м. гек. составляютъ почти половину всей территоріи. Такимъ образомъ въ глазахъ кн. Васильчикова территорія Франціи уменьшается тотчасъ на добрую треть, въ его памяти исчезаютъ до 20 мил. гектаровъ, когда нужно доказать, что буржуазное, какъ выражается кн. Васильчиковъ, землевладѣніе одолѣло крестьянское, или что по неразумію правительства произошло расхищеніе общинныхъ земель въ громадныхъ размѣрахъ.

На стр. 81 мы находимъ такое вычисленіе количества среднихъ землевладѣльцевъ во Франціи: „по однимъ свѣдѣніямъ во Франціи 550,000 владѣльцевъ съ среднимъ размѣромъ въ 30 гект., по другимъ—350,000 съ 35 гект. средняго владѣнія, по третьимъ—643,000, съ участками *отъ 12 до 62* гек.“ Послѣднія свѣдѣнія очевидно опредѣляютъ средній рѣзмѣръ участковъ этого разряда въ $\frac{12+62}{2}$, т.-е. 37 гек. Кн. Васильчиковъ, однако, забывъ ариѳметику, говоритъ: „несмотря на незначительную разницу этихъ указаній, мы можемъ изъ нихъ заключить, что средній классъ землевладѣльцевъ состоитъ приблизительно изъ полумилліона домохозяевъ и что размѣръ ихъ владѣній среднимъ числомъ отъ 30—62 гек. (27—56 дес.) превышаетъ обыкновенную норму крестьянскихъ подворныхъ участковъ“. Для чего кн. Васильчикову понадобилось впасть въ противорѣчіе съ ариѳметикой и преувеличить размѣръ *средняго* землевладѣнія, мы увидимъ впослѣдствіи.

Подобнымъ образомъ, чтобы представить положеніе мелкаго землевладѣльца во Франціи въ мрачномъ свѣтѣ, кн. Васильчиковъ предлагаетъ слѣдующее вычисленіе (стр. 573): для содержанія крестьянской семьи нужно около 150 — 200

руб. валоваго дохода, а такъ какъ 4 милліона крестьянъ имѣютъ въ среднемъ числѣ по 2, 9 дес. на дворъ и доходу всего по 64 фр. (16 р.), то выходитъ, что они должны $^3/_4$ года работать на сторонѣ. Далѣе слѣдуетъ: „если же вѣрны показанія французскихъ экономистовъ, что 3,600,000 домохозяевъ имѣютъ дохода только по 64 фр., то они должны 10 или 11 мѣсяцевъ въ году проживать отхожими промыслами“. Почему же при одинаковомъ количествѣ дохода (64 фр.) возрасла необходимость посторонней работы на 2 мѣсяца?

При такой небрежности къ фактамъ естественно, что и выводы, которые дѣлаетъ кн. Васильчиковъ изъ фактовъ, чрезвычайно произвольны и нерѣдко прямо противорѣчатъ приводимымъ имъ же даннымъ. Характеризуя, напр., отношеніе правительствъ въ Германіи къ эмиграціи, кн. Васильчиковъ говоритъ, что эмиграція „встрѣтила дружное озлобленное противодѣйствіе всѣхъ нѣмецкихъ правителей“. Съ 1848 года положеніе дѣла нѣсколько измѣнилось: „баденское правительство предлагало предоставить всѣмъ сельскимъ жителямъ право вольнаго перехода и пр. Франкфуртскій сеймъ два раза, въ 1849 и 1856 г., разбирая этотъ вопросъ, приходилъ къ заключенію, что необходимо дать праву переселенія законную твердую основу“.

„Но всѣ эти предначертанія, по замѣчанію кн. Васильчикова, не состоялись; Баварія еще усилила свои репрессивныя мѣры и т. д.“ И что же? На слѣдующей страницѣ не только приводятся цифры суммъ, истраченныхъ различными правительствами на субсидіи эмигрантамъ послѣ 1848 г., но и цифра въ 1,951,852 гульд., истраченныхъ баденскимъ правительствомъ на эмигрантовъ, начиная съ *1840 года*.

Распредѣляя эмигрантовъ по занятіямъ, кн. Васильчиковъ приводитъ слѣдующую таблицу.

Изъ числа 107,634 англійскихъ эмигрантовъ было:

простыхъ рабочихъ	23,286
мастеровъ и ремесленниковъ .	3,402
фермеровъ	4,439
служанокъ и нянекъ	7,109
разночинцевъ	1,454

А въ Вюртембергѣ въ 1869 г. общее число эмигрантовъ было 3,429. Изъ нихъ:

земледѣльцевъ	880
фабричныхъ и ремесленниковъ.	1,794
купцовъ и торговцевъ	271

Отсюда дѣлается выводъ, что около половины переселенцевъ въ Англіи и болѣе $^2/_3$ въ Вюртембергѣ *принадлежатъ* къ среднимъ классамъ, ремесленному и торговому (25). Совершенно произвольно причислять фабричныхъ и всѣхъ ремесленниковъ къ среднему классу, но даже и въ такомъ случаѣ таблица нисколько не оправдываетъ сдѣланнаго вывода, такъ какъ самая крупная цифра 23,000 относится къ категоріи простыхъ рабочихъ, которыхъ нельзя причислить къ среднему классу, также какъ и нельзя причислить къ нему служанокъ и нянекъ.

Все это случилось потому, что кн. Васильчиковъ имѣлъ въ виду убѣдить читателя, что эмиграція приноситъ мало пользы европейскому Западу, ибо выноситъ не тѣ слои населенія, которые его *наиболѣе обременяютъ*, т.-е. разрядъ бѣднѣйшихъ нищихъ обывателей, а что главная масса переселенцевъ состоитъ изъ другаго высшаго разряда людей, успѣвшихъ скопить нѣкоторыя средства — и вотъ поэтому кн. Васильчикову понадобилось выраженіе „средній классъ“.

Далѣе, желая доказать, до какой степени эмиграція обусловливается въ Пруссіи системой всеобщей военной повинности и насколько она обезсиливаетъ эту страну, кн. Васильчиковъ дѣлаетъ (29) слѣдующій разсчетъ: „если принять среднее число людей, уклонившихся отъ призыва въ 250 на одинъ округъ (а въ 1868 г. оно было больше), то на всю Пруссію приходится *въ годъ 100,000*“. Отсюда мы можемъ заключить далѣе, что такъ какъ срокъ военной службы въ Пруссіи 7-лѣтній, то она, согласно съ вычисленіемъ кн. Васильчикова, лишилась, благодаря эмиграціи, въ 7 лѣтъ двойнаго числа солдатъ противъ того количества, которое выставилъ въ поле на войнѣ съ Наполеономъ III весь Сѣверо-Германскій Союзъ — 12 корпусовъ, около 360,000 ч. Такіе

разсказы кн. Васильчикова весьма напоминаютъ извѣстныя повѣствованія барона Мюнхгаузена. Послѣднему литератору кн. Васильчиковъ уступаетъ только въ томъ отношеніи, что самъ тутъ же разрушаетъ иллюзію, вызванную въ читателѣ. Такъ, напр., въ примѣчаніяхъ, приложенныхъ къ главѣ объ эмиграціи, онъ приводитъ табличку числа *гласныхъ* и *тайныхъ* эмигрантовъ изъ Пруссіи за 9 лѣтъ и дѣлаетъ изъ нея слѣдующій выводъ: „такъ какъ срокъ военной службы въ Пруссіи былъ семилѣтній, то выходитъ, что въ семилѣтній періодъ 1858 — 64 г. бѣжало рекрутъ 31,307“. И такъ, въ примѣчаніи 31 тысяча распредѣляется на 7 лѣтъ, а въ текстѣ выведено 100,000 за одинъ годъ, что за 7 лѣтъ составитъ 700,000, т.-е. въ 22 раза больше. Да и тутъ нужно замѣтить, что въ таблицѣ говорится только о не заявившихъ о себѣ эмигрантахъ, изъ которыхъ не всѣ были уклонявшіеся отъ военной повинности; въ выводѣ же кн. Васильчикова всѣ эмигранты прямо обозначены бѣжавшими рекрутами.

Кн. Васильчиковъ, приводя въ своей книгѣ цифры, не скупится на лишній нуль и любитъ считать милліонами. Для него ничего не стоитъ прикинуть милліонъ гульденовъ или забыть о немъ, набрать сотню тысячъ бѣжавшихъ рекрутъ, насчитать нѣсколько милліоновъ нѣмецкихъ крестьянъ, обезземеленныхъ эманципаціей или уморить голодомъ нѣсколько сотъ тысячъ народившихся только въ его воображеніи Ирландцевъ. На стр. 141 мы читаемъ: „предположеніе о голодной смерти (въ Ирландіи) подтверждается тѣмъ, что въ періодъ 1841—1861, при общемъ уменьшеніи числа жителей на 2,376,157, показано эмигрантовъ только 2,209,389; значитъ недостаетъ 166,768; а такъ какъ въ средней сложности число новорожденныхъ превышаетъ число умершихъ на 50,000 въ годъ, то надо предположить, что въ эти 20 лѣтъ число людей, пропавшихъ безъ вѣсти, было *не менѣе 1 милліона*. Такимъ образомъ, волей Божіей, моромъ и гладомъ достигнута была та цѣль, то благополучное преобразованіе, котораго домогались ирландскіе помѣщики“.

Когда кн. Васильчиковъ писалъ эти послѣднія строки, онъ

не только забылъ доказать, что въ числѣ 2,376,157 эмигрантовъ показаны и тѣ жители Ирландіи, которые выселились въ Англію и Шотландію и что за весь періодъ отъ 1841 г. до 1861 избытокъ рожденій составлялъ по 50,000 въ годъ, но что еще оригинальнѣе, кн. Васильчиковъ забылъ о томъ, что самъ писалъ въ началѣ главы объ эмиграціи: „окончательный итогъ нищенства и переселеній можетъ быть подведенъ такъ: съ 1844 по 1861 г. населеніе Ирландіи, которое до того времени прибывало по 14% въ годъ, уменьшилось съ 8,300,000 на 5,746,000, т.-е. на 2,554,000; а такъ какъ эмигрантовъ въ эти *четырнадцать* (!! sic) лѣтъ было всего изъ Ирландіи 2,209,389, то надо предположить, что остальное число недостающихъ жителей около 345,000 человѣкъ умерло отъ болѣзней и голода“ (стр. 15).

Но если противорѣчіе въ приведенномъ примѣрѣ кн. Васильчиковъ можетъ быть сочтетъ вполнѣ естественнымъ на томъ основаніи, что сдѣланные имъ выводы находятся другъ отъ друга на разстояніи сотни страницъ, то есть другіе примѣры, гдѣ противорѣчащіе выводы отдѣлены другъ отъ друга только нѣсколькими строками.

Такъ на стр. 153 мы читаемъ, что въ Англіи „до XVI и XVII столѣтія сельскій бытъ оставался въ прежнемъ положеніи и бѣдные обыватели, пользуясь милостями и покровительствомъ лордовъ, могли и вовсе не замѣчать, что ихъ имущества уже перешли de jure въ полную собственность ихъ знатныхъ господъ“. Но на слѣдующей страницѣ мы читаемъ: „тогда вспыхнули крестьянскія возстанія (1549)—послѣдній протестъ обезземеленныхъ крестьянъ“.

На стр. 122 сказано, что „мелкіе оброчники въ Англіи (tenants at will) находятся въ положеніи болѣе выгодномъ, чѣмъ арендаторы (leaseholder), плата ихъ почти на половину ниже цѣнъ, платимыхъ настоящими фермерами“; на слѣд. стр. говорится, что на фермахъ полагается на 100 р. валоваго дохода арендной платы 25—33%, расходовъ 47%, чистой прибыли 20—28%. У вольныхъ оброчниковъ (tenants at will) арендная плата ниже, 21% валоваго дохода, но расходовъ больше, 74%, и чистая прибыль несравненно мень-

ше, не болѣе 4—5%“. Слѣдовательно въ виду того, что мелкіе оброчники получаютъ только четыре процента чистой прибыли, а арендаторы отъ 20—28% нельзя было сказать, что первые „находятся въ положеніи болѣе выгодномъ“. Противорѣчіе становится еще болѣе яркимъ вслѣдствіе того, что кн. Васильчиковъ говоритъ, что выгоды арендаторовъ постепенно возрастаютъ. Дальнѣйшее противорѣчіе заключается въ томъ, что кн. Васильчиковъ выражаетъ сожалѣніе по поводу того, что число арендъ уменьшается и обязательные контракты все болѣе и болѣе замѣняются простой, вольной съемкой земли. Но если эти съемщики, о которыхъ кн. Васильчиковъ говоритъ, что они часто пользуются нанятой землей пожизненно и даже наслѣдственно, находятся, по его мнѣнію, въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ срочные арендаторы, то онъ долженъ былъ бы порадоваться этому явленію.

Въ одномъ мѣстѣ кн. Васильчиковъ хвалитъ нѣмецкихъ ученыхъ, изслѣдовавшихъ аграрный строй Германіи: „предметъ этотъ, говоритъ онъ, нигдѣ не былъ изслѣдованъ, исторически изложенъ съ такою подробностью, съ такою глубокою и даже мелочною ученостью, какъ въ Германіи. По обилію матеріаловъ и по ихъ критической разработкѣ исторія землевладѣнія въ нѣмецкихъ земляхъ составляетъ самую полную картину соціальнаго быта европейскихъ народовъ“ и т. д. Переверните страницу (178) и вы увидите, что отъ этой учености мало прока: „до новѣйшихъ временъ вся ученость экономистовъ, законовѣдовъ, агрономовъ была, повидимому, направлена только къ тому, чтобы прославить высокую культуру германскаго общества и оправдать научными выводами существующіе порядки и безпорядки“. Однако, сейчасъ затѣмъ слѣдуетъ: „только въ послѣдніе годы, послѣ смутъ 1848 г. появились въ печати болѣе правдивыя изданія и сочиненія (Штейна, Летте, Сугенгейма) и пролили, наконецъ, нѣкоторый свѣтъ на мрачную сторону аграрнаго быта Германіи“.

Уже это послѣднее указаніе на характеръ сочиненій Штейна, Летте и Зугенгейма находится въ противорѣчіи съ выше-

сказаннымъ. Но если бы кн. Васильчиковъ внимательно прочелъ названныя имъ сочиненія, обратилъ бы вниманіе на сноски и познакомился, по крайней мѣрѣ, такимъ способомъ съ нѣмецкой литературой объ аграрномъ вопросѣ, онъ никогда бы не рѣшился утверждать, что она стремилась только оправдать существующіе порядки и безпорядки. Кн. Васильчиковъ между прочимъ забылъ, что онъ самъ приводилъ въ своей книгѣ, что еще въ 30 годахъ „извѣстный нѣмецкій историкъ Шлёцеръ“ возставалъ противъ олигархическаго опустошенія земли.

Гораздо существеннѣе противорѣчіе, въ которое впадаетъ кн. Васильчиковъ, когда заводитъ рѣчь о томъ, что принималось въ основаніе при опредѣленіи размѣровъ крестьянскаго поземельнаго участка въ Германіи. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ для нашего автора, который проводитъ теорію, что крестьянскій надѣлъ долженъ сообразоваться не съ нуждами крестьянина, зависящими отъ количества членовъ его семьи, а съ рабочей силой этой семьи; между тѣмъ кн. Васильчиковъ относится къ этому вопросу очень поверхностно. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ (704): „основаніемъ такого надѣла полагалось не наличное число душъ и не рабочая сила каждаго отдѣльнаго домохозяина, а общее соображеніе, что для земледѣльческаго промысла, для содержанія скота, для удобства полевыхъ работъ, требуется извѣстный размѣръ собственности; по этому разсчету и опредѣляется нормальный размѣръ тягловаго участка полнаго хозяйства (Spannfähiger Bauerhof), т.-е. такого, на коемъ съ одной стороны можно прокормить одну пару рабочаго скота, лошадей или воловъ, и съ другой можно возділать пашню однимъ пароконнымъ плугомъ“.

Это опредѣленіе совершенно произвольно; какъ видно изъ самаго названія — Spannfähig, рѣчь идетъ не о прокормленіи двухъ воловъ, для чего не нужно 40 или 60 моргеновъ, а о рабочей силѣ крестьянскаго двора. Самъ же кн. Васильчиковъ въ другомъ мѣстѣ это вполнѣ признаетъ. „Въ Германіи, говоритъ онъ (708), норма земельнаго надѣла выведена была изъ рабочей способности отдѣльныхъ домохо-

зяевъ, изъ большей или меньшей его самостоятельности, выражавшейся въ числѣ рабочаго скота". Еще опредѣленнѣе выражается онъ въ этомъ смыслѣ въ другомъ мѣстѣ (808), говоря, что „первоначальныя поселенія производились въ нѣмецкихъ земляхъ по гуфамъ, а гуфа означала такое пространство, какое можетъ быть воздѣлано одной семьей земледѣльца при пароконной рабочей упряжи".

Еще поразительнѣе обнаруживаются необдуманность, шаткость понятій и непослѣдовательность, которыя такъ часто приводятъ кн. Васильчикова къ противорѣчащимъ выводамъ— въ его терминологіи и научныхъ опредѣленіяхъ, основанныхъ на совершенномъ произволѣ. Возьмемъ для примѣра понятіе или опредѣленіе „крестьянской эксплуатаціи земли". Кн. Васильчиковъ не только сторонникъ мелкаго землевладѣнія сравнительно съ крупнымъ, но и относительно мелкаго землевладѣнія онъ считаетъ нормальнымъ только такое количество земли, которое можетъ быть воздѣлываемо семьей крестьянина безъ помощи рабочаго; онъ укоряетъ Францію и Германію за то, что хотя тамъ и существуетъ большое число мелкихъ землевладѣльцевъ, но при этомъ часто количество земли, принадлежащее крестьянину, превышаетъ нормальный, по мнѣнію кн. Васильчикова, надѣлъ. Всѣ такіе надѣлы онъ отказывается называть крестьянскимъ землевладѣніемъ и называетъ среднимъ или *буржуазнымъ*. Однако, именно тутъ, при разграниченіи крестьянскаго и буржуазнаго землевладѣнія, оказывается несостоятельность кн. Васильчикова. Такъ, напр., онъ говоритъ (89), что по среднему разсчету одна крестьянская семья (3,83 души об. пола) можетъ обработать около 10 — 15 гект. Между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ (напр. 54) онъ причисляетъ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ отъ *12* гект. и больше, къ разряду *среднихъ землевладѣльцевъ*, къ французской буржуазіи. На стран. 81 онъ также причисляетъ разрядъ крестьянъ, владѣющій поземельными участками отъ *двѣнадцати* до 62 гект., *къ среднему классу*, „ибо размѣръ ихъ владѣній превышаетъ обыкновенную норму крестьянскихъ участковъ" и называетъ такія крестьянскія хозяйства *помѣстьями*. Далѣе въ главѣ объ

Англіи, гдѣ хозяйство, конечно не менѣе интенсивно, чѣмъ во Франціи, кн. Васильчиковъ называетъ фермы, отъ 18 до 74 десятинъ „*мелкими*, составляющими предметъ *крестьянской эксплуатаціи*“ (120). Наконецъ на стр. 219 по поводу крестьянскаго землевладѣнія въ Пруссіи, кн. Васильчиковъ говоритъ, „что положеніе нѣкоторыхъ селеній видимо улучшилось въ томъ отношеніи, что подворные участки сдѣлались крупнѣе и что они во многихъ мѣстностяхъ достигли размѣра 43—50 д., что дѣйствительно составляетъ для крестьянской семьи очень полный надѣлъ“.

Изъ приведенныхъ примѣровъ читатель могъ достаточно убѣдиться, какъ мало у кн. Васильчикова разборчивости въ подведеніи и установленіи фактовъ, какъ много противорѣчій и неправильныхъ выводовъ, какъ мало послѣдовательности въ понятіяхъ и опредѣленіяхъ, однимъ словомъ, какъ мало научнаго метода. Научный методъ у него замѣненъ *фразой*—фразой широковѣщательной, подъ часъ патетической, притомъ очень часто совершенно нескладной по формѣ, но всегда заключающей въ себѣ какую-нибудь натяжку, какое-нибудь тенденціозное искаженіе истины. Такими фразами пересыпаны оба тома сочиненія кн. Васильчикова: съ помощью ихъ онъ старается отуманить читателя, держать его въ какомъ-то чаду, не дать ему опомниться, такъ что приходится признать методъ въ самой этой нескладицѣ—there is method in this madness.

Какъ не назвать *фразой*, разсчитанной на смутныя чувства недостаточно образованной части читающей публики мѣста въ родѣ слѣдующихъ: „и вотъ въ то самое время, какъ устроилась политическая равноправность, открывается во всей Европѣ, но преимущественно въ плодороднѣйшихъ ея частяхъ, какъ южная Германія, или въ свободнѣйшихъ странахъ, какъ Англія, неодолимое стремленіе низшихъ классовъ къ выселенію и переходу на другія земли, такъ что въ дѣйствительности оказывается, *что первое право, коимъ воспользовался простой народъ по провозглашеніи правъ человѣка, первое употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ дарованной ему свободы, было стремительное бѣгство* съ первобытныхъ мѣстъ житель-

ства, изъ благословенныхъ странъ, гдѣ высокая культура, казалось, обезпечивала ему всѣ блага жизни“ (2).

Права человѣка были провозглашены во Франціи и никто оттуда не бѣжалъ кромѣ дворянъ и духовенства; изъ Англіи же съ XVII в. выселяются колонисты и никогда тамъ не были провозглашены права человѣка.

Въ такомъ же родѣ слѣдующая фраза (845): „изъ этого видно, что latifundia древнихъ патриціевъ распространялись точно такимъ же порядкомъ и такими же способами, какъ вотчины и помѣстья новѣйшихъ ландлордовъ и риттергутсбезицеровъ...., что право частнаго землевладѣнія, было введено для того, чтобы предоставить мелкимъ собственникамъ право отчужденія своихъ имуществъ и что этимъ правомъ воспользовались помѣстныя сословія древняго Рима, какъ „современныхъ Англіи и Германіи“. Право частной земельной собственности искони существовало въ Римѣ, никогда не было *введено* и во всякомъ случаѣ господствовало прежде чѣмъ возникъ какой бы то ни было аграрный вопросъ.

„Вся категорія такъ называемыхъ тайныхъ выходцевъ принадлежитъ къ классамъ очередныхъ рекрутовъ, бѣжавшихъ отъ высокой, германской культуры, когда она сдѣлалась такъ взыскательна, что потребовала для своей обороны поголовнаго ополченія“ (28).

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту кн. Васильчиковъ считаетъ необходимымъ заявить, что онъ вовсе не относится враждебно къ введенію всесословной воинской повинности въ Россіи (стр. 46). Но если его патріотизмъ заставляетъ одобрять эту систему въ Россіи, то почему же онъ приписываетъ ея происхожденіе въ Германіи—притязательности германской культуры?

Далѣе мы читаемъ: „если мы видимъ, что ежегодно въ теченіе полустолѣтія нѣсколько сотъ тысячъ гражданъ образованнѣйшихъ странъ свѣта налагаютъ на себя такое наказаніе, какое грозитъ преступникамъ и отправляются въ ссылку по тому же пути, по коему водятъ каторжниковъ, то мы изъ этого должны заключить и т. д.“ (3 стр.).

Но развѣ изъ Европы, спросимъ мы, преступниковъ ссылаютъ въ Америку и развѣ сдѣлаться гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ есть такое же наказаніе, какъ каторга?

Какой смыслъ въ слѣдующихъ словахъ: „поэтому для полноты обзора лучше взять древній міръ и въ немъ прослѣдить эти *превращенія*, *подложно называемыя то аристократіей*, *то демократіей*, по существу же означающія стремленіе разныхъ классовъ народа къ пріобрѣтенію осѣдлости и собственнаго хозяйства“ (788).

„Нашъ народъ, говоритъ кн. Васильчиковъ, съ необычайной легкостью приспособляется ко всякимъ новымъ условіямъ жизни, перенимаетъ съ быстротой, поражающей иноземцевъ, всякіе ихъ ухватки и пріемы, объясняется на нарѣчіяхъ, никогда имъ не слыханныхъ, узнаетъ мѣста, *никогда имъ не видѣнныя*“ (вв. 27). Что можно приводить *мѣста* изъ *никогда не видѣнныхъ* писателей, это уже доказано кн. Васильчиковымъ, но какъ можно *узнавать мѣста*, *никогда не видѣнныя*,—этого нашъ авторъ еще не объяснилъ....

Какая натяжка, какое ложное и тенденціозное обобщеніе заключается въ слѣдующей фразѣ, которая часто повторяется у кн. Васильчикова и составляетъ одну изъ пикантныхъ приправъ его литературной стряпни:

„Изъ этого обзора разныхъ цивилизацій древнихъ и среднихъ вѣковъ“ (передъ этимъ непосредственно шла рѣчь о землевладѣніи въ Италіи въ XVIII и въ XIX вѣкѣ) „видно, что чрезмѣрное преобладаніе крупной собственности, поглощеніе крестьянскаго элемента помѣстнымъ, притѣсненіе и обезземеленіе низшаго класса земледѣльцевъ и мѣстныхъ землевладѣльцевъ у *всѣхъ народовъ совпадали съ наивысшей культурой страны*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и были предвѣстниками близкаго паденія этихъ цивилизацій, разложенія самыхъ обществъ и упадка народнаго хозяйства вообще.“ Сколько же примѣровъ изъ исторіи *всѣхъ народовъ* могъ бы привести кн. Васильчиковъ въ подтвержденіе того, что высшая культура страны совпадала съ обезземеленіемъ низшаго класса? Одну Англію, такъ какъ латифундіи римской имперіи нисколько, какъ всѣмъ извѣстно, не совпадали съ

высшей культурой страны, разумѣть ли подъ культурой цивилизацію вообще или земледѣліе. Что же касается до Англіи, то ея примѣръ противорѣчитъ второй половинѣ ученаго тезиса, выставленнаго кн. Васильчиковымъ, ибо ничто еще не предвѣщаетъ въ ней паденія цивилизаціи, разложенія общества и упадка народнаго хозяйства.

Примѣромъ риторическихъ обобщеній, лишенныхъ всякаго основанія или даже прямо ложныхъ, можетъ послужить и слѣдующее мѣсто: „правда, Мекленбургъ всегда описывается нѣмецкими публицистами, какъ страна исключительнаго феодальнаго преобладанія, запоздалая и отставшая отъ нѣмецкой культуры; но это представленіе не совсѣмъ вѣрно и намъ сдается, что она скорѣе можетъ служить типомъ, образцомъ того устройства, котораго домогались высшія сословія во всѣхъ нѣмецкихъ и другихъ земляхъ“ и пр. Если бы мы руководились такимъ же безпристрастіемъ, какое обнаружилъ кн. Васильчиковъ въ своемъ сужденіи о высшихъ сословіяхъ, мы могли бы въ параллель къ упомянутой его тирадѣ заявить: „правда, сочиненіе кн. Васильчикова изображается нѣкоторыми публицистами, какъ произведеніе исключительно дилеттантическаго характера, запоздалое и отставшее отъ науки; но это представленіе не совсѣмъ вѣрно и намъ сдается, что оно скорѣе можетъ служить типомъ, образцомъ научнаго изслѣдованія, котораго домогались всѣ писатели извѣстнаго направленія во всѣхъ русскихъ и другихъ земляхъ“ (875).

Но мы не послѣдуемъ примѣру кн. Васильчикова и этого не скажемъ. Нѣтъ, мы полагаемъ, что то направленіе, котораго держится кн. Васильчиковъ въ вопросѣ о землевладѣніи, можетъ и должно поставить себѣ лучшій идеалъ и найдти себѣ болѣе достойныхъ представителей въ литературѣ и наукѣ. Сочиненіе же кн. Васильчикова долго еще будетъ полезно и поучительно въ томъ отношеніи, что послужитъ типомъ тенденціознаго дилетантизма и предостереженіемъ относительно того, въ какія несообразности, въ какія смѣшныя заблужденія и противорѣчія не только съ общеизвѣстными истинами и съ здравымъ смысломъ, но и съ

самимъ собой, можетъ впасть писатель, который начнетъ философствовать о древней и новой цивилизаціи, не запасшись элементарными свѣдѣніями ученическаго возраста и не привыкшій методически обращаться съ фактами и логически продумывать свои страницы. Познакомившись съ свойствомъ познаній кн. Васильчикова и способомъ его работы, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію его экономическихъ взглядовъ, ибо ими обусловливается его основной планъ построенія западно-европейской и русской исторіи и намѣченные нами историческіе и методологическіе курьёзы не болѣе какъ легкій орнаментъ этого фантастическаго зданія.

ГЛАВА II.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПОНЯТІЯ КНЯЗЯ ВАСИЛЬЧИКОВА.

Князь Васильчиковъ съ самаго начала высказываетъ ту точку зрѣнія, на которую онъ становится при обсужденіи того, что онъ называетъ „аграрнымъ вопросомъ“. „Наемный трудъ, говоритъ онъ, никогда не можетъ быть признанъ вполнѣ вольнымъ, и выраженіе, общепринятое въ современномъ быту, — вольнонаемный трудъ, заключаетъ въ себѣ очень рѣзкое противорѣчіе. Вольнымъ и производительнымъ трудомъ можетъ быть названъ только такой, который приспособляется къ собственному имуществу рабочаго, изъ коего онъ извлекаетъ всевозможную доходность и пользуется безъ дѣлежа всѣми произведеніями и прибылями своей хозяйственной эксплуатаціи. Это соображеніе составляетъ главное исходное положеніе нашихъ изслѣдованій“. (Введеніе, стр. XIII). Отсюда кн. Васильчиковъ выводитъ, что надѣленіе наибольшаго числа жителей имуществомъ, соотвѣтствующимъ ихъ рабочей силѣ, должно быть идеальною цѣлью экономическаго прогресса. Чѣмъ болѣе экономическое положеніе данной страны приближается къ этому идеалу, тѣмъ болѣе можно признать благосостояніе такого края удовлетворительнымъ, а народъ, въ немъ обитающій, дѣйствительно и существенно въ хозяйственномъ своемъ быту вольнымъ, полноправнымъ. И наоборотъ, если „большинство жителей, не имѣя вовсе собственнаго хозяйства, присуждено исключительно къ наемному труду, то положеніе это, даже и при

высшей степени культуры, слѣдуетъ признать невольнымъ, стѣснительнымъ для жителей, хотя бы оно и способствовало обогащенію страны и меньшинства жителей, домохозяевъ, собственниковъ, капиталистовъ, пользующихся рабочею силою“ (стр. XIV—XV).

Въ другомъ мѣстѣ кн. Васильчиковъ, стараясь точнѣе опредѣлить, что именно онъ разумѣетъ подъ именемъ наемнаго труда, даетъ ему нѣсколько болѣе ограниченное значеніе. Вольнымъ или хозяйственнымъ трудомъ онъ называетъ тотъ, который прилагается не только къ собственному имуществу, но и *къ личнымъ способностямъ рабочаго*. Сюда онъ причисляетъ „какъ ручную работу пахаря, косаря, сѣвца, когда онъ воздѣлываетъ собственную ниву, такъ и трудъ владѣльца, когда онъ употребляетъ свои агрономическія познанія и свои капиталы на обработку своей земли“, а наконецъ и „всякія такія производства, которыя основаны на личныхъ способностяхъ: землемѣръ, агрономъ, ремесленникъ, говоритъ кн. Васильчиковъ, вообще извлекаютъ свои доходы сами изъ себя, изъ тѣхъ познаній и искусства, которыя они пріобрѣли и которыя составляютъ такое же собственное и свободное ихъ имущество, такой же капиталъ, какъ и земля, принадлежащая крестьянину или помѣщику на полномъ правѣ собственности“. Наемнымъ же трудомъ, въ противоположность хозяйственному, кн. Васильчиковъ считаетъ, съ одной стороны, трудъ арендатора, который „снимаетъ, кортомитъ чужія земли“, съ другой стороны „ручную, физическую работу, требующую напряженія мускуловъ и другихъ тѣлесныхъ силъ, какъ, напр., работу подносчиковъ при строеніи и перенесеніи тяжестей, молотьбу, сѣнокошеніе, жатье, бороньбу, дровосѣчество и т. п., гдѣ хотя и нужна нѣкоторая снаровка, пріобрѣтаемая навыкомъ, но особой ловкости и знанія не предполагается“ (II, стр. 566—567).

Если мы сравнимъ эти два мѣста, мы увидимъ, что въ первомъ выраженіе *наемный трудъ* принимается въ общеупотребительномъ смыслѣ, во второмъ же ему придается такой смыслъ, который едва ли кѣмъ-нибудь принятъ, и ко-

торый приводитъ читателя въ совершенное недоумѣніе. Оказывается, что фермеръ, арендующій чужую землю, не болѣе какъ наемникъ, агрономъ же, управляющій чужимъ имѣніемъ, является хозяиномъ. Крестьянинъ, который нанимается пахать сохою, исполняетъ наемный трудъ, ибо для этого требуется только нѣкоторая снаровка, пріобрѣтаемая навыкомъ; но тотъ, который нанимается пахать плугомъ, производитъ хозяйственный трудъ, ибо для этого нужно особенное умѣніе. Если я огуломъ нанимаю крестьянъ пахать и сѣять, это будетъ наемный трудъ; но если я нанимаю для сѣва особыхъ сѣвцовъ, это будетъ съ ихъ стороны хозяйственный трудъ. Каммердинеръ, повидимому, долженъ быть причисленъ къ наемникамъ, но столяръ или плотникъ, живущій у господина, все-таки выходитъ хозяиномъ. Вся эта путаница понятій происходитъ оттого, что кн. Васильчиковъ хозяйственнымъ трудомъ называетъ тотъ, который прилагается не только къ собственному имуществу, но и къ *личнымъ способностямъ* работника. Когда кн. Васильчиковъ писалъ свое введеніе, онъ, повидимому, имѣлъ похвальное намѣреніе принимать выраженіе *наемный трудъ* въ общеупотребительномъ смыслѣ. Но затѣмъ оказалось, что отрицать вольность труда агронома, землемѣра, архитектора, было бы уже слишкомъ отважно; вслѣдствіе этого и произошла означенная прибавка. Между тѣмъ, только метафорически можно сказать, что трудъ прилагается, или, слѣдуя терминологіи кн. Васильчикова, „примѣняется“ къ личнымъ способностямъ рабочаго также, какъ онъ прилагается къ своей или чужой собственности. Собственность составляетъ предметъ, на который обращена работа; личныя же способности сами проявляются въ работѣ. Личныя силы чернорабочаго точно также составляютъ его „собственное и свободное имущество“, какъ и особенныя познанія или искусство, пріобрѣтенныя высшими разрядами рабочихъ. Взрослый мужикъ получаетъ бо́льшую плату, нежели баба или подростокъ. Въ этомъ отношеніи между чернорабочими и ремесленниками нѣтъ рѣшительно никакой разницы. Если мы признаемъ вольнымъ или хозяйственнымъ трудъ ремесленника, „приложенный“

къ его личнымъ способностямъ, то мы точно также должны признать вольнымъ и трудъ чернорабочаго, приложенный къ его личнымъ силамъ. Послѣдній, также какъ и первый, „извлекаетъ свои доходы самъ изъ себя“. Въ такомъ случаѣ, наемнаго труда вовсе не будетъ, развѣ мы, вмѣстѣ съ кн. Васильчиковымъ, признаемъ наемнымъ трудомъ трудъ арендатора, снимающаго чужую землю. Здѣсь кн. Васильчиковъ, съ одной стороны произвольно стѣснивши понятіе о наемномъ трудѣ, съ другой стороны также произвольно его расширяетъ. Когда арендаторъ снимаетъ чужую землю, нанимается земля, а не трудъ, понятіе о наемномъ трудѣ къ этому дѣйствію вовсе не приложимо: арендаторъ не нанимается, а нанимаетъ. Но и тутъ потребовалась натяжка для оправданія предвзятой теоріи. Надобно было доказать, что вольнымъ и производительнымъ можетъ быть только трудъ хозяина-собственника. Съ этою цѣлью, произвольно устраняется все, что сюда не подходитъ, а съ другой стороны, точно также произвольно подводится подъ данное понятіе то, что къ нему вовсе не относится. Но это насиліе, учиненное логикѣ и языку, ведетъ только къ непроходимой путаницѣ понятій, которая обличаетъ всю несостоятельность основнаго взгляда автора.

Подготовивъ такимъ образомъ почву для своей теоріи, кн. Васильчиковъ обрушивается на наемный трудъ, утверждая, что его никакъ нельзя признать не только вполнѣ, но и просто вольнымъ (II, стр. 566). Человѣкъ, который нанимается работать на хозяина, говоритъ кн. Васильчиковъ, „вступаетъ съ нимъ въ такія отношенія, которыя лишаютъ его извѣстной, большей или меньшей, части продуктовъ и доходовъ, извлекаемыхъ его личнымъ трудомъ, именно той части, которую беретъ себѣ по уговору самъ хозяинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаютъ у него и нѣкоторую часть его свободной дѣятельности, ставя его въ зависимость отъ хозяина-собственника“. Кн. Васильчиковъ увѣряетъ даже, что „положеніе человѣка, отдающаго всю свою рабочую силу другому лицу въ его распоряженіе, остается таковымъ же подвластнымъ при переходѣ изъ крѣпостнаго состоянія

въ свободное, если онъ долженъ постоянно или бо̀льшую часть года работать не на себя, а на другаго, на хозяина по найму“: Вслѣдствіе этого, кн. Васильчиковъ повторяетъ, что выраженіе „вольно-наемный трудъ“ заключаетъ въ себѣ „прекословіе“ (тамъ же).

Эти доводы разомъ переносятъ насъ въ область соціальныхъ утопій. Извѣстно, что соціалисты смотрятъ на вольно-наемный трудъ, какъ на продолженіе крѣпостнаго состоянія, и вслѣдствіе того требуютъ организаціи труда, которая избавила бы рабочихъ отъ этой зависимости. Напротивъ, экономисты и вмѣстѣ съ ними всѣ люди, руководствующіеся простымъ здравымъ смысломъ и обще-принятыми понятіями, не видятъ въ выраженіи *вольно-наемный трудъ* никакого „прекословія“. Они признаютъ, что тамъ, гдѣ отношенія опредѣляются свободнымъ и постоянно возобновляющимся договоромъ, не можетъ быть рѣчи о крѣпостномъ состояніи. Они видятъ въ вольно-наемномъ трудѣ естественное и необходимое послѣдствіе экономическихъ законовъ, въ силу которыхъ люди принуждены работать не только на себя, но и другъ на друга, притомъ не даромъ, а съ опредѣляемымъ по договору вознагражденіемъ.

Которое изъ этихъ двухъ воззрѣній истинно? Въ этомъ, кажется, невозможно сомнѣваться. Сказать, что положеніе человѣка, нанимающагося на работу „остается таковымъ же подвластнымъ при переходѣ изъ крѣпостнаго состоянія въ свободное“, это—такое гигантское преувеличеніе, которое едва ли даже нужно опровергать. Въ одномъ случаѣ, человѣкъ дѣйствительно подчиненъ чужой власти и волею или неволею обязанъ работать на другаго; въ другомъ случаѣ, онъ воленъ вступать или не вступать въ договоръ, поставить тѣ или другія условія, отойти, когда ему заблагоразсудится. Власти хозяинъ надъ работникомъ не имѣетъ никакой; споры между ними разрѣшаются судомъ. Единственная зависимость вольно-наемнаго работника отъ хозяина состоитъ въ томъ, что онъ долженъ исполнить ту работу, которую онъ обязался поставить; но это такого рода зависимость, которая установляется всякимъ договоромъ. Под-

рядчикъ, работающій у себя дома, своимъ матеріаломъ и своими орудіями, состоитъ въ точно такой же зависимости отъ лица, съ которымъ онъ вступилъ въ договоръ. Добровольныя обязательства не нарушаютъ человѣческой свободы, а напротивъ, служатъ ея проявленіемъ. Человѣкъ не созданъ для одинокой жизни. Такая полная независимость, о какой мечтаетъ кн. Васильчиковъ, существуетъ только между животными. Гдѣ есть общеніе—тамъ есть и зависимость, и зависимость эта взаимная. Если работникъ зависитъ отъ хозяина, то и хозяинъ зависитъ отъ работниковъ. Стачки рабочихъ въ Англіи доказываютъ, что хозяева далеко не всегда могутъ налагать на послѣднихъ свои условія, и что во всякомъ случаѣ подвластныхъ отношеній тутъ нѣтъ. Утверждать же, какъ дѣлаетъ кн. Васильчиковъ, что нанимаясь работать на хозяина, работникъ „вступаетъ съ нимъ въ такія отношенія, которыя лишаютъ его извѣстной, большей или меньшей, части продуктовъ и доходовъ, извлекаемыхъ его личнымъ трудомъ“, это опять одно изъ тѣхъ соціалистическихъ положеній, которыми могутъ щеголять Карлъ Марксъ и его послѣдователи, но которыя не находятъ себѣ мѣста въ наукѣ. Чтобы принять его, надобно признать, что трудъ рабочаго—единственный факторъ экономическаго производства, что земля, капиталъ, трудъ хозяина ничего не значатъ. Тогда мы несомнѣнно придемъ къ убѣжденію, что хозяинъ, получая барышъ, обираетъ рабочаго. Если же мы признаемъ, какъ и слѣдуетъ, что и хозяинъ по справедливости долженъ получить вознагражденіе, то мы должны будемъ сказать, что именно это вознагражденіе и есть та часть, „которую беретъ себѣ по уговору самъ хозяинъ“, ибо въ нормальномъ положеніи, при свободныхъ экономическихъ отношеніяхъ, оно не можетъ опредѣлиться ничѣмъ инымъ, кромѣ уговора. Эта часть можетъ быть больше или меньше; это зависитъ отъ предложенія и требованія, отъ количества рабочихъ рукъ, и капитала,—однимъ словомъ, отъ экономическихъ условій, весьма хорошо извѣстныхъ и въ наукѣ и въ практикѣ, но въ разборъ которыхъ кн. Васильчиковъ отнюдь не думаетъ входить. Въ доказательство ненормальности наемной

работы, онъ просто утверждаетъ, вмѣстѣ съ соціалистами, что хозяинъ, договариваясь съ рабочимъ, лишаетъ его извѣстной части продуктовъ и доходовъ, извлекаемыхъ его личныхъ трудомъ.

Столь же неосновательно и другое положеніе кн. Васильчикова, что наемный трудъ не можетъ быть и вполнѣ производителенъ, на томъ основаніи, что „человѣкъ, работающій на другаго и не имѣющій инстинктивнаго побужденія собственнаго своего интереса, никогда не напрягаетъ полной своей рабочей силы при исполненіи заданнаго ему труда.“ „Этотъ законъ, говоритъ кн. Васильчиковъ, такъ непреложенъ, что примѣняется ко всѣмъ безъ исключенія отраслямъ хозяйственнаго быта“ (II, стр. 566). Однако, онъ тутъ же оговаривается, что это относится исключительно къ ручной, физической работѣ, требующей напряженія мускуловъ и нѣкоторой снаровки, но не предполагающей особой ловкости и знанія. „Объ этой-то работѣ мы и говоримъ, что она можетъ быть вполнѣ производительна только въ рукахъ самого хозяина, располагающаго свободно и временемъ для отдыха, нужнаго для сбереженія силъ, и усиліями, требуемыми для преодолѣнія труда“ (стр. 567). Спрашивается: почему же непреложный законъ экономическаго производства прилагается только къ одного рода работѣ, а не къ другому? Почему работа, требующая особой ловкости и знанія, можетъ быть вполнѣ производительна и при наймѣ, а простая работа нѣтъ? Развѣ чернорабочій не имѣетъ личнаго интереса въ исполненіи наемной работы? Развѣ онъ не получаетъ за нее вознагражденія и не добываетъ себѣ этимъ способомъ пропитанія? Кн. Васильчиковъ—русскій хозяинъ, и ему должно быть извѣстно, что хорошо или дурно понятый личный интересъ нерѣдко побуждаетъ нашихъ крестьянъ пренебрегать собственною пашнею и кидаться на посторонніе заработки, которые обѣщаютъ имъ болѣе ощутительныя выгоды. Стоитъ взглянуть на обработку земель помѣщичьихъ и крестьянскихъ, и мы на фактѣ увидимъ, какой трудъ болѣе производителенъ — наемный или хозяйственный. Впрочемъ, самъ кн. Васильчиковъ позаботился опровергнуть свою

теорію, утверждая во многихъ мѣстахъ своего сочиненія, что именно тѣ страны, гдѣ преобладаетъ наемный трудъ, достигли высшей степени культуры и богатства. Онъ даже прямо говоритъ, что въ нихъ земли пришли въ наилучшій порядокъ и производительность усилилась (введ. стр. II—IV). Но это не мѣшаетъ ему, съ другой стороны, вопреки очевидности, настаивать на томъ, что наемный трудъ не можетъ быть производителенъ.

Но къ чему тутъ факты, когда мы вращаемся въ области мечтаній? Кн. Васильчикову представляется, что трудъ тогда только производителенъ, когда онъ совершается безъ всякаго принужденія: хочетъ человѣкъ—работаетъ; не хочетъ—отдыхаетъ. Только этого рода трудъ можетъ быть названъ вольнымъ. Кн. Васильчиковъ увѣряетъ даже, что „безъ всякаго притворства рабочій, трудящійся по принужденію, по уговору, изнемогаетъ гораздо раньше, чѣмъ тотъ же рабочій, если онъ работаетъ вольно, безъ заданнаго урока, безъ положенныхъ часовъ труда и отдыха. Всякое усиліе, дѣлаемое по доброй волѣ, съ охотой, изнуряетъ человѣка несравненно менѣе, чѣмъ таковое же усиліе, если оно обязательно и сила мускуловъ и организма вообще удвоивается отъ силы воли или отъ вольности силъ“ (II, стр. 567). Очевидно, что *вольный трудъ* кн. Васильчикова ничто иное, какъ *привлекательный трудъ* Фурье. Мы здѣсь опять встрѣчаемся съ отголосками соціалистическихъ ученій, которыя съ перваго взгляда очень заманчивы, но, къ сожалѣнію, неприложимы къ человѣческой жизни. Въ дѣйствительности, трудъ есть трудъ, то есть усиліе, которое человѣкъ долженъ дѣлать надъ собою. Человѣкъ долженъ обработывать землю въ потѣ лица. Трудъ не удовольствіе, а серіозная обязанность. Вполнѣ производителенъ онъ можетъ быть не тогда, когда человѣкъ предается своимъ минутнымъ влеченіямъ, а тогда, когда производство подчиняется постоянной и правильной организаціи. При совокупной работѣ даже немыслимо, чтобы всякій работникъ свободно располагалъ часами труда и отдыха, а совокупная работа, какъ извѣстно, производительнѣе работы одинокой. Весьма любопытно бы-

ло бы знать, какимъ образомъ кн. Васильчиковъ, при своей теоріи наемнаго труда, представляетъ себѣ работу на фабрикахъ, на желѣзныхъ дорогахъ? Вѣдь тутъ возможны только или наемная работа, или организованныя государствомъ товарищества рабочихъ, какія требуются соціалистами, но которыя осуждаются кн. Васильчиковымъ, какъ новѣйшіе коммунистическіе вымыслы, внушающіе нашимъ крестьянамъ неодолимое отвращеніе (II, стр. 732). Если наемный трудъ не можетъ быть признанъ вольнымъ и производительнымъ, а работа сообща отвергается, какъ коммунистическое начало, то гдѣ же исходъ? Наконецъ, и въ приложеніи къ земледѣлію самъ кн. Васильчиковъ объясняетъ намъ, что общество, гдѣ всѣ хозяева сами орали бы свою пашню, „было бы царствомъ непробуднаго застоя и закоснѣлаго невѣжества“. (II, стр. 568). А между тѣмъ онъ именно этотъ порядокъ выдаетъ намъ за идеалъ человѣческаго общества. Въ началѣ мы узнаемъ, что только трудъ хозяина на своей пашнѣ можетъ быть признанъ вольнымъ и производительнымъ, а въ результатѣ оказывается, что господство этого труда порождаетъ только застой и невѣжество. По истинѣ странное впечатлѣніе производитъ книга кн. Васильчикова! Читая ее, кажется иногда, что изложенныя въ ней мысли случайно слетѣлись съ разныхъ сторонъ и насѣлись, какъ попало, на разныя страницы или даже строки, не заботясь о взаимномъ соглашеніи. Если онѣ не вопіютъ другъ противъ друга, то это происходитъ единственно благодаря неясности ихъ очертаній. Туманность понятій скрываетъ лежащія въ нихъ противорѣчія.

Такова точка зрѣнія, на которую становится кн. Васильчиковъ, чтобы съ этой высоты сравнивать явленія западноевропейской и русской жизни. Это—первый столбъ, на которомъ онъ думаетъ утвердить ученіе о преимуществѣ русскаго общиннаго владѣнія передъ европейскою свободною и личною собственностью. А вотъ и второй: „если подъ словомъ „демократія“ говоритъ кн. Васильчиковъ, и *въ здравомъ смыслѣ этого слова*, разумѣть не только политическую равноправность, которая недоступна рабочему люду, но и хо-

зяйственную, то въ принципѣ мірской разверстки имуществъ и тягостей, на нихъ лежащихъ, есть тоже и чувство правды". (Введ. стр. XLVI). Вслѣдствіе этого, по мнѣнію кн. Васильчикова, „соціальные и аграрные вопросы сводятся въ сущности къ одному разсчету, балансу дебета и кредита народнаго хозяйства: что выгоднѣе—надѣлять ли всѣхъ жителей недвижимымъ имуществомъ по мѣрѣ возможности и съ соблюденіемъ правъ равенства на землю, или же принимать на счетъ имущественныхъ классовъ призрѣніе неимущихъ и возвышать податные оклады съ земли и доходности по мѣрѣ того, какъ умножается число безземельныхъ обывателей? Европейскіе народы, говоритъ кн. Васильчиковъ, выбрали или принуждены были выбрать эту послѣднюю организацію. Россія по сіе время придерживалась, впрочемъ безсознательно, первой (Введ. стр. XXXIV—XXXV).

Кн. Васильчиковъ, повидимому, не подозрѣваетъ, что весь соціализмъ заключается въ этихъ немногихъ строкахъ. Несмотря на то, что онъ безъ разбора принимаетъ различные отголоски соціалистическихъ мнѣній, почтенный авторъ всѣми силами отнѣкивается отъ соціализма. Но изъ собственнаго его изложенія видно, что едва ли ему извѣстны теоріи и произведенія соціалистовъ. Соціализмъ представляется ему исключительно въ видѣ коммунизма (Введ. стр. XLII—XLIII), да и объ самомъ коммунизмѣ онъ имѣетъ весьма смутныя понятія. Въ изображеніи „новѣйшихъ коммунистическихъ вымысловъ" (II, стр. 731—732) перемѣшиваются и вольная ассоціація, которая не имѣетъ въ себѣ ничего коммунистическаго, и обломки сенъ-симонистской формулы: „каждому по способности и каждой способности по ея дѣламъ" (à chacun selon sa capacité et à chaque capacité selon ses oeuvres), формула, которую кн. Васильчиковъ презрительно называетъ пресловутою, но которая, въ сущности, ничто иное, какъ собственное его начало надѣленія землею по рабочей силѣ. Если бы кн. Васильчиковъ потрудился познакомиться немного съ пренебрегаемою имъ европейскою наукою, онъ зналъ бы, что различіе между демократіею и соціализмомъ, или между истинною демократіею и ложною заключается

именно въ томъ, что первая признаетъ только равенство гражданское и политическое, вторая стоитъ за равенство хозяйственное. Истинная демократія исходитъ отъ того начала, что люди равны какъ люди, то есть какъ свободныя лица, а потому требуетъ для всѣхъ только равной свободы предоставляя приложеніе этой свободы къ хозяйственному быту личнымъ силамъ и собственной дѣятельности человѣка. Ложная демократія, напротивъ, также какъ и кн. Васильчиковъ, утверждаетъ, что свобода для низшихъ классовъ не имѣетъ значенія, что имъ нужно равенство имущественное. Государство, по мнѣнію соціалистовъ, должно не только охранять имущество гражданъ, но и *надѣлять* ихъ имуществомъ, и притомъ всѣхъ одинаково. А такъ какъ вслѣдствіе неравенства человѣческихъ силъ, способностей и положеній, это имущественное равенство безпрестанно нарушается, то они, опять же вмѣстѣ съ кн. Васильчиковымъ, требуютъ, чтобы государство принимало мѣры, „возстановляющія равенство, нарушенное самой природой человѣка“. (Введ. стр. XXXV). Разница между соціалистами и кн. Васильчиковымъ состоитъ единственно въ томъ, что соціалисты знаютъ, чего хотятъ и къ чему они идутъ, а кн. Васильчиковъ проповѣдуетъ соціализмъ также, какъ извѣстное лицо въ комедіи Мольера говорило прозою, само того не вѣдая. Поэтому неудивительно, что въ теоріи кн. Васильчикова на каждомъ шагу оказывается непослѣдовательность. Такъ, напримѣръ, онъ требуетъ, чтобы всѣ крестьяне были надѣлены землею, но не требуетъ, чтобы фабричные и ремесленники были точно также надѣлены капиталомъ, хотя, принявши первое начало, нельзя по справедливости не принять послѣдняго, ибо чѣмъ же фабричный или ремесленникъ хуже крестьянина? Отчего къ нему не должно прилагаться начало хозяйственнаго равенства? Точно также непослѣдовательно кн. Васильчиковъ рядомъ съ общиннымъ владѣніемъ допускаетъ и личную собственность. Пока общинное владѣніе признается особенностью русскаго крестьянскаго быта, вытекшею изъ тѣхъ или другихъ историческихъ условій, оно можетъ безобидно существовать рядомъ съ личною собствен-

ностью; но какъ скоро оно возводится въ міровое экономическое начало, какъ скоро признается, что всѣ члены общества имѣютъ равное право на земли (II, стр. 732), и что вообще для народнаго хозяйства „выгоднѣе надѣлить всѣхъ жителей недвижимымъ имуществомъ по мѣрѣ возможности и съ соблюденіемъ правъ равенства на земли“ (Введ. стр. XXXIV), такъ личная собственность теряетъ уже всякій смыслъ. Оставаясь послѣдовательнымъ, надобно признать, что она противорѣчитъ и требованіямъ справедливости и выгодамъ народнаго хозяйства. Но на это кн. Васильчиковъ не рѣшается. Онъ возводитъ соціалистическія начала въ идеалъ общественнаго быта; онъ видитъ полное ихъ осуществленіе въ древне-русской общинѣ, но вывести логическія заключенія изъ этихъ посылокъ онъ предоставляетъ менѣе осторожнымъ, хотя, безъ сомнѣнія, болѣе послѣдовательнымъ умамъ.

Эта смутная соціалистическая пропаганда характеризуетъ современное умственное состояніе русскаго общества. Было время, въ эпоху полнаго господства идеализма, когда ученія соціалистовъ находили отголосокъ не только въ народныхъ массахъ, но и среди образованныхъ людей какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи. Въ соціалистахъ видѣли передовыхъ мыслителей, пролагающихъ новые пути наукѣ и жизни. Въ русскомъ общинномъ бытѣ многіе усматривали подтвержденіе этихъ теорій. Герценъ, который, какъ извѣстно, былъ всею душею преданъ соціализму, щеголялъ русскою общиною передъ западными собратіями. Славянофилы охотно развивали ту же тему, которая, какъ будто подтверждала любимую ихъ мысль, что въ русской исторіи искони содержатся тѣ начала, къ которымъ западные передовые мыслители приходятъ послѣ долгой и мучительной исторической борьбы. Но все это принадлежитъ прошедшему. Въ настоящее время соціализмъ вполнѣ уже выказалъ свои плоды, и въ теоріи и на практикѣ. Въ теоріи онъ оказался блестящею мечтою, которая, будучи переведена на практику, не способна произвести ничего, кромѣ разрушенія, ибо ею уничтожаются основные законы, управляющіе чѣловѣческими

обществами. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ изъ того, что совершается у насъ передъ глазами. А между тѣмъ, въ нашей публикѣ все еще витаютъ неясныя понятія о томъ, что соціализмъ содержитъ въ себѣ что-то, и притомъ передовое, хорошее, а съ другой стороны, и русская община представляется чѣмъ-то хорошимъ. Всѣ эти идущія съ разныхъ концовъ міра теоріи сливаются въ одинъ смутный образъ, который въ этомъ видѣ и отпечатлѣлся въ книгѣ кн. Васильчикова. Мы не скажемъ, что это новыя варіаціи на старую тему, ибо новаго въ этихъ варіаціяхъ нѣтъ рѣшительно ничего. Это — просто недодуманныя мысли, потерявшія даже ту прелесть новизны, съ которою онѣ являлись въ мечтательныхъ созданіяхъ соціалистовъ. Правда, кн. Васильчиковъ старается украсить эти устарѣвшія мелодіи всякаго рода фіоритурами въ современномъ вкусѣ. Все, что можетъ плѣнить довѣрчивую публику, и патріотизмъ, и гуманность, и забота о низшихъ классахъ, и киданіе грязью въ аристократію аристократическою рукою, и даже философія исторіи, вывороченной на изнанку, все тутъ находится. Кто довольствуется либеральною риторикою, считая ее единственнымъ, что требуется отъ писателя, тотъ придетъ въ восторгъ отъ этихъ прелестей и будетъ воспѣвать новую Цирцею, сошедшую съ высоты, чтобы отдаться меньшей братьѣ. Но кто ищетъ въ книгѣ серіозной мысли и дѣльнаго труда, тотъ обреченъ на полное разочарованіе.

Но обратимся къ самой теоріи.

По мнѣнію кн. Васильчикова, существенный вопросъ въ народномъ хозяйствѣ состоитъ въ томъ, выгоднѣе ли надѣлять всѣхъ жителей недвижимымъ имуществомъ по мѣрѣ возможности, съ соблюденіемъ права равенства на землю, или принимать на счетъ имущихъ призрѣніе неимущихъ? Въ основаніи этого вопроса лежитъ другой, болѣе широкій, именно: должно ли народное хозяйство управляться началомъ личной, свободной дѣятельности, или подчиняться общей, исходящей отъ государства организаціи? Экономисты стоятъ за первое, соціалисты за второе. Кн. Васильчиковъ увѣряетъ, что въ дѣлѣ „регулированія поземельныхъ отношеній“, мнѣ -

нія и ученія европейскихъ экономистовъ могутъ служить намъ только предостереженіями, а не указаніями (Введ. стр. XLVII). Но отвергать плоды вѣковой науки можно только, подвергнувъ ихъ серіозной критикѣ, а не просто однимъ почеркомъ пера. Надобно вникнуть въ самую сущность и основаніе разбираемаго ученія. Если, какъ признаетъ кн. Васильчиковъ, производителенъ только свободный трудъ, руководимый личнымъ интересомъ (II, стр. 566), то не можетъ быть сомнѣнія, что свобода составляетъ коренное начало всего народнаго хозяйства. И теорія и практика одинаково пришли къ этому убѣжденію. Это не значитъ, что государство вовсе должно быть устранено отъ всякаго вмѣшательства въ экономическія отношенія, какъ требуютъ нѣкоторые крайніе экономисты. Ему и въ этой области предстоитъ обширная задача. Но не его дѣло замѣнять личную дѣятельность гражданъ и еще менѣе надѣлять всѣхъ жителей имуществомъ, какъ хочетъ кн. Васильчиковъ. Надѣляютъ крѣпостныхъ или выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, свободные же люди сами пріобрѣтаютъ себѣ имущество и передаютъ его своимъ потомкамъ. Всѣ сколько-нибудь развитыя человѣческія общества всегда держались этихъ началъ. Даже въ Спартѣ, гдѣ имѣлось въ виду сохраненіе среди владычествующаго класса всеобщаго равенства посредствомъ всеобщей бѣдности, учрежденія не могли устоять противъ естественнаго хода вещей, который привелъ къ сосредоточенію поземельной собственности въ рукахъ богатыхъ, и когда цари-демагоги хотѣли произвести передѣлъ, возгорѣлись междуусобія, которыя повели къ паденію государства. Чтобы найти примѣры всеобщаго надѣленія жителей имуществомъ, надобно обратиться къ младенчеству человѣческаго рода, отыскивать слѣды того первобытнаго состоянія, когда личная собственность еще не развилась, или же указать на государства, подобныя древней перуанской монархіи или парагвайской республикѣ, устроенной іезуитами. Но это были царства не свободныхъ людей, а рабовъ. Къ этому и ведутъ всѣ соціальныя утопіи, къ которымъ слѣдуетъ причислить и доморощенныя наши мечты объ общинномъ бытѣ,

какъ міровомъ экономическомъ началѣ. Критика соціалистическихъ ученій ясно доказываетъ, что всѣ эти теоріи экономической организаціи, подчиняющія частную сферу государственной, неизбѣжно влекутъ за собою полное подавленіе свободы, то-есть уничтоженіе самаго источника экономическаго развитія народовъ. Послѣдствіемъ ихъ можетъ быть только всеобщая нищета.

Къ тому же клонятся и всѣ государственныя мѣры, которыя имѣютъ цѣлью возстановить нарушенное человѣческою природою равенство, по выраженію кн. Васильчикова. Изъ самаго этого термина ясно, что подобное возстановленіе равенства есть насиліе, учиненное человѣческой природѣ. Свобода сама собою, естественнымъ путемъ, ведетъ къ неравенству. При свободѣ выказывается все разнообразіе человѣческихъ силъ, способностей, дѣятельности, отношеній. Это разнообразіе составляетъ полноту жизни человѣческихъ обществъ, первое условіе ихъ совершенствованія. Нѣтъ сомнѣнія, что соперничество силъ влечетъ за собою и печальныя явленія. Слабѣйшіе остаются въ накладѣ и могутъ спуститься ниже обыкновеннаго уровня. Рабъ всегда получаетъ прокормленіе отъ своего хозяина; свободный человѣкъ предоставленный себѣ, можетъ сдѣлаться нищимъ. Въ такомъ случаѣ другіе приходятъ къ нему на помощь; частное человѣколюбіе и государственная дѣятельность стараются, по возможности, залѣчить эти раны. Таковъ естественный порядокъ человѣческаго общежитія. Но соціалисты, и вмѣстѣ съ ними кн. Васильчиковъ, не довольствуются послѣдующимъ устраненіемъ зла, проистекающаго изъ свободнаго движенія силъ; они хотятъ предупредить самое его возникновеніе, а это невозможно безъ уничтоженія источника, изъ котораго оно происходитъ, то-есть свободы. Это тотъ же самый пріемъ, который употребляютъ приверженцы деспотизма: они хотятъ не пресѣчь, а предупредить злоупотребленія свободы, и съ этою цѣлью воспрещаютъ всякія ея проявленія. Точно также и соціалисты, во имя нарушаемаго свободою равенства, налагаютъ на всѣхъ общую рамку. Какъ миѳологическій Прокрустъ, который и въ древности

уже считался разбойникомъ, они мечтаютъ о томъ, чтобы всѣхъ подвести подъ одинъ уровень, „сглаживая по возможности соціальныя неровности“, какъ говоритъ кн. Васильчиковъ. (Введ. стр. XLVII). Но результатомъ этихъ надѣленій и уравненій можетъ быть только равенство рабства и нищеты.

Въ отвѣтъ на поставленный кн. Васильчиковымъ вопросъ, мы должны сказать: для народнаго хозяйства не только выгоднѣе призрѣвать неимущихъ, нежели надѣлять всѣхъ жителей недвижимымъ имуществомъ, съ соблюденіемъ правъ равенства на землю, но первое одно возможно въ свободномъ обществѣ; второе же представляетъ извращеніе основныхъ экономическихъ законовъ и полное смѣшеніе частной сферы съ государственною. Оно приложимо только къ обществу рабовъ.

Кн. Васильчиковъ указываетъ на западный пролетаріатъ, какъ на зло, котораго намъ слѣдуетъ избѣгнуть. При этомъ онъ не думаетъ изслѣдовать ни причинъ происхожденія пролетаріата, ни различныхъ формъ, которыя онъ принимаетъ. Голословно повторяя соціалистическія декламаціи, онъ утверждаетъ только, что коренной порокъ западно-европейскихъ обществъ заключается въ неправильномъ распредѣленіи поземельной собственности, вслѣдствіе первоначальнаго завоеванія, послѣдующихъ насильственныхъ захватовъ и, наконецъ, ложныхъ юридическихъ началъ и научныхъ теорій, проведенныхъ въ новѣйшее время съ безпощадною строгостью въ ущербъ крестьянскаго сословія и въ пользу помѣстнаго (Введ. стр. XI). Онъ не обращаетъ вниманія на то, что пролетаріатъ, отъ котораго исходятъ соціальныя движенія, главнымъ образомъ фабричный, который вызванъ громаднымъ развитіемъ фабричнаго производства, обратившаго человѣка въ машину, зло, противъ котораго безсильны аграрныя реформы. Онъ не изслѣдуетъ и законовъ отношенія земли и капитала къ народонаселенію,—законовъ, отъ которыхъ зависитъ высота заработной платы, то-есть доля, приходящаяся на рабочихъ въ совокупномъ производствѣ. Все это—вопросы, слишкомъ трудные для рѣшенія и

требующіе основательныхъ экономическихъ познаній. Кн. Васильчиковъ за это и не берется. Онъ отказывается спорить съ тѣми учеными, которые, на основаніи фактическихъ данныхъ, утверждаютъ, что бытъ простаго народа постоянно улучшается, и что въ наше время рабочій кормится лучше и заработываетъ больше, нежели прежде (Введ. стр. VII). Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ кн. Васильчиковъ ссылается только на одно явленіе, которое, по его мнѣнію, убѣдительно доказываетъ, что въ западно-европейскихъ обществахъ разстройство соціальнаго быта достигло такой же высокой степени въ низшихъ классахъ народа, какъ просвѣщеніе и благоустройство въ высшихъ (тамъ же). Это явленіе есть эмиграція. „Переселеніе, говоритъ кн. Васильчиковъ, составляетъ въ быту простолюдина одну изъ самыхъ тяжкихъ крайностей, такое предпріятіе, на которое онъ рѣшается не прежде, какъ испытавъ всѣ другія средства выхода изъ бѣды, и мѣра эта признается столь стѣснительною, что она во всѣхъ законодательствахъ составляетъ уголовную кару за самыя тяжкія преступленія. Поэтому, если мы видимъ, что ежегодно, въ теченіе полустолѣтія, нѣсколько сотъ тысячъ гражданъ образованнѣйшихъ странъ свѣта налагаютъ на себя такое же наказаніе, какое грозитъ преступникамъ, и отправляются въ ссылку по тому же пути, по коему водятъ каторжниковъ, то мы изъ этого должны заключить, что положеніе этихъ лицъ достигло такой степени угнетенія, что всякія лишенія, труды и риски имъ кажутся предпочтительнѣе настоящаго ихъ хозяйственнаго быта“ (I, стр. 3).

Кн. Васильчиковъ не ограничивается, впрочемъ, этою риторикою. Онъ цѣлую главу посвящаетъ вопросу объ эмиграціи. Но, увы! какъ скоро является соприкосновеніе съ фактами, такъ сами собою оказываются выводы прямо противоположные тѣмъ, которые дѣлаетъ кн. Васильчиковъ. Прежде всего мы узнаемъ, что во Франціи и другихъ странахъ, населенныхъ романскими племенами, эмиграціи вовсе нѣтъ, изъ чего, по теоріи кн Васильчикова, прямо слѣдуетъ, что въ нихъ нѣтъ никакого соціальнаго разстрой-

ства. А такъ какъ, по собственному признанію кн. Васильчикова, въ этихъ странахъ господствуютъ тѣ же экономическія начала, какъ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, то оказывается, что соціальное разстройство происходитъ вовсе не изъ этихъ началъ, вслѣдствіе чего теорія кн. Васильчикова теряетъ всякую почву. Затѣмъ, авторъ объясняетъ намъ, что въ Германіи сильное дѣйствіе на эмиграцію имѣетъ воинская повинность, организованная на началахъ всесословной обязательной службы (стр. 28), что не мѣшаетъ ему одобрить введеніе таковой же повинности въ Россіи (стр. 46, прим. 12). Такъ какъ у кн. Васильчикова постоянно двѣ мѣры и двое вѣсовъ, одни для Запада, другіе для Россіи, то мы и не должны удивляться такому противорѣчію. Наконецъ, относительно Англіи кн. Васильчиковъ повѣствуетъ намъ, что главное затрудненіе хозяйственнаго быта этой страны состоитъ въ избыткѣ рабочихъ силъ и въ дороговизнѣ предметовъ потребленія, вслѣдствіе чего „эмиграція служитъ лучшимъ средствомъ для возстановленія равновѣсія между запросомъ и сбытомъ“ (стр. 30). „Поэтому можно сказать, продолжаетъ авторъ, что положеніе Англіи въ отношеніи къ эмиграціонному вопросу есть нормальное, правильное, такъ что оно можетъ быть регулировано и при нѣкоторомъ содѣйствіи правительства имѣть очень полезное вліяніе на улучшеніе хозяйственнаго быта народа“ (стр. 32). Авторъ совѣтуетъ и Россіи брать съ нея примѣръ (II, стр. 988). Колонизацію (то-есть переселеніе по пути, по которому водятъ каторжниковъ) онъ считаетъ настоящимъ призваніемъ великороссійскаго племени, завѣтнымъ поприщемъ, на которомъ ему суждено подвизаться (Введ. стр. xxxvii). Если уже англичанинъ—колонизаторъ по личной иниціативѣ, то русскій человѣкъ еще болѣе одаренъ этимъ свойствомъ (стр. 37, прим. 2). „Нашъ народъ, говоритъ кн. Васильчиковъ, отличается не хозяйственными, домовитыми добродѣтелями, а находчивостью, смышленостью, всѣми достоинствами отважнаго колониста.... Безпорядочный въ своемъ домашнемъ быту, не разсчетливый въ хозяйствѣ, разгульный въ семейной жизни, русскій человѣкъ отрезв-

ляется и укрощается въ походѣ, въ дорогѣ, на сушѣ и на морѣ, и вообще на чужой сторонѣ развиваетъ какъ будто бы силы и способности, коими пренебрегаетъ на родинѣ“ (Введ. стр. xxxvii).

И послѣ всего этого, кн. Васильчиковъ все-таки видитъ въ эмиграціи явное доказательство, что бо̀льшая часть современныхъ европейскихъ народовъ находится въ состояніи вѣчной рабочей кабалы (стр. 35)!! Тутъ уже даже читатель, ожидающій на каждомъ шагу противорѣчій, не можетъ не придти въ изумленіе. Ну, какъ не сказать, что мысли, собранныя въ этой книгѣ, какъ будто случайно слетѣлись съ разныхъ сторонъ и также случайно разсѣлись на той или другой страницѣ!...

Для многихъ изъ нашихъ читателей было бы достаточно указать на несообразности и противорѣчія, высказанныя кн. Васильчиковымъ по поводу эмиграціи, для характеристики этого отдѣла его труда. Но другіе изъ читателей, мы полагаемъ, не посѣтуютъ на насъ, если мы въ этомъ случаѣ войдемъ въ нѣкоторыя подробности. Вѣдь вопросъ объ эмиграціи и колонизаціи есть альфа и омега сочиненія кн. Васильчикова; съ него онъ начинаетъ свою книгу; ему же посвящаетъ онъ и послѣднія двѣ главы ея. Эмиграція служитъ для него главнымъ средствомъ *обличенія* несостоятельности Западной Европы; таже эмиграція, названная колонизаціей, представляется съ другой стороны главнымъ средствомъ предотвратить въ будущемъ отъ Россіи подобное экономическое и соціальное зло, какое удручаетъ Европу. Глава объ эмиграціи, вѣроятно, произвела на многихъ читателей кн. Васильчикова болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ его тяжело и сбивчиво написанныя разсужденія объ историческомъ развитіи Западной Европы—тѣмъ болѣе, что едва ли не меньшинство читателей оказалось на столько терпѣливымъ или преданнымъ автору „землевладѣнія“, чтобы прочесть его книгу до конца. Парадоксъ о томъ, что эмиграція есть неопровержимый признакъ глубокаго соціальнаго разстройства Западной Европы, и что это разстройство обусловливается неправильнымъ распредѣленіемъ землевладѣнія, парадоксъ этотъ, какъ будто

подкрѣпленный статистическими цифрами о числѣ эмигрантовъ, и не могъ не произвести впечатлѣнія на читателей, незнакомыхъ съ истиннымъ положеніемъ дѣла. А между тѣмъ при болѣе близкомъ разсмотрѣніи дѣла окажется и въ данномъ случаѣ, что кн. Васильчиковъ не знакомъ съ элементами пренебрегаемой имъ экономической науки, что онъ выдаетъ за новость и за великую истину какое-нибудь давно извѣстное положеніе, искаженное имъ или односторонне понятое, что критика, прилагаемая имъ къ существующимъ порядкамъ, также несостоятельна какъ и предложенія, дѣлаемыя имъ въ виду улучшенія этихъ порядковъ,—однимъ словомъ, что и причина эмиграціи имъ изложена неправильно и результаты, которыхъ можно ожидать отъ эмиграціи, имъ не вѣрно представлены.

Чтобы не вдаваться слишкомъ далеко въ исторію вопроса объ эмиграціи, ограничимся указаніемъ на одно общеизвѣстное сочиненіе, заглавіе котораго и кн. Васильчиковъ помѣстилъ въ числѣ своихъ источниковъ. Если бы кн. Васильчиковъ дѣйствительно воспользовался этимъ источникомъ и передалъ вкратцѣ своимъ читателямъ то, что сказано въ сочиненіи Рошера „О Колоніяхъ“ относительно различныхъ причинъ эмиграціи, его упомянутый парадоксъ зачахъ бы такъ сказать при самомъ своемъ зарожденіи, ибо читатель легко бы убѣдился, на сколько справедливо сводить эмиграцію вообще исключительно на недостатокъ земли или недоступность ея для извѣстнаго числа населенія, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ. Но прежде чѣмъ разсматривать, въ какой мѣрѣ можно объяснять эмиграцію аграрными отношеніями, нужно замѣтить, что весь вопросъ съ самаго начала поставленъ неправильно у кн. Васильчикова, который представляетъ всякую эмиграцію признакомъ соціальнаго разстройства. Мы сошлемся въ данномъ случаѣ на авторитетъ писателя, который хотя и мало извѣстенъ *) кн. Васильчикову, но слова котораго должны имѣть вѣсъ въ глазахъ всѣхъ читателей, искренно

*) Онъ процитованъ въ книгѣ кн. Васильчикова, но на ряду съ другими писателями и не полнымъ именемъ какъ бы съ чужихъ словъ.

интересующихся положеніемъ сельскаго населенія въ Западной Европѣ.

Клифъ Лесли одинъ изъ немногихъ передовыхъ людей въ Англіи, съумѣвшихъ отдѣлаться въ аграрномъ вопросѣ отъ рутины и предразсудковъ своихъ соотечественниковъ, которые привыкли къ крупному землевладѣнію, знаютъ по опыту его цѣну въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ и потому обращаютъ слишкомъ мало вниманія на обратную сторону и крайнія послѣдствія развившейся у нихъ системы: онъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и образованныхъ защитниковъ аграрной реформы и его мнѣнія объ этомъ предметѣ имѣли высокое значеніе въ глазахъ Джона Стюарта Милля. Вотъ, что говоритъ объ эмиграціи этотъ авторъ: *) „не трудно убѣдиться послѣ минутнаго размышленія, что слово эмиграція обозначаетъ, по крайней мѣрѣ, два великихъ движенія, столь же существенно различныя между собой какъ по отношенію причинъ, такъ и послѣдствій, какъ понятія колонизаціи и обезлюдѣнія, улучшенія и опустошенія, какъ предпріимчивость и надежда различны отъ разрушенія и отчаянія. Это слово съ одной стороны указываетъ на смышленость, энергію и легкость, съ которой трудъ и капиталъ зрѣлыхъ странъ теперь переливаются въ отдаленныя области, на здоровое стремленіе нашего вѣка развивать рессурсы цѣлаго міра, особенно въ областяхъ, находившихся въ пренебреженіи и отставшихъ отъ цивилизаціи; а съ другой стороны оно наводитъ мысль на непреодолимыя препятствія благоденствію и улучшенію въ странахъ старинной культуры и послѣдовательное бѣгство промышленной предпріимчивости и производительной силы изъ мѣстностей, природные рессурсы которыхъ сдѣлались, въ значительной степени, недоступными для промышленности и улучшенія. Даже въ основаніи эмиграціи изъ Ирландіи лежитъ это двойное стремленіе“. Тѣмъ болѣе, прибавимъ мы, нужно имѣть въ виду это двоякое значеніе эмиграціи въ странѣ, столь разнообразной во всѣхъ отношеніяхъ, какъ Германія.

*) Cliffe Leslie. Land Systems and Industrial Economy of Jreland, England and Continental Countries. Lond. 1870 p. 93.

Итакъ, эмиграція очень часто не имѣетъ ничего общаго съ соціальнымъ разстройствомъ, а напротивъ, есть признакъ избытка силъ и слѣдствіе естественнаго стремленія со стороны труда и капитала найти себѣ наиболѣе выгодное примѣненіе. Иначе пришлось бы, напр., постепенную колонизацію западныхъ штатовъ въ сѣверной Америкѣ признать доказательствомъ соціальнаго разстройства восточныхъ. Но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она вызвана какими-нибудь неправильными экономическими отношеніями, эту неправильность очень часто приходится искать внѣ сферы аграрныхъ отношеній. И если мы далѣе ограничимся этой послѣдней сферой, то и здѣсь эмиграція можетъ обусловливаться отсутствіемъ сбыта или сообщеній, отсталостью земледѣльческой системы, невозможностью почему-либо развитія для мѣстной промышленности, а вовсе не неправильнымъ распредѣленіемъ поземельной собственности, и наконецъ, даже и въ послѣднемъ случаѣ эта неправильность можетъ вовсе не заключаться въ невозможности для сельскаго рабочаго сдѣлаться мелкимъ собственникомъ. Такимъ образомъ та причина, на которую кн. Васильчиковъ сводитъ всю западную эмиграцію, представляетъ собою только одинъ изъ многихъ равносильныхъ агентовъ.

Для объясненія и доказательства мы приведемъ три примѣра: по одному изъ экономической жизни каждаго изъ трехъ главныхъ западныхъ государствъ—Англіи, Франціи и Германіи. Относительно перваго изъ этихъ государствъ мы возьмемъ нашъ примѣръ изъ Ирландіи, страны наиболѣе типической и по ненормальности поземельныхъ отношеній и по значительной изъ нея эмиграціи. Но настоящій характеръ этой эмиграціи можно понять только въ томъ случаѣ, если взять въ разсчетъ тѣ затрудненія, которыя встрѣчаетъ тамъ развитіе городской жизни и промышленности. Одно изъ главныхъ препятствій заключается въ томъ, что города въ Ирландіи, какъ и въ самой Англіи, очень часто построены на землѣ одного или нѣсколькихъ частныхъ землевладѣльцевъ. Немногіе города находятся въ такомъ счастливомъ положеніи какъ Бельфастъ, гдѣ поэтому промыш-

ленность нашла возможность развиться. Белфастъ по этому и привлекъ къ себѣ значительную часть рабочихъ силъ, которыя иначе стали бы искать дѣла для себя въ Америкѣ: въ теченіе одного поколѣнія населеніе Бельфаста учетверилось, и несмотря на это заработная плата за это время удвоилась. Такимъ образомъ Бельфастъ представляетъ собою примѣръ того, какое громадное вліяніе можетъ оказать быстро развившаяся промышленность на положеніе сельскаго населенія въ своемъ округѣ, насколько она можетъ измѣнить вопросъ объ эмиграціи, т.-е. отвлечь отъ эмиграціи за границу праздныя рабочія силы, давая имъ занятіе.

Въ другомъ отношеніи поучителенъ для насъ примѣръ, взятый изъ экономической жизни Франціи. Примѣръ этой страны, какъ могъ замѣтить читатель, подрываетъ въ корнѣ основное положеніе кн. Васильчикова, которымъ онъ хотѣлъ обогатить русскую науку, что аграрныя отношенія въ Западной Европѣ вызвали смертельную болѣзнь этой части свѣта—болѣзнь, симптомъ которой составляетъ эмиграція. Во Франціи, однако, этого симптома нѣтъ; слѣдовательно, теорія не выдерживаетъ критики. Но примѣръ Франціи и въ частностяхъ опровергаетъ положеніе кн. Васильчикова, указывая между прочимъ, какъ часто въ сельскихъ округахъ проявляется избытокъ рабочихъ рукъ не вслѣдствіе безземелія или малоземелія крестьянъ, а потому что не принимаются нужныя мѣры для развитія земледѣльческихъ средствъ края. Въ такомъ положеніи находятся многія гористыя области внутренней Франціи, которыя изолированы отъ остальной страны отсутствіемъ путей сообщенія, не имѣютъ ни городовъ, ни промышленности, и слѣдовательно сбыта своихъ произведеній, а потому пребываютъ цѣлые вѣка на первобытной степени культуры. Между этими областями особенно интересна мѣстность La Creuse въ старинной провинціи La Marche. Еще въ XVII вѣкѣ эта бѣдная область представляла избытокъ рабочихъ силъ, которыя нашли себѣ выгодное примѣненіе въ промыслѣ каменьщиковъ.

Руками этихъ деревенскихъ каменьщиковъ были сложены

знаменитые дворцы новой столицы Людовика XIV—Версаля, и съ тѣхъ поръ каждый годъ потомки этихъ строителей шли въ Парижъ для подобной работы, которая опять нашла себѣ обширное примѣненіе въ архитектурныхъ сооруженіяхъ Наполеона III. Но цѣль этихъ каменщиковъ, отправляющихся толпами изъ La Creuse въ Парижъ, заключается вовсе не въ томъ, чтобы превратиться въ жителей Парижа; у нихъ завѣтное стремленіе накопить денегъ, чтобы возвратиться на родину и купить себѣ земли или лучше устроить свой земельный участокъ. При раздробленности и мелкости землевладѣнія во Франціи имъ этого не трудно достигнуть. Итакъ, что же помимо притягательной силы большихъ городовъ, которые своей болѣе высокой платой и привольной жизнью всегда будутъ привлекать сельскихъ жителей — вызываетъ въ данномъ случаѣ эмиграцію обитателей La Creuse? По свидѣтельству опытнаго мѣстнаго наблюдателя, экономиста Лаверня, проведшаго много лѣтъ въ своемъ помѣстьѣ въ La Creuse, избытокъ рабочихъ рукъ, принужденныхъ искать отдаленныхъ заработковъ, вызывается преимущественно неразвитостью земледѣльческой культуры, устарѣлостью способовъ земледѣлія и отсутствіемъ сбыта, вслѣдствіе чего значительныя пространства земли пропадаютъ подъ непроизводительными пастбищами.

Перейдемъ теперь къ третьему нашему примѣру и заимствуемъ его изъ русской книги, которая не помѣщена кн. Васильчиковымъ въ числѣ его источниковъ. Мы разумѣемъ сочиненіе М. Вольскаго, бывшаго профессора въ Одесскомъ университетѣ: „Историческое и народо-хозяйственное значеніе обработки крестьянами собственниками“. М. 1865 г.

Виртембергъ принадлежитъ по своей земледѣльческой культурѣ къ числу наиболѣе процвѣтающихъ и развивающихся областей Германіи, а между тѣмъ и Виртембергъ въ значительной степени увеличивалъ контингентъ эмигрантовъ изъ Германіи. Чѣмъ объясняется въ данномъ случаѣ эта эмиграція? Причина ея не заключается въ недоступности земли для крестьянина, какъ, напр., въ Мекленбургѣ или въ Англіи. Вслѣдствіе неограниченной свободы отчужденія и раздѣла

земель въ имѣніяхъ, необремененныхъ феодальными оброками, еще въ прошломъ вѣкѣ было въ Виртембергѣ много мелкихъ собственниковъ. Съ 1817 года дробленіе еще болѣе усилилось вслѣдствіе уничтоженія ленной системы. „У сельскаго народонаселенія появилось сильное стремленіе къ пріобрѣтенію поземельной собственности, такъ что образовались цѣлыя компаніи для спекуляціи и раздробленія поземельной собственности. Въ тоже время съ приливомъ капиталовъ къ землѣ усилился реальный кредитъ и въ чрезвычайной степени возросло удобство къ пріобрѣтенію мелкихъ участковъ. Далѣе народонаселеніе такъ быстро увеличилось, что оно вообще удвоилось съ 1817 года, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже утроилось. Послѣ этого капиталы были снова отвлечены отъ земледѣлія, реальный кредитъ и цѣнность поземельныхъ участковъ также понизились весьма быстро и въ довершеніе бѣдствія страна въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду подвергалась неурожаямъ. „Неудивительно, что послѣдовало множество продажъ съ публичнаго торга, и сильно возросшее народонаселеніе должно было выселиться.“

Но помимо всего этого, положеніе сельскаго населенія въ Виртембергѣ намъ объяснится только въ томъ случаѣ, если мы обратимъ вниманіе на побочныя условія, повліявшія тамъ на земледѣльческій бытъ.

Во-первыхъ, Виртембергъ, окруженный почти съ трехъ сторонъ плодородными, преимущественно земледѣльческими странами—Баваріей и Баденомъ, и отдѣленный горами отъ единственной страны, которая могла нуждаться въ его хлѣбѣ, отъ Швейцаріи, не имѣлъ сбыта. Затѣмъ значительная часть Виртемберга вслѣдствіе гористаго положенія и отсутствія хорошихъ путей сообщенія долго была почти совершенно лишена большаго торговаго обращенія и фабричной производительности. Далѣе, если вблизи небольшихъ городовъ и можно было бы при помощи интенсивнаго хозяйства извлечь изъ земли хорошій доходъ, то подобное хозяйство встрѣчало непреодолимыя препятствія въ различныхъ ограниченіяхъ и сильной черезполосности участковъ, противъ которой законъ долгое время не предпринималъ никакихъ мѣръ.

Наконецъ, и это особенно важно, ненормальность положенія, обусловливалась непослѣдовательнымъ и односторонним проведеніемъ принципа свободы. Если допущена полная свобода поземельной собственности, такъ что каждый можетъ пріобрѣсти землю и обработывать ее, то на ряду съ этою свободою, какъ необходимое дополненіе ея, должна существовать также полная свобода промышленности и свобода поселенія и мѣстожительства. Въ Виртембергѣ же, вслѣдствіе существованія цеховыхъ учрежденій и различныхъ затрудненій относительно поселенія въ городахъ до послѣдняго времени *не было промышленной свободы* и избытокъ рукъ въ сельскомъ населеніи, который не былъ поглощаемъ усиленіемъ земледѣльческой производительности, вслѣдствіе застоя въ культурѣ не находилъ себѣ примѣненія въ ремесленной и фабричной прозводительности и потому искалъ выхода въ эмиграціи.

Но если, какъ изъ всего этого видно, кн. Васильчиковъ, увлекаясь своей тенденціей, не далъ себѣ труда вникнуть въ дѣйствительныя причины эмиграціи, то съ другой стороны онъ не вѣрно представляетъ себѣ ея результаты и напрасно возлагаетъ на нее преувеличенныя надежды.

Кн. Васильчиковъ считаетъ эмиграцію или, какъ онъ въ данномъ случаѣ выражается, колонизацію, лучшимъ средствомъ для предотвращенія того зла, которое проистекаетъ „отъ пресыщенія страны народонаселеніемъ и соціальнаго разстройства“ (стр. XXXV). Отъ эмиграціи, по его мнѣнію, не столько выигрываютъ сами переселенцы, сколько тѣ обыватели, которые, оставаясь на мѣстахъ, покинутыхъ выходцами, получаютъ болѣе простора и вообще расширяютъ свой бытъ“. Это мнѣніе находится въ связи съ высказаннымъ (стр. 80) мнѣніемъ, что заработная плата зависитъ отъ отношенія спроса на трудъ и предложенія, и что поэтому эмиграція, уменьшая число рабочихъ рукъ, увеличиваетъ заработную плату. Но въ подобномъ мнѣніи заключается большое преувеличеніе и мы рекомендовали бы кн. Васильчикову и въ этомъ отношеніи познакомиться съ сочиненіемъ Клифа Лесли, который подробно разсматриваетъ

вопросъ о вліяніи эмиграціи на заработную плату преимущественно въ Ирландіи. Эмиграція, хотя она и заставляетъ предпринимателей увеличить заработную плату, не даетъ имъ, однако, возможности платить дороже за трудъ, чѣмъ дозволяетъ это цѣна производимыхъ этимъ трудомъ продуктовъ; и такимъ образомъ эмиграція на оборотъ можетъ заставить предпринимателей уменьшить производство или вовсе бросить его, замѣнить пашню выгономъ (forsake tillage for pasture), можетъ принудить ихъ самихъ эмигрировать или разными другими путями отвлечь капиталъ отъ рынка. Затѣмъ эмиграція можетъ лишить предпринимателей возможности оплачивать трудъ въ прежнихъ размѣрахъ, отвлекая отъ производства самыя сильныя и самыя способныя руки; съ другой стороны эмиграція вмѣсто того, чтобы быть причиной повышенія заработной платы, можетъ быть послѣдствіемъ ея пониженія. Въ другомъ мѣстѣ своей книги Клифъ Лесли [1]) замѣчаетъ, что повышеніе заработной платы въ Ирландіи находится въ зависимости отъ англійскаго рынка и запроса на ирландскіе продукты, а не отъ американскаго рынка и его запроса на ирландскій трудъ.

Изъ сказаннаго здѣсь читатель могъ видѣть, какъ легко относится кн. Васильчиковъ не только къ отвлеченнымъ принципамъ свободы и регламентаціи труда, но и къ такимъ практическимъ вопросамъ, какъ эмиграція и колонизація, ихъ причины и послѣдствія; какъ сущность дѣла для него заключается только въ томъ, чтобы, пользуясь довѣрчивостью читателя, провести какой-нибудь парадоксъ, необходимый для его тенденціозной точки зрѣнія; наконецъ, какъ мало онъ заботится о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ обставить этотъ парадоксъ фактами и мнѣніями, которые бы не находились въ противорѣчіи и между собой и съ наукой и съ жизненнымъ опытомъ.

И съ этимъ хаосомъ отрывочныхъ свѣдѣній, недодуманныхъ мыслей, безсвязныхъ понятій и противорѣчащихъ вы-

---

[1]) Passim 41, 97, 101 sq.

водовъ, кн. Васильчиковъ приступаетъ къ обсужденію глубочайшаго смысла исторіи западно-европейской и русской. Поистинѣ смѣлое предпріятіе!... Только русскій дилетантизмъ одаренъ такою отвагой....

Посмотримъ же, какъ авторъ исполняетъ эту задачу.

ГЛАВА III.

ВОЗЗРѢНІЯ КН. ВАСИЛЬЧИКОВА НА ИСТОРІЮ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ.

„Надѣлить наибольшее число жителей имуществомъ, соотвѣтствующимъ ихъ рабочей силѣ — говоритъ кн. Васильчиковъ (Введ. стр. XIV) — такова должна быть идеальная цѣль экономическаго прогресса; но такъ какъ она недостижима, то надо обратиться къ тѣмъ практическимъ и исполнимымъ мѣрамъ, которыя не выходятъ изъ предѣловъ возможности“. Это положеніе лежитъ въ основаніи народо-хозяйственной теоріи кн. Васильчикова; съ этой точки зрѣнія онъ разсматриваетъ вопросы экономическіе и обсуждаетъ теоріи и науку экономистовъ. Это же положеніе составляетъ ключъ къ историческому отдѣлу въ книгѣ кн. Васильчикова, къ его общимъ воззрѣніямъ на человѣческую исторію и къ его оцѣнкѣ отдѣльныхъ историческихъ явленій. Какимъ же образомъ вытекаетъ изъ указаннаго положенія историческое *построеніе* кн. Васильчикова? ибо нельзя назвать иначе, какъ построеніемъ, насильственнымъ, произвольнымъ подведеніемъ разныхъ фактовъ подъ неприложимую къ нимъ теорію то, что онъ предлагаетъ своимъ читателямъ подъ именемъ обзора исторіи землевладѣнія въ Западной Европѣ и въ Россіи.

Кн. Васильчиковъ считаетъ то, что онъ называетъ цѣлью экономическаго прогресса—*недостижимымъ*. Это ему, однако, не мѣшаетъ въ тоже время признать этотъ недостижимый идеалъ уже *осуществившимся* и искони существовавшимъ—въ общинномъ землевладѣніи, представляющемъ отличитель-

ную черту аграрнаго быта въ велико-русскихъ губерніяхъ нашей имперіи. Остановившись на этой мысли, что общинное землевладѣніе есть осуществленіе принципа—*надьлять наибольшее число жителей имуществомъ*, кн. Васильчиковъ пришелъ къ убѣжденію, что Россія и остальная Европа представляютъ два противоположныхъ полюса по отношенію къ экономической жизни и къ общему ходу цивилизаціи. На сколько Россія близка къ идеалу, составляющему цѣль экономическаго прогресса, на столько Европа удалилась отъ нея или даже сдѣлала невозможнымъ для себя достиженіе этой цѣли. Откуда же такой разладъ, такая глубокая и принципіяльная противоположность между Россіей и Европой въ самомъ важномъ вопросѣ экономическаго прогресса? Отвѣтомъ на это долженъ былъ, по плану автора, послужить обзоръ исторіи европейскихъ народовъ и Россіи.

Но пускаясь въ невѣдомое ему море историческихъ фактовъ, кн. Васильчиковъ запасся компасомъ, который онъ заимствовалъ не у исторической науки. То различіе между русскимъ Востокомъ и европейскимъ Западомъ, которое нужно было объяснить историческимъ путемъ, принимается имъ за *исходный пунктъ* исторической жизни Россіи и Запада, такъ что вся дальнѣйшая судьба этихъ двухъ половинъ Европы какъ бы объусловлена и напередъ опредѣлена кореннымъ фактомъ, положеннымъ въ основаніе ихъ исторіи. По отношенію къ Россіи кн. Васильчиковъ признаетъ общинное землевладѣніе, основанное яко-бы на принципѣ надѣленія наибольшаго числа жителей имуществомъ—исконнымъ фактомъ, не требующимъ объясненія, а вытекающимъ изъ прирожденной потребности, изъ свойствъ славянскаго племени. Основаніемъ же аграрнаго быта во всей не славянской половинѣ Европы кн. Васильчиковъ признаетъ *завоеваніе*, захватъ земли и экспропріацію народной массы.

При этомъ кн. Васильчиковъ нисколько не смущаетъ себя вопросами, дѣйствительно ли всѣ европейскія государства возникли вслѣдствіе завоеванія *земли*, и какая форма землевладѣнія существовала тамъ, гдѣ не было никакого завоеванія и никакого захвата земли.

Такимъ образомъ „историческій обзоръ“ кн. Васильчикова не имѣетъ другой цѣли какъ только подтвердить посредствомъ подбора различныхъ историческихъ фактовъ его основную гипотезу. При этомъ самый обзоръ принимаетъ конечно совершенно различный характеръ смотря по тому, къ какой половинѣ Европы онъ относится. Исторія Россіи служитъ, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, средствомъ выяснить различныя поползновенія и вліянія, стремившіяся нарушить первоначальный строй поземельнаго быта. Но совершенно противоположную картину представляетъ историческій обзоръ, посвященный Западной Европѣ. Этотъ обзоръ становится обвинительнымъ актомъ, въ которомъ прописаны всѣ преступленія и проявленія дикой силы, эгоизма и неправды какъ со стороны цѣлыхъ племенъ, такъ и отдѣльныхъ сословій — аристократическаго, буржуазнаго и даже крестьянскаго, вслѣдствіе которыхъ Европа не только совершенно отдалилась отъ идеальной цѣли экономическаго прогресса, но и обрекла на гибель свою высокомѣрную цивилизацію, неспособную пережить предстоящую братоубійственную борьбу между жителями, владѣющими землей и обезземеленными.

Впрочемъ въ своей роли историческаго прокурора и обличителя Западной Европы кн. Васильчиковъ поступаетъ очень произвольно: онъ посвящаетъ четыре обширныхъ главы обзору землевладѣнія трехъ главныхъ государствъ Европы: Франціи, Англіи и Германіи; но въ главѣ о Франціи его историческій обзоръ заходитъ назадъ не далѣе революціи; исторія англійскаго землевладѣнія также не очень обстоятельна и только на долю Германіи выпала странная глава. Кромѣ того, кое-гдѣ разсованы отрывочныя замѣчанія, касающіяся исторіи землевладѣнія въ древнемъ мірѣ, въ Испаніи, Италіи. Но даже тамъ, гдѣ кн. Васильчиковъ предлагаетъ читателю пространное разсужденіе объ исторіи землевладѣнія, въ главѣ о Германіи, мы не находимъ у него связнаго, цѣльнаго, научнаго изслѣдованія, но вмѣсто этого намъ представляются произвольно выхваченные изъ разныхъ, случайно попавшихся кн. Васильчикову

сочиненій,—факты нерѣдко искаженные или не понятые, притомъ перемѣшанные съ риторическими выходками.—Это какая-то соштопанная изъ разныхъ лоскутковъ, вкривь и вкось нашитыхъ, мантія, взятая на прокатъ у западныхъ соціалистовъ и плохо сидящая на княжескихъ плечахъ. Вся исторія цивилизованнаго человѣчества представляется кн. Васильчикову хаосомъ, въ которомъ не видно дѣйствія общихъ исторических законовъ, а только результатъ захвата, грубой силы и эгоистическихъ стремленій меньшинства. Тутъ нигдѣ не выясняется значеніе государства и вліяніе его организаціи на развитіе народной жизни, тутъ нигдѣ не принимаются въ разсчетъ сложныя условія экономическаго быта и законы, имъ управляющіе. Не даромъ кн. Васильчиковъ протестуетъ противъ „ученыхъ авторитетовъ“, признающихъ общіе однообразные историческіе законы. Онъ дѣйствительно съумѣлъ вполнѣ отрѣшиться отъ принципа, признающаго, что историческая жизнь управляется законами, которые могутъ быть познаваемы разумомъ, и эманципировавшись отъ руководства разумомъ, успѣлъ создать историческую картину, которая отражаетъ на себѣ не дѣйствительность, а хаотическое состояніе ума и понятій автора. Но такое отношеніе къ исторіи странно со стороны человѣка, имѣющаго притязаніе на образованность. Оно понятно только въ устахъ какого нибудь самоучки рабочаго, который говоритъ передъ толпой полу-грамотныхъ слушателей не съ тѣмъ, чтобы ихъ просвѣщать и знакомить съ ходомъ исторіи, а чтобы возбуждать ихъ неудовольствіе противъ существующаго порядка и убѣждать ихъ въ томъ, что этотъ порядокъ сложился такъ по винѣ тѣхъ самыхъ сословій, которыя и теперь составляютъ преграду на пути къ благоденствію рабочаго класса. Кн. Васильчиковъ въ качествѣ историка можетъ смѣло подать руку берлинскому переплетчику Мосту, подвергнувшему критикѣ съ соціалистической точки зрѣнія римскую исторію Момсена, котораго, какъ всякій знаетъ, вовсе нельзя обвинять въ реакціонныхъ стремленіяхъ и въ сочувствіи римскимъ латифундіямъ и „юнкерамъ“.

Такіе историческіе обзоры понятны только какъ орудіе борьбы и то только съ той точки зрѣнія, съ которой могутъ быть допущены и разрывныя пули, т.-е. съ точки зрѣнія борьбы фанатической, ожесточенной и считающей дозволенными всякаго рода средства. Со всякой иной точки зрѣнія подобныя литературныя явленія лишены всякаго raison d'être. Можно ли въ наше время, когда все глубже проникаетъ въ общество убѣжденіе въ владычествѣ общихъ законовъ и отсутствіи произвола и случайности въ жизни человѣчества, когда все болѣе сознается необходимость изучать историческую жизнь народовъ въ связи съ политическими и экономическими законами, когда *историческій* методъ объясненія становится господствующимъ во всѣхъ наукахъ,—можно ли теперь позволять себѣ морочить русскихъ читателей „историческими обзорами", которые строютъ исторію на принципѣ произвола и видятъ въ ней только рядъ уголовныхъ преступленій и мошенничества?

Какъ уже было замѣчено, взглядъ кн. Васильчикова на исторію Западной Европы полнѣе всего изложенъ въ его обзорѣ исторіи землевладѣнія въ Германіи. Но прежде, чѣмъ обратиться къ этому обзору, мы считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться на томъ, что говорится въ разбираемой нами книгѣ объ исторіи Рима. Исторіи землевладѣнія въ Римѣ кн. Васильчиковъ посвящаетъ всего нѣсколько страницъ, но онѣ изобилуютъ какъ невѣрными фактами, такъ и ложными выводами.

Кн. Васильчиковъ касается исторіи Рима въ двухъ мѣстахъ своей книги: во II томѣ въ началѣ XIII главы и въ примѣчаніяхъ къ этой главѣ, гдѣ мы находимъ отчасти повторенія того, что было сказано въ текстѣ, отчасти показанія, противорѣчащія прежнимъ. Бо̀льшая часть приведенныхъ фактовъ кое-какъ набраны изъ книги Laveleye „О Собственности". Это извѣстное сочиненіе представляетъ компиляцію, въ которой автору не разъ приходилось говорить о вопросахъ, имъ самимъ неизслѣдованныхъ. Къ болѣе слабымъ отдѣламъ книги принадлежитъ и глава о землевладѣніи въ Римѣ. Кн. Васильчикову, конечно, было не по силамъ судить о научномъ

достоинствѣ сочиненія Лаведе; мы этого ему не ставимъ въ упрекъ и не удивляемся его увѣренію, что „аграрная исторія Рима изложена у Лаведе вкратцѣ, но очень отчетливо“. Но странно то, что несмотря на эти свойства книги Лаведе, кн. Васильчиковъ не съумѣлъ передать *отчетливо* ея содержаніе и на одной страницѣ выдержекъ изъ Лаведе сдѣлалъ нѣсколько промаховъ. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что „до пуническихъ войнъ каждому civis romanus при занятіи новыхъ земель отводилось изъ общественныхъ полей 2 югера“. И затѣмъ продолжаетъ: „вскорѣ, однако, этотъ надѣлъ былъ признанъ недостаточнымъ; Нума Помпилій началъ отводить по 7 югеровъ на душу, что и подтверждено было Сервіемъ Тулліемъ“. Но развѣ Нума Помпилій жилъ послѣ пуническихъ войнъ? Черезъ нѣсколько строкъ кн. Васильчиковъ сообщаетъ, „что распоряженія римскихъ царей встрѣтили немедленно сопротивленіе патриціевъ и при каждомъ новомъ завоеваніи поднимался вопросъ о полномъ надѣлѣ по 7 югеровъ и о четвертномъ (вотъ какъ!) по 2 югера; при покореніи Латиновъ (338 до Р. Х.), роздано было по 2 югера; послѣ пораженія Пирра по 7 югеровъ“. Когда же это было, до или послѣ пуническихъ войнъ?

Далѣе кн. Васильчиковъ повѣствуетъ, что „попытки реформаторовъ Сервія Румга (читай Рулла), Флавія и самого Юлія Кесаря пріостановить распродажу плебейскихъ земель, не имѣли успѣха“. Все это кн. Васильчиковъ самъ сочинилъ; мѣры названныхъ дѣятелей вовсе не имѣли въ виду установить „неотчуждаемость надѣловъ“; Лаведе говоритъ на этотъ разъ совершенно отчетливо, что Руллъ и Флавій предложили купить на счетъ государственной казны у частныхъ лицъ земли въ Италіи для раздачи ихъ безземельнымъ гражданамъ, а Цезарь провелъ законъ, по которому государственныя земли въ Кампаніи, отдававшіяся въ аренду, были розданы гражданамъ, у которыхъ было болѣе 3 дѣтей.

Даже о мѣрахъ, предложенныхъ Тиверіемъ Гракхомъ, этихъ основныхъ и обще-извѣстныхъ фактахъ аграрной исторіи Рима, кн. Васильчиковъ не былъ въ состояніи составить себѣ отчетливаго понятія. Въ текстѣ у него сказано

(стр. 793), что „Тиверій требовалъ, чтобы при раздачѣ государственныхъ земель въ завоеванныхъ провинціяхъ онѣ разбивались на участки не болѣе 500 югеровъ“. Кн. Васильчиковъ не подозрѣваетъ того, какихъ онъ тутъ надѣлалъ грубыхъ промаховъ; онъ не знаетъ, что Тиверій Гракхъ и не помышлялъ о завоеванныхъ провинціяхъ, а имѣлъ въ виду общественныя земли въ Италіи, и что предѣлъ 500 югеровъ касался вовсе не новыхъ надѣловъ, а общественныхъ земель „окупированныхъ“, т. - е. издавна находившихся въ пользованіи гражданъ. Въ примѣчаніяхъ (на стр. 844) кн. Васильчиковъ, слѣдуя Лавеле, совершенно иначе и вѣрнѣе опредѣляетъ предложеніе Гракха, нисколько не замѣчая вопіющаго противорѣчія, допущеннаго между текстомъ и примѣчаніемъ.

Если кн. Васильчиковъ впадалъ въ такіе промахи даже подъ руководствомъ такого отчетливаго сочиненія, какъ книга Лавеле, то онъ оказывается совершенно безпомощнымъ тамъ, гдѣ былъ предоставленъ самому себѣ. Такъ на стр. 93 онъ обогатилъ русскую науку открытіемъ, что „половники (partiarii), упоминаемые Катономъ и Плиніемъ, составляли въ древнемъ Римѣ переходъ отъ крѣпостнаго труда къ вольному“. О томъ, что въ древнемъ Римѣ были крѣпостные, и что Римляне отъ крѣпостнаго труда перешли къ вольному, намъ ничего неизвѣстно. Что же касается до половниковъ Плинія, то этотъ писатель говоритъ, что такъ какъ его срочные арендаторы оказались несостоятельными, то онъ замѣнилъ ихъ половниками.

Кн. Васильчикову вообще не везетъ съ ссылками на Плинія, какъ не повезло и съ Тацитомъ. На стр. 792 онъ разсказываетъ, что по свидѣтельству Плинія половина Африканской провинціи принадлежала шести патриціямъ и что „на пространствѣ шести римскихъ миль, онъ же, Плиній, нашелъ всего 6 имѣній“. Странно сопоставленіе такихъ двухъ извѣстій, — въ одномъ случаѣ полпровинціи принадлежитъ 6 собственникамъ—это дѣйствительныя латифундіи; въ другомъ, на протяженіи 8 верстъ—6 имѣній. Но еще страннѣе то, что ничего подобнаго кн. Васильчиковъ у Плинія не нахо-

дилъ. Нѣчто подобное нашелъ онъ у Лаведе, который приводитъ примѣръ, что одинъ римскій акведуктъ на протяженіи 6 миль проходилъ черезъ *одиннадцать* помѣстій, принадлежавшихъ 9 собственникамъ. Кн. Васильчиковъ, вѣроятно, былъ бы не очень доволенъ, если бы ему пришлось ограничиться владѣніемъ одного изъ такихъ *крупныхъ* имѣній, которыхъ можно помѣстить 11 на пространствѣ отъ 8 до 9 верстъ. Но почему онъ уменьшилъ число имѣній, а главное, почему онъ акведуктъ назвалъ Плиніемъ? Въ послѣднемъ виноватъ отчетливый Лаведе, который, упомянувъ о свидѣтельствѣ Плинія, вслѣдъ за этимъ сообщилъ извѣстіе о римскомъ акведуктѣ, не объяснивъ откуда онъ его взялъ. Кн. Васильчиковъ съ обычной быстротой и сообразилъ, что и оно взято изъ Плинія и предпочелъ сослаться на Плинія, чѣмъ на какой-то акведуктъ. А извѣстіе это заимствовано изъ римской надписи, открытой близъ Витербо въ 1824 году.

Мы обращаемъ по двумъ причинамъ вниманіе читателей на подобныя ошибки въ историческомъ изложеніи кн. Васильчикова. Для нѣкоторой части нашей читающей публики и даже для нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ рецензентовъ кн. Васильчиковъ не только благонамѣренный писатель, но и просто авторитетъ въ исторической наукѣ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ очень уважаемыхъ у насъ спеціалистовъ, искренно увѣровавшій въ ученость кн. Васильчикова и не могущій надивиться ей, хвалитъ его въ своей рецензіи за ту „массу фактическаго матеріала въ историческомъ и статистическомъ отношеніи“, который имъ собранъ и который „могъ быть доступенъ“ только ему. Въ другомъ мѣстѣ рецензентъ восклицаетъ: „цѣлымъ рядомъ трудныхъ и вполнѣ добросовѣстныхъ изслѣдованій однимъ вамъ, князь, быть можетъ, доступнымъ“ и т. д.,—не подозрѣвая, сколько соли заключается въ этой похвалѣ. Дѣйствительно факты, собранные кн. Васильчиковымъ, таковы, что нужно желать, чтобъ только ему одному такая ученость была доступна.

Другой мотивъ, заставляющій насъ доказывать совершен-

---

*) Отечественныя Записки. 1877 г. Сент. Совр. Обозр. стр. 1 и 28.

ное незнакомство кн. Васильчикова съ фактическимъ матеріаломъ исторіи, заключается въ выводахъ автора, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло. Мы считаемъ нужнымъ наглядно убѣдить читателей въ томъ, что авторъ, который такъ мало свѣдущъ въ историческомъ матеріалѣ, и даже неспособенъ вѣрно и отчетливо заимствовать факты изъ вторыхъ рукъ, просто не въ состояніи дѣлать выводовъ, которые могли бы имѣть какое-нибудь серіёзное, научное значеніе.

Между тѣмъ и изъ краткой аграрной исторіи древняго міра нашъ ученый спеціалистъ дѣлаетъ нѣсколько глубокомысленныхъ выводовъ, которыми ослѣпляетъ читателей. Въ самомъ началѣ отдѣла, посвященнаго древней исторіи, кн. Васильчиковъ возвѣщаетъ открытый имъ историческій законъ. „Съ того времени, какъ гражданскія общества водворились въ Европѣ, соціально-аграрный строй имѣлъ у всѣхъ народовъ этой части свѣта почти одинаковыя основанія: гражданское устроеніе начиналось съ единодержавія и съ владѣнія всей землей сообща отъ имени государя или казны (sic!); затѣмъ переходило къ многодержавію и высшіе классы забирали большую часть земель, а иногда, какъ въ Англіи, и всю территорію; тогда выступали въ свою очередь и низшія сословія съ своими притязаніями на свободу и равенство, разумѣя подъ этими словами не политическія права, а имущественныя“. Если можно назвать закономъ такое положеніе, которое находится въ прямомъ противорѣчіи со всѣми фактами, то мы согласны признать формулированный кн. Васильчиковымъ не слыханный исторический законъ. Но дѣло въ томъ, что ни у одного европейскаго народа „гражданское устроеніе“ не началось „съ единодержавія и съ владѣнія всей землей сообща отъ имени государя или казны“. Въ пользу своей формулы кн. Васильчиковъ могъ бы, повидимому, сослаться на два примѣра: Римъ и Англію. Римскіе историки, слѣдуя національной легендѣ о Ромулѣ, дѣйствительно признавали этого сына Марса основателемъ города и монархомъ, установившимъ сенатъ и народное собраніе и надѣлившимъ гражданъ землею; но помимо легендарнаго характера этого извѣстія даже къ нему

нельзя примѣнять понятія „владѣнія всей землей сообща отъ имени государя или казны“; ибо съ точки зрѣнія римскихъ историковъ уже въ самомъ началѣ аграрной исторіи Рима тамъ существуетъ частная собственность; остальной же или общественной землей распоряжался одинъ царь; а въ историческую эпоху владѣтелемъ общественной земли былъ римскій народъ; но такъ какъ большая часть земель состояла въ частномъ владѣніи, то и тутъ не можетъ быть рѣчи о владѣніи „всею землей сообща отъ имени государя или казны“. Что же касается до Англіи, то ея исторія не начинается съ единодержавія: только въ XI вѣкѣ вслѣдствіе ея завоеванія Норманнами, Вильгельмъ Завоеватель, по феодальному праву, сдѣлался верховнымъ владѣтелемъ земли, которую онъ роздалъ въ ленъ своимъ вассаламъ; но никогда эти вассалы не признавали себя владѣльцами всей Англіи „сообща отъ имени государя или казны“. Гдѣ же тѣ факты, изъ которыхъ кн. Васильчиковъ вывелъ свой законъ? и не странно ли, что этотъ авторъ, который не знаетъ въ фактахъ европейской исторіи никакого вліянія политическихъ и экономическихъ законовъ, самъ такъ любитъ сочинять законы, которые не основаны ни на какихъ фактахъ!

Не менѣе поучителенъ для читателей и характеристиченъ для кн. Васильчикова другой выводъ, который онъ извлекъ изъ древней исторіи. „Вникая, говоритъ онъ, въ эту исторію древняго міра, надо, кажется, признать, что форма правленія имѣла очень мало вліянія на ходъ цивилизаціи и благоустройства этихъ обществъ; они ихъ испробовали всѣ безъ исключенія (вотъ какъ!) и ни одна, съ одной стороны, не воспрепятствовала быстрому, неукротимому развитію культуры, а съ другой стороны не прекратила такого же быстраго обѣднѣнія народа, экономическаго разстройства и нравственнаго развращенія“ (стр. 794). Репертуаръ формъ правленія, находящійся въ распоряженіи автора „Самоуправленія“, очевидно очень не великъ и его понятія о нихъ очень не точны, если онъ полагаетъ, что „всѣ безъ исключенія были испробованы“ въ древнемъ мірѣ. Было бы излишнимъ

входить въ подробности по такому обще-извѣстному вопросу, тѣмъ болѣе, что кн. Васильчикову не до фактовъ; его равнодушіе къ нимъ вытекаетъ въ данномъ случаѣ изъ того самаго пренебреженія *къ формамъ правленія*, которымъ отличаются всѣ писатели соціалистическаго направленія, хотя кн. Васильчиковъ, вѣроятно, этого и не сознаетъ. Но какъ бы то ни было, его выводъ и въ данномъ случаѣ не вѣренъ. Дѣло, напр., не въ томъ, что древній міръ испробовалъ демократію и что она его не спасла, а въ томъ, что этотъ міръ не зналъ настоящей демократіи, т.-е., что древняя демократія не уважала ни принципа равенства, ни свободы. Она была также исключительна и эгоистична, какъ и любая аристократія; она ничего не сдѣлала для рабовъ и всегда противилась распространенію политическихъ правъ на метѣковъ и гражданъ подчиненныхъ или федеративныхъ общинъ. Кромѣ того, она въ эпоху своего извращенія смотрѣла на власть, какъ на *орудіе корысти*, и на государство, какъ на латифундію городской черни. Кн. Васильчикову слѣдовало бы призадуматься надъ этимъ.

Читатели не могли не обратить вниманія на странное выраженіе кн. Васильчикова въ только что приведенномъ отрывкѣ — „ни одна изъ формъ правленія не воспрепятствовала быстрому, *неукротимому* развитію культуры“, точно культура — какая-то бушующая сила, которую слѣдуетъ укрощать. Это слово *культура* является у кн. Васильчикова вообще источникомъ многихъ недоразумѣній. Онъ приводитъ Римъ въ примѣръ того, что „наивысшая культура страны и доходность помѣстій совпадали съ разореніемъ сельскихъ обывателей и земледѣльцевъ (стр. 792)“. Въ другомъ мѣстѣ кн. Васильчиковъ пользуется древнимъ міромъ для того, чтобы доказать, что въ исторіи нерѣдко „высшая культура совпадаетъ съ крайнимъ истощеніемъ страны и народа въ ней обитающаго“ (стр. 787). При этомъ дѣло не обходится безъ смѣшныхъ промаховъ. Такъ, напр., на стр. 792 кн. Васильчиковъ называетъ Сицилію „временъ Верреса и Цицерона плодороднѣйшей и самой цвѣтущей изъ всѣхъ областей Рима“, но уже на слѣдующей страницѣ представляетъ

положеніе Сициліи въ совершенно противоположномъ видѣ: „римское общество быстро возвышалось до кульминаціоннаго пункта своего величія и своей цивилизаціи, а коренныя области римской имперіи пустѣли, заглушались и дичали: Сицилія, Римская Кампанія, Греція, Малая Азія, все Средиземное поморье въ великій вѣкъ Августа находились въ томъ же безплодномъ положеніи, въ коемъ онѣ нынѣ обрѣтаются послѣ восемнадцативѣковаго отдыха“. Какъ же это такъ? Въ эпоху Цицерона Сицилія отличается наивысшей культурой и доходностью имѣній, а въ вѣкъ Августа, политическая дѣятельность котораго началась еще при жизни Цицерона, та же Сицилія находится въ *безплодномъ* положеніи!..

Это противорѣчіе, въ которое впалъ кн. Васильчиковъ не случайное, а находится въ связи съ тѣмъ qui pro quo, которое продѣлываетъ нашъ авторъ съ понятіемъ о наивысшей культурѣ, приписывая ей въ связи съ крупной собственностью то разореніе крестьянъ-собственниковъ, то истощеніе страны и народа. На такомъ qui pro quo зиждется то основное положеніе, которое кн. Васильчиковъ имѣлъ въ виду вывести изъ исторіи древняго міра. Онъ потому только и обратился къ его исторіи, чтобы на его судьбѣ показать то, что ожидаетъ Европу. „Мы хотимъ, говоритъ онъ (стр. 789), прослѣдить этотъ процессъ въ древнихъ гражданствахъ, потому что въ нихъ онъ представляется полнѣе, во всѣхъ своихъ фазахъ, съ начала до конца, т.-е. до паденія греческихъ республикъ и римской имперіи, между тѣмъ какъ въ исторіи новѣйшихъ обществъ мы видимъ тотъ же ходъ цивилизаціи, но не видимъ еще исхода и доживаемъ только до того момента преобладанія крупной собственности и плутократіи, съ коего началось паденіе Греціи и Рима“.

И такъ, по мнѣнію кн. Васильчикова европейской цивилизаціи грозитъ, во первыхъ, опасность отъ крупной поземельной собственности въ виду того, что отъ латифундій погибъ древній міръ. Но приписывать паденіе римской имперіи и античной цивилизаціи латифундіямъ, это такое же

одностороннее объясненіе, какъ и другая, недавно высказанная, догадка, что древній міръ палъ потому, что не зналъ индуктивнаго метода, ибо если бы Римляне усвоили себѣ этотъ методъ, они, можетъ быть, изобрѣли бы порохъ и ружье и перестрѣляли всѣхъ вторгавшихся къ нимъ варваровъ. Но уже не говоря о томъ, что не одними латифундіями можно объяснять такія великія міровыя событія, какъ судьба гелленизма и распаденіе фискальнаго милитаризма римскихъ императоровъ,—и въ самой древности латифундіи имѣли чрезвычайно различные результаты. Въ южной Италіи, гдѣ на латифундіяхъ земледѣліе было замѣнено скотоводствомъ, онѣ имѣли послѣдствіемъ обезсиленіе этой области, тамъ же, гдѣ онѣ продолжали быть воздѣлываемы толпами рабовъ или колоновъ — онѣ вовсе не обусловливали собою разоренія страны. Сицилія, Сѣверная Африка и Египетъ продолжали быть житницами Римской имперіи, несмотря на свои латифундіи, и Сицилія еще во время папы Григорія Великаго, т.-е. послѣ паденія Римской имперіи, отличалась передъ другими областями своими крупными помѣстьями и доходностью своихъ земель. Тѣмъ менѣе права имѣетъ кн. Васильчиковъ предсказывать гибель европейской цивилизаціи отъ латифундій и заявлять, что мы доживаемъ до того момента, съ котораго началось паденіе Греціи и Рима. Все это совершенно неосновательно, потому что крупная поземельная собственность вовсе не преобладаетъ въ Европѣ вообще; далѣе, потому что крупная собственность въ Европѣ не связана съ рабствомъ и, наконецъ, потому что латифундіи обезсиливаютъ страну тамъ, гдѣ онѣ не только перестаютъ быть предметомъ земледѣльческой обработки, но и сопровождаются обезлюденіемъ страны и оскудѣніемъ ея производительности вообще. Въ противномъ же случаѣ, какъ увѣряетъ насъ самъ кн. Васильчиковъ (стр. 787), крупныя имѣнія „по интенсивной силѣ культуры, по усовершенствованіямъ и раціональному веденію хозяйства заслуживаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предпочтеніе передъ мелкими, гдѣ земледѣліе весьма часто принимаетъ характеръ хищничества и безпощадной эксплуатаціи.“

Затѣмъ „аристократизація“ земли, какъ выражается кн. Васильчиковъ, существуетъ только въ Англіи, а эта страна не только обязана крупному землевладѣнію многими изъ лучшихъ плодовъ своей политической организаціи и своей культуры, но и представляетъ замѣчательную противоположность древней Италіи въ томъ отношеніи, что здѣсь латифундіи не имѣли своимъ послѣдствіемъ обезлюденіе государства, ибо, напротивъ, населеніе Англіи увеличивается быстрѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, такъ что оно можетъ увеличиться вдвое въ теченіи 63 лѣтъ, тогда какъ населеніе Франціи, гдѣ преобладаетъ среднее и мелкое землевладѣніе,—удвоится въ 334 года. Въ виду всего этого мы желаемъ кн. Васильчикову дожить до того момента, когда ему придется быть свидѣтелемъ не только начинающагося, но и окончательнаго паденія европейскихъ обществъ отъ крупной поземельной собственности.

Что же касается до плутократіи, которую кн. Васильчиковъ также ввелъ въ приведенное выше пророчество, то она не имѣетъ ничего общаго съ крупнымъ землевладѣніемъ, ибо можетъ образоваться при всякой формѣ поземельной собственности. Тутъ мы опять встрѣчаемъ ту шаткость понятій, которая составляетъ органическій недостатокъ кн. Васильчикова, когда онъ предается научнымъ разсужденіямъ. Если кн. Васильчиковъ отстаиваетъ общинное землевладѣніе потому, что оно мѣшаетъ образованію крупной поземельной собственности, то понятно, что онъ съ этой точки зрѣнія старается убѣдить читателя, будто древній міръ палъ вслѣдствіе латифундій и Западная Европа также падетъ отъ той же причины. Но если онъ приплетаетъ сюда плутократію и между прочимъ утверждаетъ, что Греція и Римъ погибли отъ того, „что распались на два элемента, богатыхъ людей и бѣдныхъ“ и что демократія не умѣла „организовать собственность“! то это совсѣмъ уже другой вопросъ. Во всякомъ промышленномъ государствѣ, находится ли его земля въ общинномъ или въ свободномъ владѣніи гражданъ, образуются капиталы и существуетъ различіе между богатыми и бѣдными, а если это государство

состоитъ, какъ въ Греціи, изъ одного города, то контрастъ этотъ становится еще болѣе ощутителенъ. Чтобы устранить это зло, недостаточно хвалить общинное землевладѣніе, а нужно предложить болѣе радикальное средство. Но кн. Васильчиковъ на это не рѣшается и довольствуется декламаціей противъ богачей и плутократіи и пророчествомъ, что Западная Европа, а съ нею и западная цивилизація, находятся на краю гибели.

Логики во всемъ этомъ очень мало, но кн. Васильчиковъ и не обязанъ своимъ успѣхомъ логикѣ, а, наоборотъ, тому, что безъ всякой логики и послѣдовательности вторитъ разнымъ смутнымъ гуманитарнымъ инстинктамъ современнаго общества. Исторія классическаго міра представляется, какъ мы видѣли, въ глазахъ кн. Васильчикова зеркаломъ, въ которомъ отражается судьба Западной Европы и, какъ нерѣдко случается съ лицами, сильно возбужденными и страстно желающими увидать въ зеркалѣ предметъ своихъ мечтаній, такъ и кн. Васильчиковъ узрѣлъ въ своемъ историческомъ зеркалѣ тотъ самый *призракъ*, за которымъ онъ гонится въ обзорѣ исторіи европейскихъ государствъ. Переходя теперь къ этому обзору и намѣреваясь подъ руководствомъ кн. Васильчикова разсмотрѣть исторію аграрнаго быта Западной Европы, мы не можемъ остановиться на исторіи землевладѣнія во Франціи потому, что и нашъ авторъ не счелъ нужнымъ насъ съ нею познакомить, хотя въ числѣ своихъ источниковъ упомянулъ объ „Исторіи сельскихъ классовъ„ *Доніоля*. Почему изъ всѣхъ подобныхъ сочиненій на французскомъ языкѣ приведено только это, мы не можемъ рѣшить. На исторіи англійскаго землевладѣнія мы также можемъ останавливаться не долго, во первыхъ потому, что кн. Васильчиковъ самъ посвящаетъ этому вопросу не болѣе десяти страницъ, а еще потому, что этотъ вопросъ изложенъ у него такъ небрежно, что не можетъ быть предметомъ обстоятельнаго разбора.

Кн. Васильчиковъ не выяснилъ себѣ даже значенія техническихъ терминовъ, которыми обозначались въ средніе вѣка различные классы крестьянъ. Такъ, напр. *bordarii* и *coltarii* на стр. 98 названы „водворенными на земляхъ, но на

помѣщичьихъ, тяглыми и полутяглыми крестьянами“ и число ихъ опредѣляется въ XI в. въ 107,000. На стр. 101 эти же 107,000 крестьянъ названы хлѣбопашцами вольными и крѣпостными. На стр. 152 и cottarii и bordarii также въ XI вѣкѣ представляются „бобылями, огородниками, однодворцами, надѣленными дворами безъ другихъ угодій и проживавшими большею частью пользованіемъ общинныхъ земель, пастьбой скота на мірскихъ выгонахъ и добычей топлива изъ общихъ лѣсныхъ дачъ“.

Другой разрядъ крестьянъ—villani—одинъ разъ (98) названъ „обязанными поселянами“, въ другомъ мѣстѣ (101) „мелкими владѣльцами“, которые противополагаются „земледѣльцамъ“, въ третьемъ „черными людьми“ и на той же страницѣ подъ именемъ rillanis сопоставлены въ одну категорію съ бордаріями, котаріями и рабами, (servi) и вся эта совокупность разныхъ наименованій переведена русскими терминами — полные хозяева и однодворцы, бобыли, крѣпостные и обязанные, такъ что нельзя разобраться въ этомъ хаосѣ и понять, что къ чему относится. Наконецъ, на стр. 152 о тѣхъ же виланахъ, названныхъ прежде мелкими владѣльцами“, говорится, что они *держали земли*.

Такою же сбивчивостью отличается все, что касается политическихъ учрежденій Англіи. Кн. Васильчиковъ, который называетъ Великую Хартію „первымъ актомъ государственнаго устроенія“—на стр. 99, напр., отрицаетъ существованіе патримоніальнаго суда въ Англіи, говоря, что „англійскіе лорды никогда не усвоили себѣ притязаній другихъ вотчинниковъ другихъ странъ на патримоніальные суды и расправу;“—а черезъ 6 страницъ онъ разсказываетъ, что въ XIV вѣкѣ отношенія „крестьянъ къ землевладѣльцамъ были изъяты изъ патримоніальнаго само-суда вотчинниковъ, лордовъ“. При этомъ полномъ незнакомствѣ нашего автора съ исторіей отдѣльныхъ классовъ и учрежденій, неудивительно, что и общее развитіе аграрнаго быта въ Англіи ему представляется совершенно различно въ разныхъ мѣстахъ его разсужденій. На страницѣ 99 „мрачная и печальная сторона англійскаго землевладѣнія—постепенное присвоеніе себѣ

высшими сословіями всѣхъ имущественныхъ правъ, всего народнаго богатства, всей территоріи государства", сводится къ слѣдующему: „послѣдовательное обращеніе прежнихъ землевладѣльцевъ изъ вольныхъ и полныхъ собственниковъ freeholders, въ обязанныхъ поселянъ, copyholders, изъ обязанныхъ поселянъ въ арендаторовъ, farmers, изъ фермеровъ въ вольныхъ хлѣбопашцевъ, labourers, и наконецъ, изъ хлѣбопашцевъ „въ поденьщиковъ, чернорабочихъ и пролетаріевъ". „Эти *постепенные переходы*, прибавляетъ кн. Васильчиковъ, окончились совершеннымъ обезземеленіемъ всѣхъ крестьянъ". Читатель, довѣряющій кн. Васильчикову, долженъ изъ этого заключить—первое: что теперешніе обезземеленные крестьяне всѣ нѣкогда были вольными и полными собственниками—freeholders; второе — что изъ фригольдеровъ образовался классъ копигольдеровъ, обязанныхъ поселянъ и т. д. до превращенія фригольдеровъ въ пролетаріевъ. Но такой читатель будетъ пораженъ, когда узнаетъ не болѣе, какъ черезъ 2 страницы, что разрядъ фригольдеровъ „составилъ впослѣдствіи подъ именемъ gentry, (мелкопомѣстнаго дворянства), вторую (послѣ аристократіи—nobility) степень помѣстнаго сословія, имѣвшую своимъ органомъ палату общинъ". Однако, изумленіе читателя возрастетъ еще болѣе, когда онъ дойдетъ до 152 стр. и прочтетъ тамъ слѣдующій выводъ, дѣлаемый кн. Васильчиковымъ: „Такимъ образомъ, пользуясь по закону всѣми политическими и гражданскими правами и по обычаю наслѣдственнымъ пользованіемъ землей,—эти три разряда сельскихъ обывателей, вольные владѣльцы (freeholders), обязанные поселяне (copyholders) и бобыли (cottiers) постепенно сливались въ одно сословіе вольныхъ и полноправныхъ гражданъ".

Мы не считаемъ себя въ правѣ еще глубже вводить нашихъ читателей въ безвыходный лабиринтъ, который представляютъ разсужденія кн. Васильчикова о судьбѣ сельскихъ классовъ Англіи, а обратимся къ другой сторонѣ вопроса,—переходу поземельной собственности въ руки аристократіи. Этотъ фактъ, столь рѣзко оттѣняющій исторію и бытъ Англіи сравнительно съ другими европейскими государствами,

представляетъ для изслѣдователя чрезвычайно удобный случай выяснить тѣсную связь между аграрнымъ бытомъ и политическимъ устройствомъ страны и указать на громадное вліяніе, какое имѣли и имѣютъ различныя экономическія явленія на распредѣленіе поземельной собственности. Но изъ изслѣдованія кн. Васильчикова читатель ничему не можетъ научиться; ему исторія поземельной собственности въ Англіи представляется хитрой интригой, которую искусно проводила въ жизнь въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ по сознательному плану англійская аристократія. То исчезновеніе мелкой собственности, которая еще играла такую роль въ концѣ XVII в., и судьба которой совершенно непонятна безъ обстоятельнаго изученія экономическаго быта Англіи,—является у кн. Васильчикова слѣдствіемъ дальновидной предусмотрительности со стороны бароновъ временъ Плантагенетской династіи.

Можно ли болѣе дѣтскимъ образомъ понимать или излагать исторію и простительно ли трактовать объ экономическихъ явленіяхъ, не вникая вовсе въ тѣ экономическіе факты и законы, которые имѣли на нихъ вліяніе? Только памфлетисту позволительно по поводу вопроса о замѣнѣ обработки земли обязанными крестьянами или мелкими собственниками—фермерствомъ, и о постепенномъ вытѣсненіи земледѣлія скотоводствомъ—декламировать противъ произвола и забыть о томъ экономическомъ законѣ, который тяготѣлъ надъ Англіей съ среднихъ вѣковъ и ставилъ ея земледѣліе въ зависимость отъ торговли, заставлялъ ея землевладѣльцевъ еще въ средніе вѣка сообразоваться въ своемъ хозяйствѣ, напр., съ цѣною шерсти на бельгійскомъ рынкѣ.

Но для кн. Васильчикова пропали даромъ уроки политической экономіи; онъ, повидимому, читалъ Рошера не для того, чтобы понять его, а чтобы вылавливать изъ него отрывочные факты, подходящіе къ фантастической мозаикѣ, которою кн. Васильчиковъ подарилъ русскую науку. Даже Максъ Виртъ, которому онъ не могъ не сочувствовать за его отношеніе къ вопросу о поземельной собственности въ Англіи, не былъ въ состояніи научить его чему-нибудь; кн. Васильчиковъ

пропускаетъ безъ вниманія такія заявленія этого экономиста, которыя несовмѣстны съ излюбленными имъ тенденціями какъ, напр., нижеслѣдующее мнѣніе, хотя оно высказано въ статьѣ, процитованной кн. Васильчиковымъ. Говоря объ агитаціи земледѣльческихъ рабочихъ въ Англіи въ 1874 году, Виртъ замѣчаетъ: агенты уніи всадили земледѣльческимъ рабочимъ въ голову идеи, которыя имѣли гораздо меньшій смыслъ (eine weit geringere Berechtigung), а именно: раздробленіе фермъ и распредѣленіе участковъ (Parzellen) между рабочими, хотя такое дѣло въ настоящее время именно въ Англіи немыслимо съ хозяйственной точки зрѣнія (wirthschaftlich unmöglich ist), такъ какъ съ 1846 года по причинѣ конкуренціи иностраннаго хлѣба мелкіе, воздѣлываемые безъ машинъ, участки (Grundstücke) *не даютъ дохода* (nicht mehr rentiren *).

Мы, впрочемъ готовы, осуждая хаотическую, лишенную всякой перспективы картину, которую представляетъ сочиненіе кн. Васильчикова по вопросу объ исторіи землевладѣнія въ Англіи, — признать, какъ обстоятельство, смягчающее его вину, то, что этотъ вопросъ по своей трудности и свойству источниковъ превышалъ научныя силы нашего изслѣдователя и недостаточно имъ изученъ. Но совершенно иного отношенія къ дѣлу могли бы мы ожидать со стороны кн. Васильчикова въ исторіи землевладѣнія въ Германіи. Этотъ предметъ обработанъ имъ гораздо подробнѣе и для этого дѣйствительно прочитано нѣсколько сочиненій. Кн. Васильчиковъ самъ поясняетъ намъ причины, почему „аграрный строй Германіи представляетъ во многихъ отношеніяхъ особый интересъ и заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ внимательнаго изученія“; онъ „во-первыхъ, служитъ типомъ земельной организаціи во всей серединной Европѣ; во-вторыхъ, предметъ этотъ нигдѣ не былъ изслѣдованъ, исторически изложенъ съ такою подробностью, съ такою глубокою и даже мелочною ученостью, какъ въ Германіи; въ-третьихъ, и это соображеніе, говоритъ кн. Ва-

*) Allgem. Zeit. 1874. № 248.

сильчиковъ, для насъ особенно важно, *германскій аграрный строй имѣетъ для русскихъ изслѣдователей особенный интересъ* въ томъ отношеніи, что вліяніе германской культуры до извѣстной степени проникло и въ окрайны русскихъ земель и способствовало къ разобщенію ихъ и къ отторженію западныхъ областей отъ коренной Россіи".

Уже въ послѣднихъ словахъ ясно обнаруживается тенденція, руководившая кн. Васильчиковымъ при его изслѣдованіи аграрнаго быта Германіи. Она заключается въ томъ, чтобы представить этотъ бытъ противоположностью не только тѣмъ порядкамъ землевладѣнія, которые сложились въ Великороссіи, но всему аграрному быту Славянъ вообще. Эту противоположность кн. Васильчиковъ видитъ въ томъ, что въ основѣ славянскаго землевладѣнія былъ положенъ мирный надѣлъ всѣхъ по ихъ рабочей силѣ, тогда какъ германскій аграрный бытъ былъ построенъ на захватѣ и экспропріаціи. Для большей убѣдительности кн. Васильчиковъ возводитъ эту противоположность къ самому первому, какъ онъ думаетъ, появленію германскихъ племенъ въ исторіи,— а именно къ нашествію варваровъ. „Основаніе аграрнаго и соціальнаго быта Германіи было заложено нашествіемъ варваровъ", говоритъ онъ на стр. 179 и далѣе поясняетъ это такъ: если „русская территорія никогда не подвергалась завоеванію и покорялась только временно татарамъ, литовцамъ въ политическомъ отношеніи, при чемъ землевладѣніе никогда не выходило изъ рукъ туземнаго первобытнаго населенія", то въ Германіи „дѣло представлялось совершенно въ обратномъ видѣ; — новые пришельцы варвары подѣлили между собою забранные края, разверстали вновь земли и основали новыя общественныя отношенія, не обращая вниманія на прежнія права и прежніе обычаи или законы". Обогащая науку этимъ новымъ положеніемъ, кн. Васильчиковъ сдѣлалъ два промаха: онъ, во-первыхъ, смѣшалъ *переселеніе народовъ*, обще-извѣстный фактъ, совершавшійся между третьимъ и шестымъ вѣками послѣ Р. Х. (по крайней мѣрѣ для германскихъ племенъ) съ первоначальнымъ приходомъ Германцевъ въ Европу и поселеніемъ ихъ въ Гер-

маніи, т.-е. съ такимъ событіемъ, которое только кн. Васильчиковъ въ состояніи опредѣлить хронологически; всѣ прочіе же историки относятъ ко временамъ, незасвидѣтельствованнымъ исторіей. Въ представленіи кн. Васильчикова Германцы, разрушившіе Римскую имперію, явились непосредственно изъ Азіи подобно ордамъ Батыя и Тамерлана. „Они", говоритъ нашъ князь, „выходили изъ средней Азіи, изъ выморочной страны сыпучихъ песковъ и солончаковъ и, доходя до привольныхъ береговъ Дуная, Эльбы, Рейна, разумѣется, плѣнялись плодородными нивами, тучными пастбищами этого благословеннаго края. (!!.) Во главѣ ихъ были тоже предводители и князья..... но за ними шли цѣлыя толпы ополченцевъ, мелкихъ людей, рядовыхъ воиновъ. Остготовъ считалось при вторженіи ихъ въ Италію до 200,000 вооруженныхъ людей" и т. д.

Второй промахъ кн. Васильчикова заключается въ томъ, что онъ смѣшалъ водвореніе различныхъ германскихъ племенъ въ Германіи съ способомъ поселенія тѣхъ германскихъ племенъ, которыя, вышедши изъ Германіи, вторгались въ Римскую имперію и покоряли одну изъ ея провинцій. Вслѣдствіе этого кн. Васильчиковъ въ главѣ, гдѣ онъ хочетъ объяснить аграрный строй *Германіи*, послужившій, по его выраженію, *типомъ земельной организаціи во всей средиземной Европѣ*,—основывается на фактахъ, относящихся къ завоеванію Германцами провинцій Римской имперіи, къ исторіи Франціи, Италіи и Испаніи; говоритъ о надѣлахъ Франковъ, Бургундовъ, Лонгобардовъ и Вестготовъ; при чемъ и здѣсь оказалось, что кн. Васильчиковъ не только не согласенъ съ современной наукой, но и несогласенъ съ самимъ собой. Такъ на стр. 181-й онъ говоритъ, что Франки были умѣреннѣе другихъ варваровъ и только забирали удѣльныя имущества римскихъ императоровъ, помѣстья чиновниковъ и солдатъ римской арміи, а на стр. 237-й онъ заявляетъ, что Франки, подобно Бургундамъ, отобрали въ Галліи двѣ трети земель у римскихъ владѣльцевъ.

Кн. Васильчиковъ очевидно не знаетъ, что германскія племена жили въ Германіи искони, съ тѣхъ поръ какъ они,

подобно Славянамъ, пришли изъ общей родины индо-европейскихъ народовъ. Пришли ли они изъ страны сыпучихъ песковъ и солончаковъ, этого мы не знаемъ и завидуемъ въ этомъ случаѣ учености кн. Васильчикова; за то мы можемъ сообщить ему, что только западныя и южныя окрайны Германіи были завоеваны Римлянами; но и эти области были вскорѣ снова заняты Германцами, и не на подобіе римскихъ провинцій съ опредѣленнымъ поземельнымъ надѣломъ, а сплошмя, такъ что здѣсь водворились тѣ же формы землевладѣнія и тѣ же поземельныя отношенія, какія существовали въ собственной Германіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей преимущественно въ южной Баваріи, гдѣ сохранились остатки римскихъ провинціаловъ.

Не давая себѣ отчета о томъ, въ какой мѣрѣ примѣнимо къ Германіи то, что намъ извѣстно объ отношеніяхъ завоевателей къ покореннымъ въ римскихъ провинціяхъ, въ Италіи, Галліи и Испаніи, кн. Васильчиковъ совершенно не вѣрно представляетъ землевладѣніе въ древней Германіи и выводитъ, по своему обычаю, изъ спутанныхъ имъ фактовъ историческіе законы въ назиданіе современникамъ. „Такимъ образомъ, восклицаетъ онъ, римская цивилизація пожинала плоды сѣмянъ, ею же посѣянныхъ и *по закону возмездія* разрушалась такимъ же порядкомъ, какимъ и была основана: такъ какъ въ завоеванныхъ областяхъ всѣ собственники были cives Romani, всѣ прежніе жители имъ подвластны и покорны, то Германцы въ свою очередь нападали только на первыхъ, римскихъ гражданъ, богатыхъ патриціевъ, умерщвляли ихъ и казнили, забирали ихъ мѣстья и въ тоже время оставляли на мѣстахъ мелкихъ плебеевъ, продолжая пользоваться ихъ повинностями и оброчною платою, какъ пользовались ими и римскіе землевладѣльцы“ (стр. 162).

И такъ, кн. Васильчиковъ объясняетъ разрушеніе римской цивилизаціи (?) и избіеніе римскихъ патриціевъ варварами — *закономъ возмездія!* Если бы мы встрѣтили такой способъ объясненія въ историческомъ разсужденіи Боссюета, или въ какихъ-нибудь современныхъ клерикальныхъ писа-

ніяхъ объ исторіи, мы бы не удивились, но переносить историческій законъ возмездія изъ области религіозной на почву исторіи аграрныхъ отношеній и землевладѣнія,—это болѣе чѣмъ неумѣстно.

Однако, не однимъ только неумѣстнымъ примѣненіемъ мнимаго историческаго закона поражаетъ приведенная тирада кн. Васильчикова; она обнаруживаетъ такое незнакомство съ учебниками исторіи, что одной такой фразы было бы достаточно, чтобы отрицать за кн. Васильчиковымъ право писать объ исторіи землевладѣнія, а у насъ его еще считаютъ необыкновеннымъ ученымъ, обладающимъ познаніями, *одному ему доступными*! Неужели кн. Васильчиковъ никогда не слыхалъ объ эдиктѣ императора Каракаллы, по которому право римскаго гражданства было распространено на всѣхъ римскихъ провинціаловъ, и не знаетъ, что по этому нельзя утверждать, будто „въ завоеванныхъ областяхъ всѣ собственники были cives Romani, а всѣ прежніе жители имъ подвластны и покорны?“ Печатая такія заявленія, кн. Васильчиковъ относится къ своимъ соотечественникамъ такъ безцеремонно, какъ будто онъ считаетъ ихъ за варваровъ, только что прибывшихъ съ сыпучихъ песковъ и солончаковъ Средней Азіи. Вѣдь въ вышеприведенной фразѣ обнаруживается не только плохое знаніе исторіи, но и крайняя небрежность къ своимъ собственнымъ мыслямъ и словамъ. Говоря, что всѣ собственники были cives Romani, что римскими гражданами были только богатые патриціи, кн. Васильчиковъ противополагаетъ имъ „мелкихъ плебеевъ“, повинностями которыхъ пользовались римскіе землевладѣльцы. Да развѣ плебеи не были римскими гражданами? Далѣе, если бы водвореніе Германцевъ въ областяхъ, принадлежавшихъ Римлянамъ, дѣйствительно происходило такъ, какъ говоритъ кн. Васильчиковъ, т.-е. если бы завоеватели нападали „только на богатыхъ патриціевъ, умерщвляли ихъ и забирали ихъ помѣстья, а мелкихъ плебеевъ оставляли на мѣстахъ, продолжая пользоваться ихъ повинностями“,—то развѣ такой результатъ не противорѣчилъ бы главному положенію кн. Васильчикова, что въ на-

шествіи варваровъ и завоеваніи земли нужно искать основу аграрнаго и соціальнаго строя Германіи? Вѣдь согласно съ разсказомъ кн. Васильчикова ничего не измѣнилось, только римскіе патриціи замѣнились германскими патриціями и никакой экспропріаціи не произошло, ибо кн. Васильчиковъ подъ экспропріаціей разумѣетъ только захватъ мелкой поземельной или крестьянской собственности, отнятіе же крупной или помѣстной возводитъ подъ законъ возмездія. Но допустимъ, что вездѣ, гдѣ водворялись Германцы въ областяхъ, прежде занятыхъ Римлянами, тамъ основаніемъ новыхъ поземельныхъ и общественныхъ отношеній были завоеваніе и экспропріація,—слѣдуетъ-ли изъ этого, что тоже самое случилось на родинѣ Германцевъ, въ областяхъ, гдѣ не было римскаго владычества? Всякій другой писатель воздержался бы отъ такого предположенія, если бы у него не было на это ясныхъ указаній. Но кн. Васильчиковъ становится тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ менѣе у него фактовъ подъ рукою. „Но въ сѣверной Германіи, восклицаетъ онъ, между Рейномъ и Эльбой, произошла, можно сказать, всенародная и поголовная экспропріація“ (стр. 182). Исторіи объ этомъ ничего не извѣстно; она знаетъ, напротивъ, что тѣ племена, которыя по свидѣтельству Тацита жили между Рейномъ и Эльбой, продолжали тамъ жить и отчасти сохранили до нашего времени свою землю и свое имя, какъ, напр., Фризы, отчасти утратили свои мѣстныя имена и слились въ одномъ болѣе обширномъ племенномъ названіи Франковъ и Саксовъ. Что касается до послѣднихъ, то ихъ имя еще неизвѣстно Тациту; но вскорѣ послѣ него оно упоминается Птоломеемъ, по свидѣтельству котораго Саксы жили на сѣверѣ отъ Эльбы. Когда они перешли на лѣвый берегъ Эльбы, какимъ образомъ устроились ихъ отношенія къ уже жившимъ здѣсь племенамъ и когда имя Саксовъ распространилось на всѣ эти племена, напр., на Кауховъ—это совершенно неизвѣстно; мы знаемъ только, что когда въ VIII в. вслѣдствіе завоеваній Карла Великаго и распространенія христіанства на берегахъ Эльбы, эта область становится лучше извѣстною, страна Саксовъ обнимаетъ кромѣ Нордалбингіи,

все пространство между Эльбой и Везеромъ и тянется на юго-западъ и югъ до границъ Франковъ близь Рейна и до Гессовъ, а на юго-востокъ до страны Тюрингенцевъ.

Кн. Васильчиковъ, уклоняясь отъ достовѣрной почвы исторіи, очевидно построилъ свой тезисъ „о всенародной и поголовной экспропріаціи между Рейномъ и Эльбой“, на легендѣ о 20,000 Саксахъ, къ которой онъ такъ неосторожно присочинилъ неудачный конецъ. Вернувшіеся изъ Италіи на родину 20,000 Саксовъ нашли свою землю занятую Швабами и, желая ее взять назадъ, были всѣ перебиты. Кн. Васильчиковъ, не зная конца легенды, дополнилъ ее своей фантазіей; Саксы у него забираютъ у Швабовъ землю и скотъ и вотъ для него достаточное основаніе превратить легенду въ фактъ, случай съ 20,000 Саксовъ распространить на все саксонское племя, никогда не ходившее въ Италію, и заявить о всенародной поголовной экспропріаціи *между Рейномъ* и *Эльбой*. Если же кн. Васильчиковъ при этомъ имѣлъ въ виду еще другое преданіе о завоеваніи Саксами сѣверной Тюрингіи, которое говоритъ, что Саксы перебили или изгнали господъ, крестьянъ же не тронули и предоставили имъ земли на правахъ *латовъ* — то, во-первыхъ, эта *сага*, какъ называетъ ее кн. Васильчиковъ, извѣстна намъ только въ *позднемъ* свидѣтельствѣ Саксонскаго Зерцала XIII в.; далѣе она относится только къ небольшой пограничной области между Саксами и Тюрингами, которая можетъ быть никогда и не принадлежала послѣднимъ *), наконецъ и тутъ нѣтъ рѣчи о всенародной и поголовной экспропріаціи.

Но кн. Васильчиковъ при изобрѣтеніи разбираемаго нами положенія нисколько и не руководился фактами, а чувствомъ раздраженія и негодованія къ германскимъ племенамъ, которое у него очевидно возрастало по мѣрѣ того, какъ онъ въ своемъ обзорѣ шелъ на востокъ и приближался къ балтійскимъ баронамъ. Поэтому, чѣмъ восточнѣе живетъ какое-нибудь германское племя, тѣмъ въ болѣе мрачныхъ краскахъ ри-

*) См. Gaupp.-Recht u. Verfassung d. Sachsen, p. 3.

суетъ его нравъ и его бытъ кн. Васильчиковъ, тѣмъ болѣе онъ ему приписываетъ захватовъ, избіеній и преступленій. Согласно съ этимъ онъ относится довольно снисходительно къ Франкамъ, приписывая имъ только—въ исполненіе историческаго закона *возмездія* — умерщвленіе римскихъ патриціевъ; Саксамъ онъ уже приписываетъ всенародную и поголовную экспропріацію, но всего хуже отъ него досталось тѣмъ германскимъ племенамъ, которыя во *время переселенія народовъ* (sic!) заняли Балтійское побережье: „когда, говоритъ кн. Васильчиковъ, передовыя орды, Франки, Готы, достигли крайнихъ предѣловъ Западной Европы, то послѣдующія принуждены были остановиться на верховьяхъ Рейна и Дуная среди дремучихъ лѣсовъ; наконецъ, послѣднія опустились на берега Эльбы, Одера, Вислы, на Балтійское поморье и этимъ остальнымъ племенамъ, аріергарду переселенія, досталась худшая доля — песчаные берега Балтійскаго и Нѣмецкаго морей и суровыя почвы Помераніи, Мекленбурга и Восточной Пруссіи—земли Славянъ“ (стр. 183).

„Поэтому на Славянъ обрушились самые голодные и алчные полки варваровъ, которымъ не удалось достигнуть привольныхъ странъ прирейнскихъ и они налегли на славянскую территорію съ тѣмъ большей алчностью, что она представлялась имъ какъ послѣдняя добыча, оставшаяся праздною послѣ захвата всѣхъ лучшихъ земель ихъ счастливыми предшественниками“. Эта фраза кн. Васильчикова заслуживаетъ того, чтобы быть увѣковѣченной въ школьныхъ хрестоматіяхъ, какъ примѣръ неряшливой стилистики (*суровыя почвы*, *добыча*, *оставшаяся праздною*) и нелогичности. Изъ соображеній кн. Васильчикова выходитъ, что германскія племена, которыя отстали отъ другихъ и шли въ аріергардѣ переселенія, были *поэтому* самыми голодными и алчными полками варваровъ,—а далѣе слѣдуетъ, что такъ какъ Балтійское поморье, заселенное Славянами, представлялось Германцамъ послѣднею добычею, то эти племена, алчныя уже вслѣдствіе того, что они находились въ аріергардѣ, съ тѣмъ большею алчностью налегли и обрушились на Славянъ.

Но кромѣ отсутствія логики эта фраза знаменательна тѣмъ, что обнаруживаетъ со стороны автора незнакомство съ самыми элементарными фактами исторіи. Никакой германскій арьергардъ не останавливался на песчаныхъ берегахъ Балтійскаго моря, въ Помераніи и Восточной Пруссіи и не обрушивался здѣсь на Славянъ, а напротивъ Готы и нѣкоторыя другія германскія племена, которыя, по всей вѣроятности, одно время сидѣли на Балтійскомъ морѣ, ушли оттуда на югъ и ихъ области были заняты славянскими и литовскими племенами. Германизованы же были Мекленбургъ и Пруссія не во время переселенія народовъ и не племенами, пришедшими съ востока изъ Азіи и проголодавшимися на пути, а какъ всякому извѣстно,—много вѣковъ спустя нѣмецкими рыцарями и колонистами, которые завоевывали эти области, идя съ запада на востокъ.

И къ чему весь этотъ историческій миражъ о переселеніи народовъ и водвореніи германскихъ племенъ, этотъ миражъ, который кн. Васильчиковъ дѣлаетъ тщетныя усилія уловить, ежеминутно спотыкаясь и теряя почву подъ ногами? Все это для того, чтобы вкоренить въ умѣ читателей два положенія о томъ, что германское землевладѣніе было исконни противоположно славянскому и что въ основаніи перваго лежитъ захватъ и грубое насиліе, породившіе крѣпостное состояніе и помѣщичью власть, повсюду разнесенныя германской культурой.

Въ связи съ смѣшнымъ озлобленіемъ кн. Васильчикова противъ германскихъ племенъ, возрастающимъ по мѣрѣ ихъ болѣе восточнаго мѣстоположенія, находится еще другая историческая галлюцинація нашего автора, также вытекающая изъ его представленія о нашествіи варваровъ и еще глубже отразившаяся на теоріи новаго аграръ-философа. Читатель, вѣроятно, помнитъ изъ первой главы, какъ кн. Васильчиковъ старался тщательно отдѣлять Франковъ отъ Германцевъ и даже противополагать *франкскую расу* (?) германской, ограничивая понятіе германской расы одними Саксонцами. Причину такой рѣдкой даже въ исторіи дилеттантизма ошибки нужно искать не въ одномъ дѣтски-невинномъ не-

вѣдѣніи, а глубже. Между различными формами землевладѣнія, которыя кн. Васильчиковъ встрѣчалъ въ исторіи аграрнаго быта, одна была ему особенно ненавистна; это форма крестьянскаго подворнаго владѣнія, при чемъ дворъ съ принадлежащей къ нему землей считался нераздѣльнымъ участкомъ и переходилъ цѣликомъ къ одному изъ наслѣдниковъ, къ старшему или младшему сыну. Эту форму кн. Васильчиковъ встрѣчалъ особенно часто въ сѣверной и сѣверо-восточной Германіи. Для изслѣдователя аграрнаго быта естественно было бы выяснить причины, которыя обусловливали появленіе этой формы въ извѣстной области или поддерживали тамъ ея существованіе. Но такое изслѣдованіе не по силамъ и не по характеру кн. Васильчикова. Зачѣмъ пускаться въ науку, когда существуетъ удобный ключъ для раскрытія какихъ угодно историческихъ явленій,—свойства расъ. Ничто такъ не характеризуетъ лже-ученый методъ кн. Васильчикова, какъ это постоянное злоупотребленіе понятіемъ о расѣ, при чемъ авторъ нисколько не смущается противорѣчіями, въ которыя впадаетъ. Подобно тому, какъ кн. Васильчиковъ не обинуясь призналъ общинное землевладѣніе, какъ оно теперь существуетъ въ велико-русскихъ губерніяхъ, исконной формой землевладѣнія всего Славянскаго племени, такъ онъ возвелъ, вопреки обще-извѣстнымъ фактамъ, подворное нераздѣльное владѣніе крестьянскимъ дворомъ въ характеристическій признакъ германской расы. Въ избѣжаніе противорѣчія съ дѣйствительностью, онъ въ первомъ случаѣ объяснилъ отсутствіе общиннаго владѣнія у всѣхъ Славянъ, кромѣ Великоруссовъ, съ помощью гипотезы о вліяніи германской культуры даже и на тѣхъ Славянъ, которые ему вовсе не подвергались, по крайней мѣрѣ въ аграрномъ быту, какъ напр. балканскіе Славяне; во второмъ случаѣ онъ еще съ болѣе поразительной безцеремонностью, во первыхъ, призналъ всѣ мѣстности въ Германіи, гдѣ встрѣчалъ крестьянскій маіоратъ, за область саксонскаго племени, а затѣмъ просто и наивно отождествилъ Саксонцевъ съ Германцами, какъ будто кромѣ Саксонцевъ въ составъ Германіи не входило никакихъ другихъ племенъ—

Баварцевъ, Аллемановъ, Фризовъ и Франковъ. Объ этихъ племенахъ онъ или вовсе не упоминаетъ или прямо отдѣляетъ, напримѣръ, Франковъ отъ Германцевъ, отождествляя или смѣшивая ихъ съ Французами. Въ главѣ же о Германіи, гдѣ кн: Васильчиковъ подробно разсматриваетъ разныя формы поземельнаго владѣнія въ Германіи и гдѣ, напримѣръ, нельзя было признать какія-нибудь поземельныя отношенія въ Рейнской Пруссіи не германскими, кн. Васильчиковъ нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ теоріи противоположности *саксонскаго* и *франкскаго права*, чтобъ вывести изъ перваго всѣ особенно ненавистныя ему формы землевладѣнія. „Франкское право собственности, говоритъ кн. Васильчиковъ, было съ самаго начала болѣе либеральное, гнетъ помѣщичьей власти менѣе чувствителенъ, хозяйственный бытъ крестьянъ болѣе самостоятельный. Свобода владѣнія, дѣлимости и наслѣдованія обезпечивали мелкому люду нѣкоторую независимость въ домашнихъ распоряженіяхъ внутри обществъ и семействъ, хотя во внѣшнихъ отношеніяхъ они и подчинялись власти государевой и помѣщичьей“.

„Саксонское право, напротивъ, проникало гораздо глубже въ хозяйственный и семейный бытъ и руководствовалось началомъ, что только помѣстная собственность есть полное владѣніе, что только она даетъ право распоряженія, хозяйственнаго управленія; что поэтому помѣщикъ, противополагаясь обывателю, земледѣльцу, имѣетъ надъ нимъ какъ бы природную власть надзора и опеки для охраненія собственныхъ его интересовъ, для сбереженія собственнаго его имущества, для надзора за его хозяйствомъ, культурой, семейными дѣлами, домашнимъ бытомъ и всѣми житейскими, земельными (sic) и общественными его дѣйствіями, предпріятіями, оборотами. Изъ этого понятія вытекали сами собой такія обширныя права, что сельское хозяйство и поземельное владѣніе все сосредоточилось въ рукахъ помѣстнаго сословія; крестьянское владѣніе было связано, спутано такими сложными правилами, что хозяинъ въ своемъ хозяйствѣ ничѣмъ не располагалъ; порядокъ наслѣдованія, выдѣлъ дѣтей, полеводство, земельный надѣлъ, все было установлено не по

закону, но по уставамъ рыцарей-дворянъ и, въ виду общей пользы сельскаго хозяйства поселяне лишены были всякой самостоятельности“ (стр. 184).

Какія недоразумѣнія лежатъ въ основаніи этого представленія, мы укажемъ впослѣдствіи, сначала же разсмотримъ фантастическую попытку кн. Васильчикова объяснить различіе сакскаго и франкскаго права способомъ водворенія того и другаго племени въ завоеванныхъ земляхъ и потомъ провѣримъ теорію нашего автора его же собственными словами.

„Въ франкскомъ краѣ, пишетъ кн. Васильчиковъ, нашедшія племена, какъ выше сказано, удовольствовались меньшею частью земель, потому что земли эти были лучшаго качества и число дружинниковъ было не велико; они отдѣлились отъ прочихъ обывателей дружелюбно и предоставили имъ нѣкоторую свободу владѣнія, допуская, по мѣстнымъ обычаямъ, наслѣдованіе, семейные раздѣлы, продажу и отчужденіе недвижимыхъ имуществъ“. (Стр. 183).

И такъ, мы узнаемъ здѣсь, что въ франкскомъ краѣ „число дружинниковъ было не велико“. Справляемся съ тѣмъ, что выше сказано, и читаемъ на предшествующей страницѣ: „Франки, дружины коихъ состояли изъ небольшаго числа знатныхъ предводителей и *многочисленной* толпы окольныхъ людей, рядовыхъ ратниковъ, надѣляли этихъ послѣднихъ мелкими участками, а именитыхъ особъ конфискованными удѣльными (?) имѣніями римскихъ императоровъ“. Передъ нами полнѣйшее противорѣчіе: особенность франкскаго права обусловливалась, какъ сказано, *немногочисленностью* дружинниковъ, а передъ этимъ было заявлено, что дружины состояли изъ *многочисленной* толпы ратниковъ.

На этомъ еще не оканчивается путаница съ франкскимъ поселеніемъ. На стр. 279-й, гдѣ кн. Васильчиковъ резюмируетъ свои положенія по исторіи германскаго землевладѣнія, онъ говоритъ, что въ франкскихъ странахъ „орды завоевателей состояли изъ равныхъ, рядовыхъ ратниковъ, простыхъ людей, которые удовольствовались небольшими клочками земли, подѣлили ихъ между собой ровно и продолжали изъ вѣка

въ вѣкъ дѣлить ихъ между наслѣдниками также по равнымъ частямъ".

И такъ, у Франковъ теперь вовсе не оказалось „знатныхъ предводителей и именитыхъ особъ, захватившихъ громадныя удѣльныя имѣнія римскихъ императоровъ!"

Другое недоумѣніе, вызываемое изложеніемъ кн. Васильчикова, еще существеннѣе. Выше было пояснено этимъ авторомъ, что франкская система свободнаго владѣнія землею, семейныхъ раздѣловъ, продажи и отчужденія недвижимыхъ имуществъ „была слѣдствіемъ *мѣстныхъ обычаевъ* наслѣдованія" и нѣкоторой свободы предоставленной нашедшими племенами „обывателямъ". Слѣдовательно, франкская система была собственно системой туземныхъ, покоренныхъ племенъ, и не германскаго происхожденія. Но на стр. 279 сказано, что свобода владѣнія и равное наслѣдованіе у Франковъ обусловливались тѣмъ, что франкскія орды состояли изъ равныхъ, рядовыхъ ратниковъ, которые и продолжали изъ вѣка въ вѣкъ дѣлить свои земли по-ровну. Слѣдовательно, франкская система была германскаго происхожденія.

Авторъ впалъ здѣсь въ противорѣчіе и съ самимъ собою, и со свидѣтельствомъ исторіи. Совершенно такая же бѣда случилась съ кн. Васильчиковымъ и при объясненіи происхожденія саксонской системы. На стр. 279 сказано: „но между Саксонцами именитыхъ людей, вождей, дружинниковъ было больше и они были сильнѣе, чѣмъ въ другихъ племенахъ; предводительствуя шайками наемныхъ, вербованныхъ ополченцевъ (?), они съ ними не дѣлились, забирали землю на себя и оставляли первобытнымъ жителямъ ту часть, которая нужна была для поддержанія рабочей силы, требуемой для воздѣлыванія господскихъ полей".

Прежде, однако, на стр. 182-й было сказано: „когда нашедшее племя было немноголюдно, какъ напр., саксонское, то оно дѣйствовало мягче, щадило мѣстныхъ жителей, чтобы не лишиться рабочей силы и оставляло бо́льшую часть изъ нихъ при своихъ владѣніяхъ". Между тѣмъ, тотъ же авторъ утверждаетъ, что между Рейномъ и Эльбой, т.-е. въ странѣ Саксовъ, произошла всенародная и поголовная экспропріація!

Но всѣ эти противорѣчія исчезаютъ передъ фактомъ, что приведенныя историческія разсужденія кн. Васильчикова ничто иное, какъ чистая фантазія. Нашъ ученый авторъ смѣшалъ водвореніе Франковъ въ Германіи съ завоеваніемъ ими Галліи и, совершенно невѣрно описавъ послѣднее, противопоставилъ ему способъ завоеванія Саксоніи Саксами, о чемъ намъ ровно ничего неизвѣстно. Вотъ какъ добываются историческія воззрѣнія кн. Васильчикова, который у насъ попалъ въ удивительные ученые. Недоразумѣніе кн. Васильчикова относительно способа происхожденія франкскаго и сакскаго права становится еще болѣе непонятнымъ въ виду того, что его разсужденіе несогласно съ приведенными имъ самимъ указаніями о географическомъ распространеніи этихъ двухъ системъ права и о территоріяхъ, гдѣ господствуетъ то или другое право. На стр. 253 кн. Васильчиковъ сообщаетъ, что недѣлимость подворнаго участка—главный признакъ, по его мнѣнію, саксонскаго права—встрѣчается кромѣ „саксонской половины Германіи, съ береговъ Эльбы на востокъ“ (sic) въ Шварцвальдѣ, (гдѣ жили Аллеманны), Ольденбургѣ (Фризы), Альтенбургѣ (Тюрингенцы), въ австрійскихъ нѣмецкихъ земляхъ, а съ XVIII вѣка въ Баденѣ и Баваріи.

Уже это обстоятельство должно было надоумить кн. Васильчикова и заставить его дѣлать свои выводы о различіи сакскаго и франкскаго права съ бо̀льшею осторожностью. Земледѣльческій бытъ этихъ двухъ племенъ дѣйствительно представляетъ любопытныя различія, но при этомъ надо отличать первоначальныя различія отъ позднѣйшихъ, которыя обусловливались политическими и экономическими причинами. Замѣчено, напр., различіе между расположеніемъ сакскаго и франкскаго крестьянскаго двора. Тогда какъ Саксы соединяли всѣ надворныя строенія подъ одной крышей и избирали средоточіемъ этого большаго строенія и мѣстомъ жилья для семьи пространство передъ печкой, Франки устроивали большой непокрытый четырех-угольный дворъ, окруженный оградой и отдѣльными хозяйственными строенія-

ми и жили въ особыхъ комнатахъ, предоставляя кухнѣ очень незначительное пространство *).

Другого рода различіе между земледѣльческимъ бытомъ Франковъ и Саксовъ нѣкоторые писатели находили въ томъ, что первые селились деревнями, при чемъ земля, принадлежавшая къ каждому двору, была раздроблена въ разныхъ поляхъ; Саксы же селились дворами, отдѣленными другъ отъ друга значительнымъ пространствомъ земли, частью принадлежавшей каждому двору, частью же находившейся въ общемъ пользованіи. Но уже въ этомъ случаѣ нужна большая осмотрительность, чтобы не признать свойствомъ племени то, что обусловливалось свойствомъ почвы и характеромъ страны. Дѣйствительно, классическая страна подворной системы селенія—Вестфалія, принадлежитъ къ области сакскаго племени. Но и въ Вестфаліи „на хорошей землѣ преобладаютъ деревни, на песчаной—дворы“. Съ другой стороны въ Франконіи встрѣчаются мѣстности, гдѣ вся земля, принадлежащая ко двору, находится въ одной окружной межѣ позади двора,—а именно въ селеніяхъ, возникшихъ на мѣстѣ срубленнаго лѣса. Подобнымъ образомъ обѣ системы встрѣчаются одновременно и въ другихъ областяхъ, смотря по условіямъ почвы. Въ Тиролѣ въ долинахъ крестьяне живутъ деревнями, въ горахъ — подворно **).

Еще труднѣе, чѣмъ относительно хозяйственнаго быта, опредѣлять въ области поземельнаго права свойства различныхъ племенъ и отдѣлять позднѣйшія явленія отъ первобытныхъ. Мы были бы чрезвычайно благодарны кн. Васильчикову, если бы онъ намъ научнымъ образомъ выяснилъ различіе поземельнаго права у Франковъ и у Саксовъ; но онъ даже не имѣетъ понятія о затрудненіяхъ, которыя бы онъ встрѣтилъ въ этомъ случаѣ. А то, что онъ привелъ по поводу этого различія, не имѣетъ ровно никакого значенія. Онъ, во первыхъ, выводитъ изъ этого различія въ одномъ

---

*) Meitzen. Der Boden und die Landwirthschaftl. Verhält. d. Preuss. Staates. II томъ, стр. 136.

**) Roscher, National. Oecon. d. Ackerb. § 75.

случаѣ недѣлимость, въ другомъ раздробленіе крестьянскихъ участковъ; но онъ не подозрѣваетъ, что древнѣйшій юридическій памятникъ Саксовъ—Lex Saxonum знаетъ только *равный раздѣлъ* наслѣдства между сыновьями *). Еще страннѣе, какъ мы увидимъ, выводить строгое помѣщичье или патримоніальное право изъ сакскаго права. Но всего болѣе обнаруживается несостоятельность кн. Васильчикова въ томъ, что онъ старается объяснить саксскимъ правомъ аграрный бытъ, существовавшій и отчасти еще сохранившійся на востокѣ отъ Эльбы. Кн. Васильчиковъ не позаботился при этомъ познакомиться съ главными и обще-извѣстными историческими свидѣтельствами о германизаціи этихъ странъ, чтобы узнать къ какому племени принадлежали ихъ колонисты. Если бы онъ, напримѣръ, раскрылъ Гельмольда, онъ узналъ бы изъ него, что маркграфъ Албрехтъ, покоривши племена, жившія на Эльбѣ и Гавелѣ, послалъ въ Утрехтъ и прирейнскія области, а также въ Голландію, Зеландію и Фландрію и привлекъ оттуда множество народа, который и поселилъ въ городахъ и селахъ Славянъ. Всѣ эти колонисты были Франки и Фризы. Далѣе, если Померанія колонизована главнымъ образомъ выходцами изъ восточной Саксоніи, то Силезія колонизована Фламандцами и Валлонами, преимущественно же выходцами изъ Тюрингена и Восточной Франконіи. Обѣ системы подворнаго поземельнаго надѣла, господствовавшія на востокъ отъ Эльбы (flämische Hufe и fränkische Hufe) были франкскаго происхожденія, такъ какъ Фландрія страна Салическихъ Франковъ и по той же причинѣ Jus Teutonicum означало тамъ нерѣдко *франкское* право.

Эти замѣчанія мы считаемъ достаточными для указанія на то, что не въ свойствахъ сакскаго и франкскаго племени и не въ способѣ ихъ первоначальнаго водворенія нужно искать причину различій въ характерѣ помѣщичьяго и поземельнаго права, проявляющихся въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи. Покончивши съ тѣмъ отдѣломъ книги кн.

*) Mehrere Söhne theilten die Grundstücke, говоритъ Gaupp., главный комментаторъ „Сакскаго“ права по поводу. Tit. VII: Defuncti filio (var. filiis) non filiae hereditatem relinquant, Recht u. Verf. d. alten Sachsen. p. 161.

Васильчикова, который касается самаго „нашествія варваровъ“, какъ основы поземельныхъ отношеній въ Германіи, мы можемъ перейдти къ разсмотрѣнію того, какимъ образомъ кн. Васильчиковъ построилъ на этой основѣ самую исторію землевладѣнія и различныхъ классовъ сельскихъ обывателей.

Изъ всего этого сложнаго и продолжительнаго историческаго процесса, который окончился только въ нашъ вѣкъ полнымъ торжествомъ принципа свободы относительно лицъ и менѣе послѣдовательнымъ и повсемѣстнымъ проведеніемъ того же принципа въ области землевладѣнія, кн. Васильчиковъ произвольно выхватилъ только три вопроса, разрѣшеніе которыхъ онъ, по своему обычаю, подвелъ подъ формулы невѣрныя или преувеличенныя, отчасти вслѣдствіе своего дилеттантизма и незнакомства съ исторіей, отчасти же по тенденціозности.

Эти три вопроса—происхожденіе патримоніальной власти, судьба вольныхъ людей и исторія крестьянской собственности. Нельзя сказать, чтобы у кн. Васильчикова эти вопросы были отчетливо и послѣдовательно разсмотрѣны; напротивъ, въ его изложеніи все это такъ сбито вмѣстѣ, такъ переполнено повтореніями и противорѣчіями, что напряженіе читателя, желающаго дать себѣ отчетъ о мнѣніяхъ кн. Васильчикова, можно только сравнить съ трудомъ человѣка, разматывающаго мотокъ нитокъ, нарочно кѣмъ-нибудь спутанный.

„Grundherrlichkeit (патримоніальная власть), говоритъ кн. Васильчиковъ (стр. 201), есть понятіе чисто нѣмецкаго происхожденія, которое должно быть анализировано съ большою точностью, чтобы быть вѣрно представленнымъ“. Посмотримъ же, какъ онъ исполнилъ это требованіе, имъ самимъ поставленное.

Читатель книги кн. Васильчикова прежде всего узнаётъ, что патримоніальная власть въ Германіи была непосредственнымъ результатомъ вторженія германскихъ племенъ и завоеванія ими страны. „Всѣ земли, сказано на страницѣ 185, были подѣлены между побѣдителями и побѣжденными и

право владѣнія было двоякое: одно помѣстное, (Grundherrlichkeit), другое подвластное (Grundhörigkeit). Первое было господское и представлялось въ натурѣ (?) въ видѣ замка, помѣщичьей усадьбы или дворца, который назывался Frohnhof, второе—крестьянское, тоже сосредоточивалось во дворѣ, окруженномъ полевыми угодьями, именуемомъ Bauernhof“.

Frohnhof былъ представителемъ общаго понятія господской помѣстной собственности, „точно такъ какъ всѣ разряды простыхъ людей входили въ составъ крестьянскаго сословія, всѣ имущественныя ихъ отношенія выражались въ крестьянскомъ дворѣ, Bauernhof. Но эти два термина были, не такъ какъ въ Россіи, простыя означенія мѣста жительства помѣщика или мужика, а полныя юридическія понятія, опредѣляющія неотъемлемыя свойства самаго владѣнія, права и обязанности владѣльцевъ и взаимныя ихъ отношенія между собой, отношенія, приписанныя не людямъ, а землѣ, грунту, на коемъ они жили. Это было исходное положеніе аграрнаго строя Германіи.“

И такъ, кн. Васильчиковъ сначала ведетъ различіе между помѣщиками и крестьянами въ Германіи отъ отношеній, установившихся между побѣдителями и побѣжденными; первые сдѣлались помѣщиками (Grundherren), вторые мужиками, (Bauern); но въ концѣ вышеприведеннаго мѣста оказывается, что принадлежность къ помѣстному или крестьянскому сословію зависѣла не отъ происхожденія отъ побѣдителей или побѣжденныхъ, а была слѣдствіемъ „неотъемлемаго свойства самаго владѣнія“, или, какъ выражается кн. Васильчиковъ на своемъ своеобразномъ языкѣ, что „отношенія были приписаны не людямъ, а землѣ, грунту, на коемъ они жили“. Лабиринтъ, въ который нашъ авторъ такимъ образомъ завелъ читателя, становится на слѣдующихъ страницахъ уже совершенно безвыходнымъ. Здѣсь оказывается, что въ основаніи различія между помѣщиками и крестьянами лежитъ вовсе не господство побѣдителей надъ побѣжденными, а благородство. „Такимъ образомъ, возвѣщаетъ кн. Васильчиковъ торжественнымъ курсивомъ, „*частное владѣніе*

извѣстнымъ пространствомъ земли при благородствѣ владѣльца даетъ ему право на управленіе и другими владѣніями и изъ этого образуется первое понятіе о патримоніяльной власти". На чемъ основано было это благородство и почему оно давало право на управленіе другими,—кн. Васильчиковъ не считаетъ нужнымъ пояснять. „Всякій родовитый человѣкъ", таковъ его наивный разсказъ, король и вассалы имѣли свои дворы..... къ нимъ приписывались окольныя селенія не по праву собственности, а по праву господства, т.-е. на такомъ разстояніи, на какое простиралась дѣйствительная власть господина". Кѣмъ приписывались окольныя селенія и чѣмъ опредѣлялась дѣйствительная власть господина, остается загадкой.

Точно также остается совершенно неяснымъ отношеніе жителей такого *приписаннаго* округа къ ихъ новому господину и характеръ его власти. Простирается ли она на людей только или также на ихъ собственность? Вотъ что говоритъ объ этомъ кн. Васильчиковъ:

„Изъ этого подвѣдомственнаго ему округа помѣщикъ выбиралъ себѣ часть земель, обыкновенно всѣ пустыя и дикія земли, которыя предназначались для заведенія господской запашки; остальныя угодья оставлялъ во владѣніи или срочномъ содержаніи обывателей на различныхъ условіяхъ, но во всякомъ случаѣ на положеніи обязаннаго, подвластнаго пользованія." Но совершенно иное сказано у кн. Васильчикова на стр. 188. „Родовитые люди имѣютъ свой дворъ, свою помѣщичью усадьбу, которая называется Herrenhof, Frohnhof, Salhof. Но кромѣ этихъ частныхъ владѣній, принадлежащихъ имъ по праву собственности, къ каждому двору или дворцу приписывается извѣстный околотокъ для управленія и хозяйственнаго завѣдыванія." Только одинъ кн. Васильчиковъ въ состояніи соединить въ подобномъ случаѣ посредствомъ союза *и* два такихъ разнородныхъ понятія, какъ *управленіе* и *хозяйственное завѣдываніе*. Первое имѣетъ политическій смыслъ, заключаетъ въ себѣ административную власть; второе есть понятіе экономическое и предполагаетъ право частной собственности. „Такіе округа", читаемъ мы дальше у кн. Василь-

чикова, „подраздѣляются на двѣ категоріи земель — одну, состоящую въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика и составляющую господскую запашку (Salland, terra salica), другую — населенную обывателями, вольными и крѣпостными, которые находятся въ различныхъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу, но всѣ болѣе или менѣе подчиняются его суду или расправѣ....“ И такъ, кн. Васильчиковъ сначала отличаетъ частную собственность родовитаго владѣльца отъ округа, приписаннаго къ нему (кѣмъ? и вслѣдствіе чего?) для *управленія*. Но затѣмъ оказывается, что часть земель этого приписаннаго околотка также составляетъ *частную* собственность правителя и называется одинаково съ его частной собственностью, которую онъ имѣлъ до приписки ему околотка—Salland и Salhof; далѣе оказывается, что въ другой части приписаннаго округа кромѣ вольныхъ обитателей и полныхъ собственниковъ, подчиненныхъ родовитому человѣку въ судебномъ и административномъ порядкѣ, есть *крѣпостные*, невольные, рабочіе, обязанные поселяне. Спрашивается, на какой же землѣ живутъ эти крѣпостные? на такой, которая дана родовитому человѣку только въ управленіе, или на такой, которая составляетъ его частную собственность? а если на послѣдней, то почему же она противополагается его частной собственности и почему объ ней сказано, что она дана въ управленіе?

Наконецъ, гдѣ и когда все это происходило? На первый вопросъ кн. Васильчиковъ вовсе не даетъ отвѣта, на второй же даетъ два различныхъ отвѣта: на стр. 185-й онъ относитъ „порядки“, описанные имъ въ приведенныхъ мѣстахъ къ царствованію Карла Великаго и непосредственныхъ его преемниковъ; на стр. 187, окончивши описаніе этихъ порядковъ, онъ говоритъ, „что основное понятіе германскаго землевладѣнія, понятіе о Grundherrschaft“ образовалось изъ „первобытныхъ отношеній покорителей и покоренныхъ.“

Нѣтъ надобности дѣлать дальнѣйшія выписки изъ разбираемой нами книги, чтобы убѣдить читателя, что кн. Ва-

сильчиковъ не съумѣлъ ни опредѣлить понятія патримоніальной власти, ни объяснить ея происхожденія. Анализируя понятіе помѣщичьей власти въ Германіи, онъ не былъ въ состояніи отдѣлить различные элементы, изъ которыхъ она сложилась: личнаго, имущественнаго и политическаго,—указать на то, какъ въ основаніи ея лежало допускаемое всѣми первобытными народами право господина надъ личностью раба; какъ къ этому присоединились права надъ свободными лицами, обусловливаемыя правомъ собственности надъ землею, которою пользовались эти первоначально свободные люди и, наконецъ, какъ къ этому присоединились права, вытекавшія изъ верховной власти и перешедшія отъ нея, къ поземельнымъ собственникамъ. Задача, которая предстояла кн. Васильчикову, заключалась просто въ томъ, чтобы разсказать по какому-нибудь учебнику происхожденіе феодализма и сеньёрьяльной власти и затѣмъ объяснить, чѣмъ отличалась патримоніальная власть въ XVIII в., которая особенно интересовала кн. Васильчикова по ея вліянію на эманципацію крестьянъ, — отъ власти феодальнаго сеньёра. Но кн. Васильчиковъ не понялъ своей незамысловатой задачи и, по своему обычаю, пустился въ погоню за призраками, стараясь доказать, что патримоніальная власть есть что-то чисто-германское и что она коренится въ „нашествіи варваровъ и покореніи земли.“ Витая такимъ образомъ въ области фантазіи, внѣ предѣловъ дѣйствительной исторіи, кн. Васильчиковъ не замѣтилъ, что исторія патримоніальной власти въ Германіи весьма различна смотря по мѣстности, о которой идетъ рѣчь. Различныя области Германіи переживали общія фазы своего политическаго и культурнаго развитія далеко не въ одно время и не при одинакихъ условіяхъ. Германію въ этомъ отношеніи можно раздѣлить на три полосы. Въ составъ первой войдутъ тѣ области, которыя находились въ тѣсной связи или зависимости отъ государства, основаннаго Меровингами въ Галліи при паденіи Римской имперіи. Эти области, бассейнъ Рейна и верхняго Дуная, раньше другихъ получили сѣмена общей религіозной и политической культуры

Западной Европы. Вторую полосу составляетъ средняя и сѣверная Германія по Эльбу, которая стала доступна христіанству и вліянію зарождавшагося феодализма со времени покоренія ея Карломъ Великимъ. Третью полосу составляютъ тѣ области, которыя этнографически вовсе не принадлежали къ Германіи и только были завоеваны и колонизованы Нѣмцами, начиная съ XII в. Здѣсь развились гораздо позднѣе обще-германскія политическія учрежденія, въ такое время, когда нѣкоторыя изъ нихъ уже значительно видоизмѣнились въ юго-западной полосѣ. Такъ, напр., крѣпостное право (Leibeigenschaft) въ Бранденбургѣ впервые упоминается въ оффиціальныхъ грамотахъ только въ 1633 году. Понятно, что и исторія патримоніальной власти должна быть здѣсь совершенно иная, чѣмъ въ областяхъ, гдѣ господствовали „родовитые люди временъ Карла Великаго.“

Но если при скудости и шаткости своихъ историческихъ свѣдѣній, кн. Васильчиковъ не былъ въ состояніи объяснить причины происхожденія сеньёрьяльной власти, то по своей тенденціозности онъ не понялъ и значенія ея. Если мы станемъ смотрѣть на феодализмъ съ высоты отвлеченной идеи о государствѣ или напр. съ точки зрѣнія императорской власти Карла Великаго, которая разлагалась подъ вліяніемъ феодализма—власть сеньёра намъ представится нарушеніемъ правъ государства и присвоеніемъ его дѣятельности; но иначе представится намъ та же власть, если мы взглянемъ на нее съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ. Когда вслѣдствіе слабости или неразвитости государственной власти, она не имѣетъ правильно устроенныхъ и зависимыхъ отъ нея мѣстныхъ органовъ, тогда жители принуждены пріискивать себѣ мѣстныхъ покровителей и представителей государственной власти и примыкаютъ къ монастырямъ, къ духовнымъ и свѣтскимъ господамъ, которымъ уже безъ того принадлежитъ судъ надъ невольными людьми, живущими на ихъ землѣ. Сеньёрьяльная власть явилась такимъ образомъ замѣной, суррогатомъ государства не только тамъ, гдѣ Меровинги и Каролинги не были въ состояніи поддержать власть римскаго императора, ко-

торую они себѣ присвоили, но и вездѣ, гдѣ по какимъ-либо причинамъ верховная власть была слаба и не имѣла средствъ обойтись въ управленіи страной безъ помощи крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, какъ напр., въ новыхъ территоріяхъ, образовавшихся въ концѣ среднихъ вѣковъ на востокѣ отъ Эльбы. Если даже въ Россіи XVI вѣка, гдѣ, какъ пишетъ кн. Васильчиковъ (стр. 342), „царская власть была неограниченная и грозная“, и однако, вслѣдствіе того, что „повелѣнія ея соблюдались очень слабо и нарушались большею частью безнаказанно — вольность крестьянская была хуже неволи, своеземцамъ было хуже, чѣмъ людямъ, живущимъ за господами, помѣщичьимъ поселянамъ хуже, чѣмъ монастырскимъ“ и т. д., то понятно, что установленіе патримоніальной власти было не только естественнымъ, но и выгоднымъ для сельскаго населенія исходомъ въ такихъ государствахъ, гдѣ, какъ въ Бранденбургѣ, государь былъ принужденъ закладывать другимъ лицамъ свою верховную власть. Мы останавливались на этихъ обще-извѣстныхъ замѣчаніяхъ не для того, чтобы въ сотый разъ доказать полное незнакомство кн. Васильчикова съ историческими фактами, но чтобы выставить на видъ гораздо болѣе серьёзный недостатокъ его—совершенно не научное, произвольное отношеніе къ историческимъ явленіямъ, имъ описываемымъ, непониманіе того, что политическія учрежденія не игра случая, не дѣло человѣческой хитрости или людскихъ преступленій, а результатъ общихъ экономическихъ и политическихъ законовъ. Что бы у насъ сказали о сочинителѣ, который написалъ бы книгу для русскаго народа и объяснилъ бы въ ней различныя явленія сельской жизни—засуху, неурожай, падежъ скота и т. п. дурнымъ глазомъ, ворожбой и колдовствомъ или хоть даже просто съ помощью простонародныхъ предразсудковъ и „примѣтъ“?—а между тѣмъ наша критика не только терпѣливо снесла, но и преклонилась передъ сочиненіемъ кн. Васильчикова, который составилъ обзоръ исторіи Европы на смѣхъ обще-признаннымъ экономическимъ и политическимъ законамъ, регулирующимъ историческую жизнь народовъ!... Въ нашей публи-

цистикѣ и въ нашемъ обществѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо говорятъ о необходимости вывести для исторіи такіе же простые и непреложные законы, какіе установлены въ естественныхъ наукахъ, а между тѣмъ нигдѣ, какъ у насъ, дилеттантизмъ не можетъ разсчитывать на такой просторъ и на такую снисходительность, если онъ выброситъ за бортъ всѣ результаты исторической науки и всѣ признанныя ею положенія—въ угоду привилегированной въ данную минуту тенденціи.

Отъ патримоніальной власти перейдемъ къ тому классу, на который она распространялась. Въ составъ крестьянскаго сословія вошли разные слои—и рабы, и полусвободные люди и свободные, но подпавшіе въ зависимость оттого, что жили на чужой землѣ и, наконецъ, свободные мелкіе собственники. Исторіей первыхъ изъ этихъ классовъ кн. Васильчиковъ мало занимается, потому что судьба ихъ вообще постепенно улучшалась—рабы и полусвободные превратились въ крѣпостныхъ или обязанныхъ, а крѣпостные въ свободныхъ людей съ правомъ пользованія и выкупа земли, которой были надѣлены ихъ предки. Кн. Васильчиковъ интересуется только вольными людьми и мелкими собственниками съ цѣлью доказать, что они утратили волю или собственность или и то и другое. Но уже по вопросу о происхожденіи „вольныхъ людей“ въ Германіи кн. Васильчиковъ впадаетъ въ странныя противорѣчія. Съ одной стороны онъ ополчается противъ „нѣмецкихъ публицистовъ“, которые сильно стараются довести генеалогію своего вольнаго крестьянства до римскихъ временъ, тогда какъ „изъ ихъ собственныхъ же изслѣдованій оказывается, что это вольное состояніе исчезло въ Германіи при нашествіи новыхъ племенъ“ (стр. 236).

Однако, это не мѣшаетъ кн. Васильчикову идти гораздо далѣе тенденціозныхъ нѣмецкихъ публицистовъ и начать генеалогію нѣмецкихъ вольныхъ крестьянъ чуть не съ антедилувіальнаго періода, съ народовъ, обитавшихъ въ Германіи до Германцевъ, вѣроятно одновременно съ сѣвернымъ оленемъ и мамонтомъ. „Несравненно большая часть сельскихъ

обывателей“, говоритъ кн. Васильчиковъ, „состояла изъ людей лично вольныхъ, именно изъ туземцевъ и своеземцевъ, которымъ земли принадлежали по праву полной собственности и которые, покорившись сначала Римлянамъ, потомъ разнымъ варварскимъ племенамъ, всякій разъ при каждомъ новомъ вторженіи выпрашивали и выговаривали себѣ право сохранить одну часть имуществъ за уступку другой части и такимъ образомъ выкупали свои разоренныя земли, принимая на себя трудъ воздѣлыванія новыхъ земель, забранныхъ у нихъ же завоевателями“.

Мы не беремъ на себя рѣшеніе спора между кн. Васильчиковымъ и неизвѣстными намъ публицистами о генеалогіи свободныхъ людей, восходящей ко времени до нашествія варваровъ, и остановимся на заявленіи нашего автора, „что самыя орды варварскихъ Германцевъ состояли изъ многочисленныхъ рядовыхъ ратниковъ, надѣленныхъ мелкими участками“. Отсюда, конечно, слѣдуетъ, что большинство пришельцевъ должно было образовать классъ мелкихъ собственниковъ или вольныхъ людей. Что же сталось съ этимъ классомъ?—И относительно этого вопроса мы напрасно стали бы искать у кн. Васильчикова яснаго и опредѣленнаго отвѣта. „Во времена Карла Великаго“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 236), „полными, вольными землевладѣльцами оставались только одни благородные“. То же подтверждается и въ другихъ мѣстахъ (напр. стр. 189). „Хотя нѣмецкіе публицисты и описываютъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ древній самостоятельный бытъ германскаго крестьянства, но по всѣмъ свѣдѣніямъ оказывается, что уже въ началѣ среднихъ вѣковъ вольное крестьянство было совершенно поглощено крѣпостнымъ или обязаннымъ сословіемъ и къ нему пріурочено“ (стр. 189).

Но на стр. 197 оказывается, что „въ началѣ среднихъ вѣковъ были три главныя категоріи поселянъ: вольные собственники (vollfreie Bauern), полувольные или обязанные (hörige Leute) и невольные или крѣпостные (Leibeigene). Переворотъ, предпринятый въ XII столѣтіи и довершенный только въ XVII, имѣлъ главною цѣлью привести всѣ эти

три разряда въ одно состояніе и именно въ среднее—обязанныхъ поселянъ". Это значитъ, что еще въ XII столѣтіи, т.-е. *четыре вѣка* послѣ Карла Великаго, вольные собственники крестьяне составляли въ Германіи одну изъ главныхъ трехъ категорій поселянъ и что этотъ классъ только постепенно исчезалъ въ Германіи или превращался въ классъ обязанныхъ. При этомъ кн. Васильчиковъ, конечно, не упоминаетъ о многочисленныхъ городахъ, куда скрылась и гдѣ сохранилась значительная часть вольнаго населенія.

Подобными же не научными пріемами, но и еще большею тенденціозностью, отличается все, что говоритъ кн. Васильчиковъ объ исторіи поземельной собственности, которая, съ его точки зрѣнія, есть ничто иное, какъ экспропріація крестьянскаго сословія помѣстнымъ. Отсюда, по мнѣнію автора, органическій порокъ, поразившій повсемѣстною болѣзнью всю западную Европу. „Этотъ порокъ есть неправильное распредѣленіе между разными классами жителей поземельной собственности, распредѣленіе, отчасти происходящее отъ первобытнаго порядка завоеванія и занятія европейскихъ земель, но впослѣдствіи усилившееся отъ насильственныхъ захватовъ, освященное ложными юридическими началами и научными теоріями и, наконецъ, въ новѣйшее время, въ XVIII и началѣ XIX столѣтія проведенное съ безпощадною строгостью въ ущербъ крестьянскаго сословія и въ пользу помѣстнаго (стр. XI).

„Въ Германіи", сказано далѣе, „экспропріація уже приближалась къ благополучному окончанію, когда февральская революція во Франціи внезапно разстроила всѣ соображенія и разсчеты нѣмецкаго рыцарства". Кн. Васильчиковъ оставляетъ совершенно безъ вниманія тотъ фактъ, что если съ теченіемъ времени алоды превращались въ феодальныя земли, а свободные поземельные собственники становились часто обязанными крестьянами, сохранявшими только условное, и не всегда обезпеченное право пользованія своими участками, то тотъ же историческій процессъ сдѣлалъ феодальныя земли наслѣдственными и превращалъ рабовъ или обязанныхъ людей, не имѣвшихъ земли, въ срочныхъ и ча-

сто наслѣдственныхъ обладателей той земли, которою они были надѣлены. Но станемъ на точку зрѣнія кн. Васильчикова и посмотримъ, какъ онъ ее проводитъ. Мы не будемъ повторять неопредѣленныхъ фразъ, не имѣющихъ никакой научной почвы подъ собой, гдѣ идетъ рѣчь о туземцахъ и своеземцахъ, потерявшихъ свои владѣнія во время нашествія варваровъ и объ экспропріаціяхъ феодальнаго времени. Феодальные владѣльцы, по заявленію кн. Васильчикова, были „очень кроткіе властелины въ сравненіи съ позднѣйшими рыцарями и юнкерами позднѣйшихъ временъ и угнетеніе крестьянства началось въ эпоху возрожденія, цивилизаціи и пробужденія германской культуры;“ настоящая экспропріація крестьянъ въ Германіи произошла въ XVI в. „Къ этому времени всѣ простые люди, говоритъ кн. Васильчиковъ, были *служебно* (?), dinglich, подвластны духовенству и дворянству; *оставалось только покорить ихъ фактически*, т. - е. присвоить себѣ ихъ имущество и земли и затѣмъ *утвердить эти новые порядки по праву*. Эти два процесса фактическаго присвоенія, или, вѣрнѣе сказать, захвата крестьянскихъ земель крупными собственниками, и законнаго, юридическаго подтвержденія этихъ насилій, занимаютъ всю новѣйшую исторію германскихъ обществъ до XVIII стол.“. Послѣдній ударъ крестьянской собственности былъ нанесенъ, по мнѣнію кн. Васильчикова, тридцатилѣтней войной. Вліяніе этой войны онъ понимаетъ довольно оригинально; онъ гдѣ-то читалъ, что вслѣдствіе продолжительныхъ опустошеній страны и истребленія населенія отъ оружія, голода и болѣзней и оттого, что многіе крестьяне вербовались въ солдаты — въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи исчезали цѣлые дворы и деревни; опустѣвшія земли были заняты сосѣдними помѣщиками или отданы имъ правительствомъ съ обязательствомъ населить и воздѣлать эти земли. Но всѣ эти факты представляются кн. Васильчикову въ иномъ видѣ: его воображеніе разгорается, ему чудится какое - то новое вторженіе варварскихъ полчищъ и раздѣленіе земель между дружинниками: „оставшееся еще имущество у сельскихъ обывателей, говоритъ онъ, было все разграблено рядовыми

ратниками, земли ихъ подѣлены между военачальниками и всякое понятіе о крестьянской собственности изгладилось передъ хищническими набѣгами солдатскихъ шаекъ и алчныхъ ихъ предводителей. Когда послѣ Вестфальскаго мира тишина и порядокъ водворились въ Германіи, переворотъ уже былъ вполнѣ совершенъ; обезземеленіе низшихъ классовъ сдѣлалось фактомъ".

Кн. Васильчиковъ, однако, слишкомъ поспѣшилъ своимъ заявленіемъ, что послѣ тридцатилѣтней войны обезземеленіе крестьянъ въ Германіи стало *фактомъ*,—ибо уже на слѣдующей страницѣ онъ увѣряетъ, что это обезземеленіе *продолжалось* и въ XVIII и въ XIX вѣкахъ. Но въ это время главными виновниками обезземеленія вмѣсто алчныхъ, солдатскихъ шаекъ являются *ученые агрономы*, и во главѣ ихъ знаменитый Тэеръ:—„провозгласившіе научные выводы раціональной агрономіи". Эти выводы агрономической науки оказались, какъ говоритъ кн. Васильчиковъ, совершенно и исключительно въ пользу крупнаго землевладѣнія и помѣстной собственности" и въ Европѣ распространилось мнѣніе, что „мелкопомѣстное владѣніе и въ особенности общинное несовмѣстно съ раціональной культурой, съ плодоперемѣннымъ сѣвооборотомъ" и т. п.

„Отъ этого прямо перешли (кто?) къ заключенію, что всякое владѣніе, препятствующее правильному веденію сельскаго хозяйства, подлежитъ упраздненію, отмѣнѣ, выкупу или, по крайней мѣрѣ, должно быть устранено въ виду общей государственной пользы и народнаго благосостоянія. Тогда-то, восклицаетъ кн. Васильчиковъ, „въ половинѣ XVIII в., вѣка философскихъ и политическихъ умозрѣній, юридическихъ, экономическихъ, агрономическихъ, — для лучшаго устройства полеводства, скотоводства, сельскаго хозяйства вообще, произведенъ былъ пересмотръ аграрныхъ законовъ, мотивированный гуманными и либеральными видами: улучшеніемъ земледѣлія, охраненіемъ плодородія почвъ, введеніемъ усовершенствованныхъ орудій и культуръ,—но тѣмъ не менѣе окончательно разстроившій хозяйственный бытъ большей части крестьянъ" (стр. 210).

Слѣдствіемъ этого былъ цѣлый рядъ мѣръ: сносъ крестьянскихъ дворовъ, разверстаніе общинныхъ земель, размежеваніе черезполосныхъ владѣній и т. д., а результатомъ этого былъ переворотъ, который „происходилъ одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ; по мѣрѣ того, какъ имъ дарились или возвращались личныя права гражданства, отбирались или скупались ихъ имущества и земли, а окончательный исходъ крестьянскихъ реформъ былъ таковъ, что нѣсколько милліоновъ крестьянъ собственниковъ выпущены были на волю безъ кола и двора на голодную смерть и произволъ судьбы“ (стр. 210).

Мы отдѣльно разсмотримъ эти мѣры, которыя по увѣренію кн. Васильчикова имѣли такіе гибельные результаты, а теперь остановимся на выходкѣ противъ агрономической науки. Можно думать, что такое обвиненіе противъ агрономіи будто *ея выводы оказались совершенно и исключительно въ пользу крупнаго землевладенія и помѣстной собственности*,—формулировано не помѣщикомъ знакомымъ на практикѣ съ сельско-хозяйственной дѣятельностью, а какимъ-нибудь неопытнымъ юношей, не имѣющимъ понятія о различныхъ способахъ земледѣлія и о томъ, насколько благосостояніе государства и всего народа обусловливается успѣхами земледѣлія и „раціональной культурой“.

Но помимо того, что успѣхи раціональной агрономіи были благодѣтельны и совѣты ея полезны не для одного *помѣстнаго* или крупнаго, но и для *крестьянскаго* землевладѣнія, развѣ позволительно историку аграрныхъ отношеній забывать о великой *культурной* заслугѣ агрономической науки,—заслугѣ, состоявшей въ томъ, что ея выводы послужили однимъ изъ самыхъ сильныхъ *стимуловъ* къ *отмѣнѣ крѣпостнаго права*. Если философскія идеи XVIII вѣка, возвышая понятіе о человѣческой личности и распространяя вѣру въ прирожденныя человѣку права, подрывали основу крѣпостнаго права съ нравственной и съ юридической стороны, то сельско-хозяйственная наука въ то же время пошатнула крѣпостное право на почвѣ экономическаго интереса. Доказывая, что первое условіе экономическаго прогресса есть *свобода*, что крѣпост-

ныя отношенія не менѣе стѣснительны для самихъ помѣщиковъ, чѣмъ для крестьянъ, требуя замѣны барщины вольнымъ трудомъ, — агрономическая наука имѣла своимъ результатомъ всеобщее убѣжденіе, что крѣпостное право не только *несправедливое*, но и *невыгодное* для всѣхъ учрежденіе. Такимъ образомъ „раціональная агрономія“ привлекла въ Германіи на сторону либеральной идеи такіе слои общества, которые были еще мало доступны вліянію философскихъ доктринъ, убѣдила правительство въ необходимости отмѣны крѣпостнаго права съ точки зрѣнія всеобщаго интереса и всѣмъ этимъ могущественнымъ образомъ содѣйствовала тому, что переворотъ, который, казалось, могъ быть произведенъ только революціей—въ Германіи совершился путемъ мирной реформы.

Не менѣе странна пренебрежительная выходка противъ извѣстнаго Тэера, котораго кн. Васильчиковъ почему-то отнесъ къ половинѣ XVIII вѣка. Къ этому замѣчательному дѣятелю долженъ относиться съ уваженіемъ не только спеціалистъ въ агрономіи, но и всякій, кто знакомъ съ исторіей крестьянства въ Германіи. Неужели кн. Васильчиковъ не знаетъ, что Тэеръ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ въ Пруссіи, что имъ написаны знаменитые эдикты отъ 14 сентября 1811 г., которые должны были послужить основаніемъ для практическаго осуществленія манифеста 1807 г. и были многими признаны невыгодными для помѣщиковъ.

Обратимся теперь къ тѣмъ мѣрамъ, посредствомъ которыхъ былъ, по увѣренію кн. Васильчикова, произведенъ аграрный переворотъ, происходившій одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ и приведшій въ результатѣ къ тому, что *нѣсколько милліоновъ крестьянъ* были выпущены на волю безъ кола и двора на голодную смерть и на произволъ судьбы. Эти мѣры, какъ мы уже упоминали, слѣдующія: сносъ крестьянскихъ дворовъ, разверстаніе общинныхъ земель и размежеваніе черезполосныхъ владѣній.

Кн. Васильчиковъ подвелъ здѣсь подъ одну рубрику явленія, которыя имѣютъ мало общаго между собою какъ по-

своему характеру и происхожденію, такъ и по своимъ цѣлямъ и результатамъ. Размежеваніе черезполосныхъ владѣній и разверстаніе общинныхъ земель представляютъ двѣ общія мѣры, вызванныя потребностями и успѣхами современнаго земледѣлія и установлявшіяся законодательнымъ путемъ; сносъ-же крестьянскихъ дворовъ съ упраздненіемъ крестьянскаго хозяйства и присоединеніемъ земли къ помѣщичьей запашкѣ представляетъ не общую мѣру, а частные факты, крайнее проявленіе помѣщичьяго разсчета, которому правительства всегда старались препятствовать тамъ, гдѣ они были достаточно развиты или сильны для этого. Кромѣ того, изъ этихъ мѣръ только одна, сносъ дворовъ, наносила прямой ущербъ крестьянскому землевладѣнію; разверстаніе-же общинныхъ угодій и размежеваніе черезполосныхъ владѣній, не имѣли вовсе въ виду, по крайней мѣрѣ въ Германіи, уменьшить крестьянское землевладѣніе въ пользу помѣстнаго, но были мѣрами вообще благодѣтельными для поземельной собственности и въ значительной степени содѣйствовали благосостоянію какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, и разверстаніе и размежеваніе часто вовсе не касались отношеній между крупной и крестьянской собственностью, а происходили среди одного крестьянскаго землевладѣнія. Поэтому если эти важныя и въ высшей степени полезныя мѣры оказались невыгодными для сельскаго пролетаріата, отнимая у него извѣстный источникъ дохода, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и привели къ уменьшенію числа мелкихъ собственниковъ, то цѣль и интересъ историческаго изслѣдованія заключаются въ данномъ случаѣ именно въ томъ, чтобы собрать точныя свѣдѣнія относительно этого вліянія упомянутыхъ мѣръ и дать возможность читателю составить себѣ опредѣленное понятіе о ихъ общемъ значеніи. Но если мы изъ области общихъ фразъ и декламаціи, которыя составляютъ сущность книги кн. Васильчикова, перейдемъ на почву исторіи и статистики и потребуемъ у него фактическихъ указаній относительно обезземеленія крестьянъ посредствомъ всѣхъ упомянутыхъ мѣръ, то, какой же отвѣтъ мы получимъ?

Естественнѣе всего было-бы найдти такой отвѣтъ на тѣхъ страницахъ, которыя посвящены вопросу о сносѣ крестьянскихъ дворовъ. Но къ своему удивленію читатель находитъ здѣсь только перечень цѣлаго ряда правительственныхъ узаконеній, начиная съ XVI вѣка, запрещавшихъ отбирать земли и сносить дворы у оброчныхъ крестьянъ, точныя же фактическія данныя о сносѣ дворовъ приведены только относительно Даніи и Мекленбурга. Въ Мекленбургѣ изъ 12,000 дохозяевъ, „считанныхъ по ревизіи 1628 г., къ концу XVIII вѣка оставалось только около 2,000“. Относительно-же другихъ областей Германіи не приведено никакихъ фактовъ, а вмѣсто нихъ мы встрѣчаемъ лишенныя смысла фразы въ родѣ слѣдующей: „землевладѣльцы Саксонской расы переносили это основное свое право во всѣ страны, гдѣ имъ удавалось водвориться, въ земли Славянскія, Финскія, Кельтскія, и всюду воспользовались имъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ для подавленія туземнаго крестьянства. Мѣра эта составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ собственно германскаго аграрнаго положенія.“ (стр. 211).

Другою мѣрою, которая привела къ вышепоказанному плачевному результату кн. Васильчиковъ считаетъ разверстаніе черезполосныхъ владѣній (стр. 221). Нельзя при этомъ не выразить удивленія, что такой спеціалистъ по аграрному вопросу, какъ кн. Васильчиковъ, по поводу такой важной и полезной для крестьянъ мѣры ограничился почти только общими разсужденіями, пересыпанными обычными фразами о франкскомъ и саксонскомъ племенахъ и не привелъ никакихъ фактическихъ данныхъ, чтобъ выяснить читателю, насколько выиграли крестьяне въ Германіи отъ размежеванія тамъ, гдѣ оно было проведено.

Между тѣмъ у кн. Васильчикова было подъ рукою сочиненіе Рошера, гдѣ подробно говорится о значеніи размежеванія черезполосныхъ владѣній вообще; а также о преимуществахъ и недостаткахъ системы подворныхъ участковъ и затѣмъ отсюда выводятся условія, при которыхъ полное размежеваніе и нарѣзка всей земли, принадлежащей одному владѣльцу, въ одну окружную межу, становятся для него

благодѣяніемъ. Тутъ же приведены и различные примѣры, доказывающіе, какіе выгодные результаты были достигнуты въ отдѣльныхъ случаяхъ. Даже тамъ, гдѣ сепарація или консолидація не была вполнѣ проведена, крестьяне успѣли уменьшить количество работы, потребной для воздѣлыванія поля и жатвы на половину, увеличить чистый доходъ на 25% и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно освободиться отъ долговъ. Это, напр., случилось въ Клейнгладебахѣ (въ Гессенѣ), гдѣ дѣлянки, занимавшія среднимъ числомъ пространство въ $^1/_{12}$ моргена (около 50 кв. саженъ), были доведены до $^1/_2$ моргена. По исчисленіямъ Висмана, относящимся къ Нассау, гдѣ господствуетъ такъ называемая Нассауская система—простое исправленіе полосъ въ противоположность прусской системѣ, стремящейся къ нарѣзкѣ всей земли въ одну окружную межу—цѣна земли повысилась вслѣдствіе размежеванія на 25, на 33 и даже на 50%. Особенно поразительны примѣры, относящіеся къ Пруссіи съ ея болѣе радикальнымъ размежеваніемъ. Въ Познани послѣ сепараціи многіе крестьянскіе дворы оплачивались на 50 или даже на 100% дороже. При Фридрихѣ Великомъ была размежевана деревня, крестьяне которой, хотя владѣли дворами въ 170—200 морг. (до 50 дес.), въ 1770 году не были даже въ состояніи уплачивать податей. Двадцать лѣтъ спустя эти дворы продавались за 30—40,000 талеровъ *).

Третью мѣру, упомянутую кн. Васильчиковымъ, составляетъ разверстаніе общинныхъ владѣній и угодій. Читатель книги кн. Васильчикова, написанной въ защиту общиннаго владѣнія въ Россіи, имѣлъ право ожидать, что вопросъ о разверстаніи общинныхъ владѣній и угодій въ Германіи будетъ подвергнутъ у него особенно тщательному и серьёзному обслѣдованію. Хотя разверстаніе общинныхъ владѣній имѣетъ для Германіи и другихъ западныхъ странъ далеко не то же значеніе какъ для Россіи, такъ какъ касается не всей земли, а только извѣстнаго количества ея (общественныхъ пастбищъ и пр.) и сервитутовъ, (пастбища на

---

*) Roscher, National-Oecon. d. Ackerb. VIII изд. стр. 251.

паровомъ полѣ), но тѣмъ не менѣе и западный вопросъ объ общинномъ владѣніи имѣетъ много общаго съ нашимъ вопросомъ и очень поучителенъ. Но ничто до такой степени не обнаруживаетъ дилеттантизма и фразёрства книги кн. Васильчикова, какъ тотъ способъ, какимъ онъ по своему *разрѣшилъ* этотъ вопросъ на 5 страницахъ!

Конечно, мы и здѣсь встрѣчаемся съ обычными фразами: разверстаніе общинныхъ земель признается главнымъ дѣйствіемъ великой драмы; оно представляется захватомъ со стороны помѣстнаго сословія на счетъ мелкихъ собственниковъ, — при чемъ кн. Васильчиковъ разумѣетъ подъ помѣстнымъ сословіемъ также и всѣхъ крестьянъ-собственниковъ, — а подъ мелкими собственниками — бобылей и крестьянъ по большей части не имѣвшихъ собственности кромѣ дворовъ и права выгонять свою скотину на общественное пастбище (Häusler), или, повторяя слова кн. Васильчикова, сказанныя на другой же страницѣ — малоземельныхъ и *безземельныхъ* крестьянъ (217); наконецъ, и здѣсь заявляется о томъ, что „нѣсколько милліоновъ бѣднѣйшихъ сельскихъ обывателей были выведены и выселены“. Но за то съ другой стороны кн. Васильчиковъ при разсмотрѣніи этого вопроса пренебрегаетъ самыми элементарными требованіями научнаго анализа понятій и правильнаго изложенія фактическихъ данныхъ.

Прежде всего нужно замѣтить, что разверстаніе общинныхъ владѣній и угодій касается въ Германіи (какъ и въ другихъ западныхъ государствахъ) двухъ совершенно различныхъ предметовъ. Здѣсь, во первыхъ, можетъ идти рѣчь о землѣ (пастбища, луга, лѣса и даже пашня), не составляющей ничьей личной собственности и принадлежащей нераздѣльно всей общинѣ; во вторыхъ, вопросъ можетъ касаться земли, состоящей издавна или искони въ личной собственности и только подверженной извѣстнымъ повинностямъ въ пользу членовъ общины, напр. повинности служить въ извѣстныя времена года (послѣ жатвы или во время пара) общественнымъ пастбищемъ. Конечно, какъ происхожденіе этихъ двухъ видовъ общественной собственности, такъ и

юридическія права общинниковъ и затѣмъ хозяйственная польза и политико-экономическія соображенія, требующія устраненія или видоизмѣненія общественной собственности, могутъ быть чрезвычайно различны въ обоихъ случаяхъ. Несмотря на это, у кн. Васильчикова нѣтъ и рѣчи о второмъ изъ упомянутыхъ видовъ общинной собственности. Между тѣмъ этотъ видъ общественной собственности заслуживалъ совершенно особеннаго разсмотрѣнія. Можно по различнымъ причинамъ быть противъ упраздненія и раздѣленія общинной земли и въ то же время считать совершенно необходимымъ освобожденіе частной собственности отъ общественныхъ, какъ и отъ помѣщичьихъ повинностей и сервитутовъ. Повинность земли служить, въ опредѣленные обычаемъ сроки, общественнымъ выгономъ, хотя и была въ извѣстномъ періодѣ культурной жизни вполнѣ естественнымъ и даже полезнымъ явленіемъ,—становится при болѣе усовершенствованномъ способѣ земледѣлія однимъ изъ главныхъ препятствій необходимаго дальнѣйшаго развитія.

При самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ положеніемъ сельско-хозяйственнаго дѣла въ странахъ съ интенсивной культурой легко убѣдиться въ томъ, на сколько убытки, которые несетъ земледѣліе вообще отъ такой натуральной повинности въ пользу общины, превышаютъ незначительную выгоду, получаемую отъ этого нѣкоторыми бѣднѣйшими жителями общины вслѣдствіе того, что ихъ корова или овцы имѣютъ возможность нѣсколько времени въ году пропастись на чужомъ полѣ *). Такимъ образомъ экономическія соображенія, требущія отмѣны или выкупа этихъ повинностей, чрезвычайно настоятельны, и юридическіе и соціальные доводы, которые можно привести въ пользу продолженія повинности, (издавное право общинниковъ на эту повинность и интересъ сельскихъ пролетаріевъ), не въ состояніи уравновѣсить ихъ.

---

*) Во Франціи кромѣ главной повинности пашни служить выгономъ (vaine pâture) существуютъ и различныя другія (glanage, râtelage, grapillage) для лѣсовъ, луговъ и виноградниковъ—was zusammen, прибавляетъ Рошеръ, dem Eigenthumsrechte der Landleute furchtbaren Eintrag thut. См. Nation. d. Ackerb, § 87 и ссылки.

Нѣсколько иначе представляется дѣло относительно втораго вида общинной собственности, предметъ которой составляютъ уже не повинности, лежащія на частной собственности, а самая земля, оставшаяся въ нераздѣльномъ владѣніи общинниковъ. Вопросъ о значеніи этой собственности чрезвычайно сложный. Но кн. Васильчиковъ многихъ сторонъ его вовсе не касался, а тѣ, которыя онъ затронулъ, представлены имъ по обычаю въ ложномъ свѣтѣ. Уже самый вопросъ о происхожденіи такой общинной собственности на извѣстныя земли представленъ неправильно. Нерѣдко случалось, что она возникала на землѣ частнаго владѣльца, который, поселивъ на своей землѣ своихъ рабовъ или пришедшихъ къ нему вольныхъ людей, раздалъ имъ извѣстные участки подворно въ срочное или наслѣдственное пользованіе, а кромѣ того предоставилъ въ общее пользованіе извѣстные пастбища и лѣса, что было необходимо при первобытномъ способѣ земледѣлія. Конечно, въ такихъ случаяхъ собственникъ оставался главнымъ распорядителемъ и, такъ сказать, верховнымъ владѣльцемъ земли, находившейся въ общемъ пользованіи и нерѣдко предоставлялъ себѣ особыя преимущества при пастьбѣ своихъ стадъ на этой общинной землѣ. Кн. Васильчиковъ только вскользь въ примѣчаніи (на стр. 243) упоминаетъ о такой формѣ общинной собственности, которая возникла на землѣ вотчинника; вообще же въ его представленіи всякое верховное право или всякое преимущество помѣщика относительно общинной земли подчиненныхъ или принадлежащихъ ему крестьянъ есть слѣдствіе захвата или обмана. Но еще болѣе искажено у него дѣло вслѣдствіе другого рода упущенія. Въ странѣ, гдѣ не вся масса сельскаго населенія прикрѣплена къ землѣ, гдѣ рано появляются города, развивается промышленность и торговля, или вслѣдствіе частыхъ войнъ и неурожаевъ устанавливается значительное передвиженіе людей изъ одной области въ другую, тамъ во всѣхъ почти сельскихъ общинахъ появляются и поселяются пришлые люди, неимѣющіе, конечно, никакого права на общинную землю. Въ эпохи, когда такой земли много, никто не ощущаетъ для себя ущерба, если вмѣстѣ съ

его скотомъ пойдетъ на общинное пастбище корова или овца такого пришлаго человѣка и оттого во многихъ случаяхъ эти пришлецы пріобрѣтали или по соглашенію, или въ силу давности извѣстное право участія въ пользованіи общиннымъ владѣніемъ. Но, конечно, это не всегда такъ случалось и не могло постоянно такъ продолжаться. Въ общинахъ, гдѣ пришлыхъ людей являлось слишкомъ много, гдѣ оказывался извѣстный недостатокъ въ общинныхъ лугахъ или лѣсахъ, тамъ вновь прибывавшимъ отказывали въ пользованіи общинными угодьями или допускали ихъ къ пользованію не на равныхъ правахъ съ коренными членами общины. Кн. Васильчиковъ какъ будто совершенно забылъ объ этихъ пришлыхъ людяхъ и о томъ вліяніи, которое они имѣли на проявленіе неравноправности въ пользованіи общинными угодьями. Всякая такая неравноправность представляется ему несправедливостью и экспропріаціей, обидой бѣдныхъ членовъ общины имущими, какъ будто всякій человѣкъ отъ природы имѣетъ право на участіе въ общиномъ владѣніи той общины, гдѣ ему заблагоразсудится поселиться. Кн. Васильчиковъ не понимаетъ, что допущеніе такого принципа въ самомъ корнѣ подрываетъ существованіе общинной собственности, которую онъ отстаиваетъ.

Точно также у него совершенно неудовлетворительно изложены причины и поводы, которые особенно съ XVIII вѣка привели въ Германіи къ разверстанію общинныхъ владѣній. И здѣсь мы встрѣчаемъ искаженіе и преувеличеніе и одностороннее сведеніе экономическаго процесса на произвольную и возмутительную борьбу имущественнаго класса противъ бѣдныхъ людей.

О громадныхъ убыткахъ, причиняемыхъ всѣмъ членамъ общины тѣмъ небреженіемъ, въ которомъ естественно находилось владѣніе, предоставленное общему пользованію, у кн. Васильчикова нѣтъ ни слова и онъ даже ухитрился объяснить старинныя поговорки, въ которыхъ выразился здравый смыслъ народа относительно общиннаго владѣнія, какимъ-то колдовствомъ со стороны богатыхъ общинниковъ. „Подъ вліяніемъ этихъ разнородныхъ и разносторонних

побужденій (?) и съ общаго согласія землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ высшаго разряда на общинное владѣніе было наложено *заклятіе* (Gesammtgut-Verdammtgut)". Кн. Васильчиковъ какъ будто не понимаетъ, что въ этомъ заклятіи заключается простая мысль, которая была выражаема на разные лады, т.-е. что владѣніе, у котораго много хозяевъ, мало приноситъ пользы. Sweliche wise ist gemeine, Der gras ist gern kleine — на общинномъ лугу ростетъ плохая трава — говорилъ еще нѣмецкій поэтъ XIII вѣка.

Даже заботы всевозможныхъ правительствъ XVIII в. поднять благосостояніе сельскихъ общинъ разверстаніемъ общинныхъ угодій представлены у кн. Васильчикова какъ бы слѣдствіемъ интриги со стороны „дворянъ-рыцарей и ученыхъ агрономовъ".

Между тѣмъ причины и побужденія, которыя привели къ уничтоженію большей части общинныхъ владѣній, очень разнообразны и относятся къ очень длинному періоду времени. Прежде всего къ уменьшенію ихъ привело естественное наростаніе народонаселенія и выдѣленіе новыхъ дворовъ и новыхъ участковъ пахатной земли изъ общиннаго владѣнія для потомковъ старинныхъ общинниковъ. Къ нимъ присоединялись новые поселенцы, которыхъ привлекалъ сеньёръ для увеличенія числа своихъ плательщиковъ или же приглашала сама община, если нуждалась въ усиленіи.

Вторая причина заключалась въ естественномъ возрастаніи цѣнности земли, вслѣдствіе чего становилось невозможнымъ оставлять невоздѣланными большія пространства пустопорожней земли и пастбища должны были уступать пашнѣ. Распаханные участки обыкновенно предоставлялись во временное или наслѣдственное пользованіе тѣхъ, которые положили на нихъ свой трудъ.

Пришельцы и новые поселенцы становились главнымъ разлагающимъ элементомъ общиннаго владѣнія не только потому, что имъ выдѣляли участки, но и косвеннымъ образомъ. Тамъ, гдѣ ихъ являлось много и гдѣ ихъ допускали къ пользованію общинными угодьями, старинные члены об-

щины съ досадой замѣчали, что польза, которую они сами получали отъ этихъ владѣній, уменьшается съ каждымъ годомъ при увеличеніи числа участниковъ и потому начинали настаивать на разверстаніи общинныхъ угодій, чтобы что-нибудь спасти для себя и для своихъ потомковъ. Особенное вліяніе имѣло это побужденіе тамъ, гдѣ вновь прибывшіе были бѣдняки, содержаніе которыхъ падало главнымъ образомъ на общинное владѣніе. Притязанія бѣдныхъ членовъ общины вообще часто вызывали жалобы и столкновенія. Такъ, напримѣръ, нерѣдко бѣдные члены общины старались набирать какъ можно больше скотины, чтобы пасти ее даромъ на общинномъ пастбищѣ въ теченіе лѣта; зимой же имъ нечѣмъ было прокармливать эту скотину и имъ приходилось добывать себѣ нужный кормъ разными незаконными путями. Отсюда многочисленныя узаконенія, ограничивавшія количество скота, допускавшагося на общественное пастбище—тѣмъ числомъ его, которое всякій хозяинъ въ состояніи прокормить зимою на дому. Желаніе избѣгнуть такихъ столкновеній также играло немаловажную роль при стремленіи къ раздѣленію общинныхъ угодій. Особенно должно было усилиться такое желаніе тамъ, гдѣ правительства запрещали не допускать бѣдныхъ людей къ участію въ пользованіи общинными угодьями и уравнивали бобылей и поденщиковъ въ этомъ отношеніи съ зажиточными крестьянами. Такое попеченіе о бѣдныхъ общинникахъ началось еще съ XVI в. и встрѣчается не только въ протестантскихъ странахъ, гдѣ упраздненіе монастырей возложило заботу о бѣдныхъ на правительство и общины, какъ напр. въ реформатскихъ кантонахъ Швейцаріи, но и въ чисто-католическихъ государствахъ, какъ это доказываетъ Баварскій земскій уставъ 1553 г., упоминаемый Рошеромъ (см. стр. 260).

Но особенно развилось это стремленіе къ концу XVIII в., когда вслѣдствіе успѣховъ земледѣлія повысилась рента и стала чрезвычайно ощутительна разница въ доходности между пашней и общественнымъ выгономъ. Къ тому же это была эпоха, когда въ большинствѣ европейскихъ госу-

дарствъ явились энергическія правительства, считавшія необходимымъ узаконеніями, бюрократическимъ вмѣшательствомъ и поощреніями пробудить всѣ матеріальныя и духовныя силы страны, развить промышленность и земледѣліе. Въ этой лихорадочной дѣятельности „просвѣтительнаго деспотизма“ было много увлеченій, много заблужденій, высказавшихся въ преждевременныхъ распоряженіяхъ и слишкомъ общихъ узаконеніяхъ,—но не слѣдуетъ забывать, что многія европейскія страны стали европейскими только благодаря этому деспотизму и сдѣлали въ одинъ вѣкъ болѣе быстрые успѣхи, чѣмъ за все прежнее время своего существованія.

Мѣры, принятыя различными правительствами по отношенію къ разверстанію общинныхъ угодій, можно правильно оцѣнить только въ связи съ другими распоряженіями ихъ по разнымъ отраслямъ народной жизни и съ общимъ духомъ той эпохи. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду тѣ блистательные результаты, которые во многихъ случаяхъ были достигнуты посредствомъ сбереженія различныхъ непроизводительныхъ тратъ, превращенія пустопорожней земли въ плодородныя пашни и вообще увеличенія доходности раздѣленныхъ владѣній. Въ Англіи стоимость послѣднихъ опредѣляется по умѣренной оцѣнкѣ въ 4 или 5 разъ больше противъ того, что онѣ стоили до раздѣленія.

Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ разверстаніе общинныхъ владѣній было преждевременно и не вызывалось дѣйствительными потребностями; въ другихъ оно проводилось слишкомъ поспѣшно. Кромѣ того, превращеніе общинныхъ земель въ частную собственность общинниковъ хотя и увеличило ихъ благосостояніе и было полезно для страны вообще, однако наносило ущербъ многимъ отдѣльнымъ лицамъ, преимущественно бѣднѣйшимъ жителямъ общины, которые по праву или по обычаю извлекали различныя косвенныя выгоды изъ общинныхъ владѣній, а теперь лишались возможности даромъ прокормить свою корову, своихъ гусей и свиней или набрать хворосту изъ общиннаго лѣса. Но судить о значеніи такой мѣры, какъ разверстаніе общин-

ныхъ владѣній, только съ точки зрѣнія отдѣльныхъ лицъ и меньшинства—взглядъ односторонній. Вѣдь никакая реформа, никакая прогрессивная мѣра не осуществима безъ ущерба для извѣстныхъ лицъ, которыя пріютились къ старому учрежденію и извлекаютъ изъ него пользу. Съ точки зрѣнія такихъ частныхъ интересовъ пришлось бы, напр., осуждать упраздненіе монастырской и церковной поземельной собственности—такъ называемый main-morte—мѣру въ высшей степени необходимую, но также повлекшую за собой ущербъ для бѣдныхъ людей, кормившихся крохами отъ монастырской трапезы и подаяніемъ прелатовъ. Затѣмъ, чтобы взвѣсить ущербъ, который дѣйствительно произошелъ отъ разверстанія общинныхъ владѣній, необходимо было бы тщательно изучить отдѣльные случаи и привести факты. Кн. Васильчиковъ могъ бы оказать услугу наукѣ, если бы воспользовался „доступной одному ему ученостью“ и собралъ статистическія свѣдѣнія относительно ущерба, понесеннаго сельскимъ пролетаріатомъ при разверстаніи общинныхъ владѣній. Но именно этого-то онъ не сдѣлалъ, а ограничился пустозвонными фразами и „жалкими словами“.

Но какъ, возразитъ намъ кн. Васильчиковъ, развѣ я не привелъ фактовъ? прочтите, что у меня сказано на стр. 220: „Но другое, обратное дѣйствіе уничтоженія общиннаго владѣнія также обнаружилось въ Германіи: число мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ начало быстро уменьшаться; въ Позенѣ они сократились на 25%; въ двухъ датскихъ округахъ, Фредериксборгѣ и Кронборгѣ, гдѣ считалось около 2,000 крестьянскихъ дворовъ, при *раздѣлѣ общественныхъ земель* было *выселено* 350 хозяевъ и около 500 бобылей, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ *число домохозяевъ уменьшилось въ семь разъ*; нѣмецкіе публицисты (Roscher, Nation. Oecon. d. Ackerbaues) приводятъ примѣры, что вслѣдствіе разверстанія изъ 227 *дворовъ* образовалось 65; остальные 162 хозяйства были упразднены“.

Развѣ это не довольно краснорѣчиво и убѣдительно? Да, эти факты могутъ убѣдить любаго скептика,—но совсѣмъ не въ томъ, что желаетъ доказать кн. Васильчиковъ, а въ

необыкновенномъ легкомыслiи и поразительной неосновательности нашего ученаго и глубокомысленнаго автора. Мы просимъ читателей обратить вниманiе на подчеркнутыя нами слова,—у кн. Васильчикова идетъ рѣчь о раздѣлѣ общественныхъ земель, о выселенiи хозяевъ, объ уменьшенiи числа домохозяевъ и упраздненiи хозяйствъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ни слова правды, ибо все это ничто иное, какъ вымыселъ плодовитой фантазiи кн. Васильчикова. Оказывается, что почти всѣ эти примѣры находятся у Рошера, но не въ главѣ объ общинномъ владѣнiи, а въ той, гдѣ идетъ рѣчь о размежеванiи черезполосныхъ владѣнiй, при чемъ владѣльцы не лишаются земли, а получаютъ свою землю, нарѣзанную въ одной окружной межѣ или въ менѣе разбросанныхъ и неудобныхъ участкахъ,—при чемъ хозяйства не упраздняются, а только нѣкоторые дворы переносятся на то мѣсто, гдѣ хозяину нарѣзано принадлежащее ему количество земли. Въ 78 § Рошеръ говоритъ о *перенесенiи* (hinausgebaut) дворовъ въ Зеландiи и Познани при *сепарацiи* и при этомъ сообщаетъ, что въ Познани пришлось переносить болѣе 25%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе 50%, объясняя это бо́льшимъ правомъ, предоставленнымъ помѣщику, если онъ желалъ брать на себя издержки на перенесенiе дворовъ.

Но вѣнецъ недоразумѣнiя представляетъ послѣдній фактъ. Въ примѣчанiи къ 77 § Рошеръ говоритъ—(приводимъ для большей очевидности нѣмецкій текстъ): „In Wiblingen bei Heidelberg wurden zwar die Parcellen nur von 3400 auf 3107 vermindert, aber die 147 Anwandäcker (die quer vor den Parcellen herliegen) hörten ganz auf und statt 227 Gewannen blieben nur 65“. И такъ, нашъ великiй экспертъ по сельскому хозяйству и аграрнымъ законамъ смѣшалъ полосы въ поляхъ съ дворами и уменьшенiе дѣлянокъ вслѣдствiе округленiя участковъ—съ упраздненiемъ дворовъ и хозяйствъ и экспропрiацiей крестьянъ! Мы полагаемъ, что послѣ этого самый снисходительный читатель, готовый многое простить кн. Васильчикову, согласится, что отъ такой работы мало толку; насъ поражаетъ только одно, что такiе промахи не были замѣчены нашими учеными критиками, которые еди-

ногласно благоговѣли передъ ученостью князя Васильчикова.

Негодованіе противъ экспропріаціи крестьянъ въ Германіи не помѣшало, однако, кн. Васильчикову отнестись враждебно къ такимъ обычаямъ и мѣрамъ, которые должны были препятствовать этой экспропріаціи. Сюда относится, наприм., обычай передавать дворъ одному изъ сыновей, старшему или младшему, и запрещеніе со стороны помѣщика или правительства дробить крестьянскіе участки далѣе извѣстнаго предѣла. Очевидно, что такое обычное или закономъ предписанное установленіе заповѣдныхъ участковъ должно было въ значительной степени содѣйствовать сохраненію крестьянскаго владѣнія. Можно возражать, какъ это дѣлали различные экономисты, противъ недѣлимости крестьянскихъ участковъ съ разныхъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія справедливости, требующей равнаго раздѣленія отцовскаго наслѣдства между дѣтьми, или въ интересахъ индивидуальной и хозяйственной свободы; можно доказывать, что дробленіе участковъ въ данномъ случаѣ выгоднѣе для народнаго благосостоянія или для крестьянскаго сословія, но все это не должно помѣшать отнестись серьёзно къ вопросу о происхожденіи заповѣдности участковъ и о значеніи, которое она имѣла въ исторіи крестьянской собственности. Но подобное отношеніе къ дѣлу не по силамъ кн. Васильчикову; онъ озабоченъ только тѣмъ, какъ бы присочинить этой заповѣдности участковъ какое-нибудь ненавистное происхожденіе. Онъ готовъ для этого даже впасть въ противорѣчіе съ самимъ собой и прибѣгнуть къ различнымъ объясненіямъ. То онъ считаетъ заповѣдность участковъ исконнымъ обычаемъ Саксонцевъ, которыхъ за это возводитъ въ чистокровныхъ Германцевъ, то, забывши объ этомъ, признаетъ этотъ обычай дворянскимъ измышленіемъ, выражаясь при этомъ чрезвычайно загадочно о времени и причинахъ его происхожденія: „Вмѣстѣ съ тѣмъ, также съ давнихъ временъ *укоренилось убѣжденіе, что для прочности владѣнія необходимо, чтобы оно было заказано за родами въ преемственномъ порядкѣ наслѣдованія и это правило съ заповѣднаго вотчиннаго владѣнія было постепенно распространено*

и на крестьянскіе дворы“ (стр. 251). Слѣдствіемъ этого, по разсказу кн. Васильчикова, было установленіе какого-то чудовищнаго союза между „рыцаремъ-вотчинникомъ и крестьянином домохозяиномъ“, которые были одинаково заинтересованы въ раздѣлѣ общинныхъ земель, въ сокращеніи и упраздненіи мелкихъ хозяйствъ. Подобная риторика, конечно, гораздо легче, чѣмъ научное изложеніе дѣла. Если бы кн. Васильчиковъ имѣлъ въ виду разъяснить вопросъ, онъ долженъ былъ бы указать на то, что и заповѣдность участковъ, подобно другимъ аграрнымъ учрежденіямъ, вызывалась какъ политико-экономическими, такъ и политическими причинами и поэтому соотвѣтствовала въ свое время и при мѣстныхъ условіяхъ столько же интересамъ самихъ крестьянъ, какъ и интересу всего государства. Кн. Васильчиковъ могъ бы въ этомъ отношеніи взять примѣръ съ Рошера, указавшаго на связь заповѣдности участковъ съ культурной ступенью, занимаемой хозяйствомъ извѣстнаго народа и признавшаго, что въ подобныхъ случаяхъ это явленіе вытекаетъ изъ природы вещей и только освящается закономъ; но мы уже не станемъ упрекать кн. Васильчикова Рошеромъ, чисто-научный, объективный интересъ котораго не понятенъ для него, а укажемъ ему на писателя, который подобно ему относился полемически къ недѣлимости участковъ и тѣмъ не менѣе умѣлъ сохранить научное, серьёзное отношеніе къ дѣлу. Вотъ какъ, наприм., говоритъ о естественныхъ причинахъ, вызывающихъ заповѣдность имѣній, извѣстный Летте въ книгѣ, написанной противъ заповѣдности участковъ въ эпоху трудной политической борьбы протизъ аристократической и бюрократической реакціи въ Пруссіи: „Распредѣленіе поземельной собственности не можетъ быть произведено положительными законами и произвольно установлено; напротивъ, въ этомъ отношеніи свойство почвы играетъ важную и даже существеннѣйшую роль. Поэтому есть области, гдѣ крупныя и среднія имѣнія даже при допускаемой раздробляемости, тѣмъ не менѣе поддерживаются и остаются при прежнемъ объемѣ, гдѣ рядомъ съ крупными, подворными участками

мало или вовсе не возникаютъ мелкія владѣнія и новые дворы несмотря на то, что на ряду съ собственниками старыхъ дворовъ развивается многочисленное сословіе поденщиковъ. Это происходитъ оттого, что при твердости почвы и при способѣ обработки, обусловленномъ такимъ свойствомъ почвы, необходимо такое количество рабочаго скота, какое можетъ содержать только болѣе значительное хозяйство, или потому что возложенные на участки и часто возобновляющіеся расходы, напр. на содержаніе плотинъ, предполагаютъ такую рабочую силу, которую могутъ держать на готовѣ на случай внезапной нужды только крупные или средніе землевладѣльцы?“ *).

Если недѣлимость участковъ соотвѣтствуетъ условіямъ мѣстной обработки, то понятно, что она въ данномъ случаѣ согласна съ интересами крестьянъ и поддерживается обычаемъ даже тамъ, гдѣ обязательность ея отмѣнена закономъ. Доказательствомъ могутъ послужить различныя области Германіи и между прочимъ области, присоединенныя въ нынѣшнемъ вѣкѣ къ Виртембергу, о которыхъ Летте сообщаетъ слѣдующее: „Признано, что и по отмѣнѣ ленныхъ обязательствъ и другихъ стѣсненій поземельной собственности, глубоко вкоренившійся въ народѣ и продолжающій господствовать обычай нерѣдко препятствуетъ раздробленію земли между наслѣдниками. Крестьянинъ, правда, не совершаетъ завѣщаній, но тѣмъ чаще встрѣчается передача всего двора одному сыну по договору, заключенному еще при жизни отца (Uebergangsverträge unter Lebenden), подобно тому, что дѣлалось во всѣхъ восточныхъ провинціяхъ прусскаго государства и послѣ 1807 и 1811 годовъ, когда по совершенной отмѣнѣ заповѣдности имѣній было дозволено раздробленіе ихъ какъ между живыми, такъ и въ случаѣ смерти; то же самое встрѣчается въ Вестфаліи, во многихъ областяхъ Баваріи, въ бельгійской Фландріи, даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи“. Книга Летте, изъ которой приведено это мѣсто, написана въ 1858 году; но по болѣе но-

*) Lette. Die Vertheilung des Grundeigenthums, p. 184.

вымъ свѣдѣніямъ обычай не дѣлить дворы сталъ еще болѣе распространяться въ Виртембергѣ среди зажиточныхъ крестьянъ на счетъ противоположнаго обычая *). Замѣчательно въ этомъ отношеніи, что тамъ, гдѣ устранена крайняя черезполосность разверстаніемъ угодій въ одну окружную мѣжу, крестьяне не охотно дробятъ свои участки.

И такъ, экономическій законъ, требующій извѣстнаго соотвѣтствія между свойствомъ почвы и климата и величиной земельнаго участка, можетъ побудить владѣльцевъ предпочитать раздробленію своихъ участковъ передачу ихъ одному наслѣднику. Этимъ экономическимъ закономъ и объясняется главнымъ образомъ различіе между сѣверной и юго-западной Германіей относительно преобладанія той или другой формы владѣнія. Болѣе мягкій климатъ и свойство почвы западной и юго-западной Германіи были причиною того, что тамъ еще въ средніе вѣка развились огородничество и интенсивная обработка мелкихъ участковъ (la petite culture), способствующая раздробленію владѣній; тогда какъ въ сѣверной и особенно въ сѣверо-восточной Германіи и сельское хозяйство вообще развилось гораздо позднѣе и кромѣ того свойства климата и почвы благопріятствуютъ недѣлимости участковъ.

Но заповѣдность или недѣлимость крестьянскихъ дворовъ находится въ неменьшей зависимости отъ политическихъ причинъ. Извѣстно, что недѣлимость имѣній и переходы ихъ къ старшему въ родѣ составляютъ существенную черту феодальнаго быта и встрѣчаются вездѣ въ исторіи Европы, гдѣ государственныя учрежденія сложились подъ вліяніемъ этого быта. Когда извѣстное имѣніе дается въ пользованіе другому лицу съ обязательствомъ нести строго опредѣленную военную повинность,—напр. выставлять для войны одного вполнѣ вооруженнаго всадника, то естественно, что дробленіе такого имѣнія не можетъ быть допущено

---

*) Cobden Club Essays. Soc. Series 1871. Brodrick. The Law of Primogeniture: On the larger peasant farms the custom of Primogeniture has encroached still further on that of equal distribution.

въ интересахъ владѣльца. Такимъ образомъ, право первородства должно было установиться для всѣхъ военныхъ леновъ. Но подобныя же соображенія могли руководить владѣльцами и по отношенію къ крестьянскимъ участкамъ, несшимъ на себѣ другаго рода повинности; и здѣсь было важно сохранить цѣльность участка, чтобы дать возможность содержать на немъ извѣстное количество рабочаго скота и исполнять извѣстныя натуральныя повинности. Когда же изъ феодальнаго быта развилось государство, тогда государственная власть имѣла не рѣдко такой же интересъ, какъ и помѣщикъ, сохранять недѣлимость крестьянскихъ участковъ, такъ какъ послѣдніе несли или прямо извѣстныя повинности относительно государства, или же давали возможность помѣщику нести возложенныя на него обязанности. Оттого въ исторіи каждаго изъ нѣмецкихъ государствъ мы встрѣчаемъ до послѣднихъ лѣтъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью закрѣпить земли за владѣльцами, подобно тому, какъ прежде люди прикрѣплялись къ землѣ; въ обоихъ случаяхъ для того, чтобы имѣть исправныхъ плательщиковъ податей. Какъ намъ ни грустно разочаровывать кн. Васильчикова, мы не можемъ скрыть отъ него, что ненавистная для него форма землевладѣнія, недѣлимость участковъ и передача ихъ одному сыну, поддерживалась тѣмъ же мотивомъ, который вызвалъ при другихъ условіяхъ ту форму, которую нашъ авторъ возводитъ въ идеалъ, а именно передѣлъ земли и распредѣленіе ея по тягламъ, — и этотъ мотивъ заключался въ интересѣ государства и въ его стремленіи обезпечить за собой опредѣленный поземельный доходъ.

Однако самая колоссальная и, нельзя не прибавить, непростительная мистификація, которую дозволилъ себѣ кн. Васильчиковъ, заключается въ томъ, что онъ подвелъ подъ понятіе *обезземеленія* крестьянъ въ Германіи ту великую мѣру, которая болѣе чѣмъ всѣ другія мѣры, обычаи и учрежденія въ предшествующіе вѣка не только содѣйствовала тому, чтобъ сохранить за крестьянами пользованіе ихъ прежними участками, но превратила ихъ въ полныхъ свободныхъ собственниковъ, — мы разумѣемъ эманципацію

крестьянъ и крестьянской земли, совершившуюся въ Германіи въ теченіе нашего вѣка.

Для писателя, задавшагося цѣлью представить исторію землевладѣнія и судьбу крестьянъ въ Германіи, какъ анархическій процессъ экспропріаціи, въ которомъ господствовали только произволъ и право захвата, и старавшагося приписать „германской культурѣ“ особенную враждебность къ интересамъ земледѣльческаго сословія, — такое событіе, какъ освобожденіе крестьянъ съ землею, конечно должно казаться весьма неудобнымъ. Ибо именно оно представляло собой торжество европейской культуры, свидѣтельствовало о силѣ и значеніи философскихъ идей XVIII вѣка и было признакомъ политическаго и экономическаго успѣха, достигнутаго народами Европы въ нашемъ вѣкѣ. Но кн. Васильчиковъ не привыкъ останавливаться ни предъ какими затрудненіями, будучи обладателемъ такого зеркала, въ которомъ всякій отражающійся предметъ непремѣнно выйдетъ кривымъ. Это зеркало заключается въ его методѣ изслѣдованія и изложенія; стоитъ только удлинить нѣкоторыя черты, съузить другія—и настоящій образъ предмета становится не узнаваемъ. Такъ поступилъ кн. Васильчиковъ и съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. Урѣзавши и подкрасивши факты, онъ привелъ весь вопросъ безъ труда въ такое положеніе, что могъ безъ особеннаго риска приплести къ нему фразы объ „*экспропріаціи нѣсколькихъ милліоновъ крестьянъ — собственниковъ*“ и „предоставленіи крестьянству *умирать съ голода*“; фразы, которыя конечно никогда не преминутъ произвести извѣстное впечатлѣніе на чувствительнаго и не справляющагося съ фактами читателя.—Обзоръ эманципаціи въ Германіи занимаетъ у кн. Васильчикова всего нѣсколько страницъ, но и тутъ дѣло не обошлось безъ тѣхъ курьёзовъ, которые свидѣтельствуютъ о доступной одному кн. Васильчикову учености. Такъ напр. оказалось, что ученый авторъ не имѣетъ повидимому никакого понятія о знаменитомъ прусскомъ „Уложеніи“ 1794 года (Allgemeines Landrecht), называя его по русски „сельскимъ уставомъ“. Самый обзоръ эманципаціи составленъ вообще

по относящейся сюда главѣ извѣстнаго сочиненія Зугенгейма, изъ котораго иногда приводятся буквально нѣкоторыя мѣста, нигдѣ впрочемъ не процитованныя. Кн. Васильчикову принадлежитъ только нѣкоторая *ретушировка* заимствованныхъ мѣстъ и общаго хода разсказа. Ретушировка касается какъ общихъ причинъ, приведшихъ къ эманципаціи, такъ и характеристики послѣдняго событія и его результатовъ. У кн. Васильчикова успѣшный результатъ освобожденія крестьянъ съ выкупомъ земли представляется счастливой случайностью, слѣдствіемъ „какого-то политическаго пира въ Парижѣ“, т. е. говоря простыми словами — февральской революціи во Франціи. Между тѣмъ, кн. Васильчиковъ могъ бы почерпнуть даже изъ книги Зугенгейма убѣжденіе, что исторія эманципаціи въ Германіи помимо громаднаго вліянія, которое имѣли на нее французскія событія, находится въ тѣсной органической связи съ естественнымъ усовершенствованіемъ государственнаго устройства и во вторыхъ съ развитіемъ либеральныхъ политическихъ учрежденій. Первыя мѣры въ пользу крестьянъ въ Германіи (въ Пруссіи) были внушены чисто государственнымъ интересомъ и относятся къ началу XVIII вѣка, т. е., къ эпохѣ, когда во Франціи еще не было помина объ идеяхъ, отразившихся во французской революціи. И даже идея о необходимости освободить не только личность крестьянъ, но и предоставить имъ возможность сдѣлаться собственниками, нисколько не находится въ зависимости, не только отъ банкета 1848 года, но и вообще отъ французской революціи. Конечно, такая идея могла вполнѣ выясниться и осуществиться въ Германіи только съ устраненіемъ феодальнаго, сословнаго государственнаго строя (Ständestaat), но и она развилась совершенно самостоятельно изъ чисто государственной потребности и была сознана и высказана монархомъ, котораго никто, конечно, не заподозритъ въ пристрастіи къ принципамъ французской революціи. Съ самого восшествія своего на престолъ (1797), прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III, устно и письменно заявлялъ о своемъ намѣреніи: „освободить сельское населеніе отъ крѣ-

постной зависимости и отъ натуральныхъ повинностей въ пользу помѣщика и сдѣлать его свободнымъ самостоятельнымъ гражданиномъ“ (Staatsbürger); и осуществленіе этого намѣренія король началъ на государственныхъ доменахъ. Въ кабинетномъ указѣ 1799 года онъ вмѣнилъ управленію доменовъ въ обязанность „быструю отмѣну (Ablösung) всѣхъ барщинныхъ повинностей и превращеніе всѣхъ крестьянскихъ имѣній (Bauerngüter) въ свободную собственность“ *).

Кн. Васильчиковъ обошелъ молчаніемъ не только это сообщеніе своего руководителя Зугенгейма, но и другое замѣчаніе его о важномъ значеніи, которое имѣла эта иниціатива прусскаго короля для хода эманципаціи крестьянъ въ Германіи вообще. Извѣстно, что вслѣдствіе завоеванія Французами значительной части Германіи, здѣсь были отмѣнены всѣ повинности и учрежденія феодальной эпохи. Но реакціи противъ всѣхъ французскихъ нововведеній, которая вездѣ восторжествовала послѣ паденія Наполеона, удалось-бы провозгласить и принципъ крестьянской реформы порожденіемъ опасныхъ идей 1789 года, если бы между тѣмъ не осуществился таковой-же принципъ въ самомъ національномъ и вліятельномъ изъ нѣмецкихъ государствъ. Этимъ вліяніемъ прусской реформы объясняетъ Зугенгеймъ неудачу, которую потерпѣла бывшая имперская аристократія на Вѣнскомъ Конгрессѣ, гдѣ она пыталась отнять у крестьянъ по крайней мѣрѣ важнѣйшіе результаты, которыми они были обязаны французскому господству, если не во всѣхъ, то въ большей части государствъ „не прусской Германіи“.

Другіе слѣды княжеской кисти, подмалевавшей картину, заимствованную у Зугенгейма, замѣтны въ тѣхъ мѣстахъ, которыя касаются характеристики самаго хода эманципаціи. Кн. Васильчиковъ раздѣляетъ ее на три періода: первый, съ 1702—по 1815 годъ, онъ называетъ періодомъ прекращенія крѣпостной зависимости и возстановленія только личной вольности крестьянъ; второй съ 1815 — 48, по его мнѣнію занятъ поземельнымъ *устройствомъ* крестьянъ (Grundent-

---

*) Зугенгеймъ. Gesch. d. Aufhebung. d. Leibeigenschaft. p. 415.

lastung),—отмѣненіемъ барщинныхъ и оброчныхъ повинностей, общиннаго владѣнія, черезполосности и пр.; послѣдній, говоритъ кн. Васильчиковъ, „можетъ быть названъ выкупнымъ періодомъ, такъ какъ выкупная операція началась въ большей части нѣмецкихъ земель только послѣ революціонныхъ смутъ этого года“ (стр. 229).

Впродолженіе своего разсказа кн. Васильчиковъ особенно напираетъ на то, что „главная черта, которую онъ хочетъ выставить какъ ключъ къ уразумѣнію аграрныхъ отношеній въ Германіи есть то, что *открытіе выкупной операціи съ пособіями отъ правительства послѣдовало только въ половинѣ XIX столѣтія, когда крестьянская реформа была уже завершена* (233), и что только французская революція 1848 года „прервала мирный ходъ помѣщичьяго самоуправленія и volens nolens заставила приступить къ дѣйствительному не номинальному освобожденію крестьянъ съ правомъ собственности на земли и съ выкупомъ при помощи отъ правительства.“

Кн. Васильчиковъ придаетъ этому факту, т. е. что выкупная операція не совпала съ отмѣной повинностей, особенное значеніе; онъ этимъ объясняетъ то, что нѣмецкіе рыцари и юнкеры, пользуясь патримоніяльной властью и отстаивая принципъ невмѣшательства правительства и безполезности кредита, достигли своего разсчета и что *крестьянская реформа вездѣ въ Германіи окончилась благополучно для помѣстнаго сословія* (стр. 235).

Кн. Васильчиковъ не смущенъ тѣмъ, что ему самому пришлось привести нѣсколько фактовъ несогласныхъ съ его фразами. Такъ онъ сообщаетъ, что правительства въ Баденѣ и Гессенъ-Дармштадтѣ „въ 1831 провели мѣры, нѣсколько облегчавшія выкупные платежи, что въ 4 округахъ Вестфаліи и другихъ мѣстностяхъ Пруссіи, гдѣ добровольный выкупъ не подвигался по причинѣ бѣдности крестьянъ, основаны были кассы погашенія въ 1836, 39, 45 годахъ“. Иногда онъ приводитъ подобные факты не совсѣмъ точно; такъ напр. утверждая, что первыя мѣры къ учрежденію выкупныхъ банковъ были приняты въ Ганноверѣ въ 1841, но что открытіе послѣдовало только черезъ 10 лѣтъ въ 1851 г. Зугенгеймъ,

о которомъ кн. Васильчиковъ осторожно умалчиваетъ, говоритъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ (стр. 491), что первыми нѣмецкими государствами, позаботившимися о томъ, чтобы предоставить крестьянамъ возможность воспользоваться въ болѣе обширныхъ размѣрахъ выгодами (Segen) выкупныхъ учрежденій, были Саксонія и Кур-Гессенъ, „гдѣ таковыя учреждены уже въ 1832 году непосредственно по изданіи закона объ освобожденіи“ (Ablösungsgesetze). Первое государство, послѣдовавшее ихъ примѣру (1841), было королевство Ганноверское, причемъ однако его правительству понадобилось 10 лѣтъ, чтобы преодолѣть малодушныя сомнѣнія противъ учрежденія, основаніе котораго штаты (Landstände) предложили еще въ 1831 году“. И такъ, сомнѣнія продолжались отъ 1831 до 1841 и въ этомъ году банкъ былъ открытъ, какъ видно еще изъ того, что Баварскій банкъ, открытый въ 1848 году былъ четвертымъ въ Германіи. Но кн. Васильчиковъ нашелъ нужнымъ не обременять память читателя упоминаніемъ о банкахъ въ Саксоніи и Кур-Гессенѣ, а учрежденіе Ганноверскаго банка, для того, чтобы онъ не мѣшалъ дѣленію на періоды, перенести въ періодъ послѣ Февральской революціи.

На стр. 231 кн. Васильчиковъ разсказываетъ о медленности выкупной операціи въ Пруссіи *до 1848 года*: „въ 17 лѣтъ съ 1821 до 1838 года выкупныхъ сдѣлокъ было совершено 42,702 по 66,623 подворнымъ участкамъ, занимавшимъ пространство около 5 мил. моргеновъ, а всѣхъ душъ обоего пола, приступившихъ къ выкупу было 755,686“. Читатель, который повѣритъ кн. Васильчикову, вынесетъ изъ этого извѣстія очень смутное представленіе:—онъ подумаетъ, конечно, что эти 66 тысячъ подворныхъ участковъ принадлежали тѣмъ 755 тысячамъ душъ обоего пола, которыя приступили къ выкупу. Но по справкѣ у Зугенгейма оказывается совершенно иное: тамъ сказано, что сдѣлокъ до 1838 г. было совершено 42,702, *новыхъ* крестьянъ-собственниковъ (bäuerliche Grundbesitzer) числилось 66,623, а крестьянъ (Bauern), откупившихся отъ барщины и другихъ господскихъ повинностей—755,686. Къ чему понадобилось кн. Васильчикову изъ крестьянъ-собственниковъ сдѣлать подворные уча-

стки, а крестьянъ, откупившихся отъ барщины, переименовать въ души обоего пола? Небрежность ли это или это было нужно для мрачнаго колорита картины? Если уже изъ этихъ фактовъ, приведенныхъ самимъ кн. Васильчиковымъ изъ Зугенгейма, видно, что его характеристика эманципаціи до 1848 г. не вполнѣ вѣрна, то это еще яснѣе обнаружилось бы изъ фактовъ, имъ пропущенныхъ. Перечисляя новые законы по освобожденію крестьянъ, изданные въ 1848 году, Зугенгеймъ говоритъ (461), что существовавшіе уже прежде законы въ Саксоніи и Ганноверѣ нуждались только въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ и расширеніяхъ, чтобы удовлетворить всѣмъ справедливымъ требованіямъ. Также и въ вел. герцогствѣ Баденскомъ, гдѣ дѣло освобожденія (das Ablösungswerk) было большею частью доведено до конца, достаточно было нѣсколькихъ незначительныхъ постановленій. Но ни признанные имъ, ни опущенные имъ факты изъ исторіи эманципаціи, не помѣшали кн. Васильчикову разыграть своихъ козырей и смутить читателя слѣдующими двумя фразами, къ которымъ у него сводится общій ходъ освобожденія крестьянъ въ Германіи: что благодаря „дружному искательству реакціонерной партіи“ Германія лишилась въ періодъ эманципаціи и посредствомъ ея „нѣсколькихъ милліоновъ крестьянъ-собственниковъ“ и получила въ замѣнъ ихъ „столько же милліоновъ чернорабочихъ, пролетаріевъ и призрѣваемыхъ“ (229), и затѣмъ, „что нѣмецкое юнкерство успѣло провести крестьянскую реформу такъ ловко“, что если бы не произошла французская революція, то нѣмецкому крестьянству не осталось бы ничего.... ничего, кромѣ личной свободы и права умирать съ голода“.

Хотя въ словахъ и выраженіяхъ кн. Васильчикова обыкновенно заключается самая злая критика его собственныхъ выводовъ, но мы полагаемъ, что для болѣе полной характеристики его отношеній къ вопросу объ эманципаціи крестьянъ въ Пруссіи будетъ небезъинтересно противопоставить его сужденію объ этомъ событіи слова Ю. Ѳ. Самарина *),

*) Упраздненіе крѣпостнаго права въ Пруссіи. См. Сельское Благоустройство 1858 г. Ст. I, стр. 35.

которыя послѣдній предпослалъ своему извѣстному очерку „Упраздненіе крѣпостнаго права въ Пруссіи“: „Исторія внутренняго обновленія Пруссіи въ первой половинѣ текущаго вѣка представляетъ во многихъ отношеніяхъ явленіе отрадное и глубоко поучительное. Не говоря о коренномъ преобразованіи финансовъ, арміи и государственныхъ учрежденій въ промежуткѣ времени, обнимающемъ менѣе 50 лѣтъ (съ 1807—1852 г.) уничтожено крѣпостное состояніе, освобожденъ трудъ, упразднена барщина, пріобрѣтено крестьянами право собственности на землю, положено начало выкупу денежныхъ повинностей,—и это все исполнено безъ просвѣщеннаго насилія сверху, безъ кровавыхъ потрясеній снизу, даже безъ рискованныхъ финансовыхъ операцій, мирнымъ путемъ законодательныхъ преобразованій, глубоко обдуманныхъ и послѣдовательно проведенныхъ“.

Съ такой точки зрѣнія можно критиковать отдѣльныя мѣры, выставлять на видъ ошибки правительства и осуждать вліяніе партій и политической реакціи на исторію эманципаціи. Это точка зрѣнія человѣка, дѣйствительно познакомившагося съ обширнымъ и сухимъ матеріаломъ и способнаго охватить общій смыслъ сложнаго историческаго явленія; это не путаница дилеттанта, потѣшающаго себя и своихъ читателей тенденціозными фразами.

Приведенный выше отзывъ Ю. Ѳ. Самарина о ходѣ и общихъ результатахъ эманципаціи въ Пруссіи могъ бы послужить безъ всякой дальнѣйшей провѣрки къ осужденію кн. Васильчикова; но для болѣе нагляднаго обличенія послѣдняго автора будетъ не лишнимъ сопоставить съ его галлюцинаціями нѣсколько фактическихъ данныхъ. „Германія, возглашаетъ кн. Васильчиковъ, лишилась въ періодъ эманципаціи и посредствомъ ея нѣсколькихъ милліоновъ крестьянъ-собственниковъ и получила въ замѣнъ ихъ столько же милліоновъ чернорабочихъ, пролетаріевъ и призрѣваемыхъ“ (стр. 229) Но гдѣ же ваши факты, спросимъ мы автора, гдѣ статистическія таблицы, на основаніи которыхъ сдѣланъ такой выводъ? не прямо ли противорѣчатъ такому выводу тѣ данныя, которыя обнародованы въ послѣдніе годы тща-

тельными розысканіями аграрной статистики главнаго изъ нѣмецкихъ государствъ?—Вотъ что мы находимъ относительно этого въ капитальномъ сочиненіи Мейцена *) о сельскохозяйственномъ положеніи Пруссіи, гдѣ сведены результаты всѣхъ предшествовавшихъ статистическихъ розысканій. Таблица, которую мы имѣемъ въ виду, касается семи восточныхъ провинцій Пруссіи, гдѣ сравнительно болѣе преобладаетъ помѣщичій элементъ и гдѣ поэтому эманципація и сопровождавшія ее аграрныя реформы скорѣе могли бы имѣть тѣ послѣдствія, которыя имъ приписываетъ кн. Васильчиковъ, чѣмъ въ Рейнской Пруссіи или юго-западной Германіи. И что же оказывается изъ этой таблицы? Въ ней согласно съ принятой въ Пруссіи классификаціей крестьянскія владѣнія распредѣлены на два разряда—участки, имѣющіе упряжь для обработки поля (spannfähige bäuerliche Nahrungen) и мелкія владѣнія (Kleine Stellen). Такихъ участковъ съ упряжью было въ 1816 году въ Пруссіи, не включая Рейнской провинціи и Стральзундскаго округа—351, 607, занимавшихъ пространство въ 34,425,731 моргенъ. Въ теченіе 43 лѣтъ (до 1859 г.) при свободѣ дѣленія, дробленія и вольной продажи участковъ, предоставленной крестьянамъ, и подъ вліяніемъ тѣхъ мѣръ, которымъ кн. Васильчиковъ приписываетъ такое пагубное для крестьянъ значеніе—сепараціи, консолидаціи и пр.—общее число упряжныхъ участковъ убавилось на 6,870, а пространство, ими занимаемое, на 927,298 морг. При болѣе подробномъ разсмотрѣніи этого результата оказывается, что разрядъ упряжныхъ участковъ вслѣдствіе раздробленія (Dismembration) увеличился на 10,232 участка; вслѣдствіе регулированія и разверстанія (Eigenthumsregulirungen, Gemeinheitstheilungen и пр.) увеличился на 3,003; вслѣдствіе же консолидаціи уменьшился на 20,105, что въ результатѣ даетъ уменьшеніе на 6,870. Что же касается до пространства, то этотъ разрядъ вслѣдствіе раздробленій утратилъ 865,862 м. и вслѣдствіе консолидацій 895,779—вслѣдствіе же регулированія и разверстаній пріобрѣлъ 847,542, что даетъ въ результатѣ уменьшеніе на 927,298 морг. Изъ этого количества 468,660 м. перешли къ

*) Meitzen Der Boden etc. I Cap. XIV.

рыцарскимъ имѣніямъ, а 458,638 м. къ мелкимъ владѣніямъ. Число этихъ мелкихъ владѣній въ 1859 г. было 604,501, а пространство, ими занимаемое, составляло 4,833,826 м. Сколько ихъ было въ 1816 г. не приведено въ извѣстность и потому нельзя опредѣлить, какъ было велико среди этого разряда мелкихъ собственниковъ число хатниковъ и огородниковъ, которые утратили свою осѣдлость вслѣдствіе того, что *до 1848* года право регулированія т.-е. отвода земли въ собственность не было на нихъ распространено, а только предоставлено *пахатнымъ* участкамъ и которые не имѣли возможности послѣ 1848 г. воспользоваться обратной силой закона, предоставившаго имъ право отвода наравнѣ съ другими разрядами. Впрочемъ, ученый статистикъ, изъ сочиненія котораго мы заимствуемъ вышеприведенную цифру мелкихъ владѣній, дѣлаетъ предположеніе, что значительная часть (der weit überwiegende Theil) ихъ вновь возникла послѣ 1816 г. вслѣдствіе регулированія поземельной собственности и разверстанія общинныхъ владѣній. Къ тому же этотъ разрядъ наиболѣе выигрываетъ отъ свободы, предоставленной крестьянской собственности, ибо изъ 1,761,641 м., которые упряжные участки утратили вслѣдствіе дисмембраціи и консолидаціи (durch den freien Verkehr) двѣ трети перешли къ мелкимъ владѣльцамъ (nicht spannfähig), и только одна треть къ крупнымъ.

Вотъ что говорятъ факты въ отвѣтъ на разглагольствованія кн. Васильчикова объ „окончательномъ исходѣ крестьянскихъ реформъ“, который будто бы былъ таковъ, что „нѣсколько милліоновъ крестьянъ-собственниковъ выпущены были на волю безъ кола и двора, на голодную смерть и произволъ судьбы“ (стр. 210). Если принять во вниманіе, что реформа предоставила крестьянамъ въ Пруссіи во время эманципаціи свободу дѣленія и раздробленія земель и право выкупать лежавшія на нихъ повинности, а также и самую землю посредствомъ уступки въ пользу помѣщика одной части владѣнія *)—$^1/_3$, когда земля находилась въ на-

*) Seit dem Iahre 1816, говоритъ Мейценъ p. 498, haben die Bauernhöfe in Folge der Ausführung des Agrargesetzes sehr bedeutende Flächenverän-

слѣдственномъ, и $^1/_2$, когда она находилась въ срочномъ пользованіи крестьянъ,—то вышеприведенный результатъ за 43 года не только служитъ къ полному обличенію фразеологіи кн. Васильчикова, но и доказательствомъ, какъ мало ущерба принесла свобода крестьянскому землевладѣнію даже при неблагопріятныхъ условіяхъ.

Если мы теперь подведемъ итогъ научно-исторической дѣятельности кн. Васильчикова, то получимъ слѣдующій результатъ: исторія крестьянской собственности въ Германіи сводится у кн. Васильчикова къ исторіи ея исчезновенія, исторія крестьянъ въ его глазахъ ничто иное какъ исторія обезземеленія ихъ. Обезземеленіе это началось у кн. Васильчикова еще до начала достовѣрной исторіи и затѣмъ безпрерывно продолжалось. Обезземеливали крестьянъ варварскіе дружинники временъ Теодориха и Хлодвига, обезземеливали ихъ родовитые люди (?) временъ Карла Великаго и вслѣдъ за ними феодальные бароны среднихъ вѣковъ, обезземеливали ихъ солдатскія шайки тридцатилѣтней войны, патримоніальные господа съ помощью юристовъ и агрономовъ въ XVIII вѣкѣ, а въ нашъ вѣкъ риттергутсбезицеры при содѣйствіи государственныхъ законовъ, регулировавшихъ эманципацію крестьянъ. Могъ-ли послѣ всего этого остаться хоть одинъ моргенъ въ крестьянскомъ владѣніи и не должна ли была Германія давно покрыться тѣми латифундіями, которыя нѣкогда погубили Италію? Что же однако говорятъ факты? Въ *Пруссіи*, классической странѣ риттергутебезицеровъ, имъ принадлежитъ, какъ сообщаетъ самъ кн. Васильчиковъ (стр. 264) изъ 100 мил. моргеновъ, составляющихъ общее количество удобныхъ земель всего государства (до 1866 г.)—только $27^1/_2$ мил., а сельскимъ обществамъ (Landgemeinden) принадлежитъ 53 мил. Остальные 19 мил. приходятся на государственныя имущества (9 м.), на городскія земли (6 м.), на частныя, не дворян-

derungen erlitten, indem die Eigenthumsverleihung im Wege der gutsherrlich-bäuerlichen Regulirungen grossentheils unter Landabtretung an die Rittergüter bewirkt worden ist, auch für die Ablösung der Dienste Zehnten und anderen Reallasten häufig Landabfindungen gegeben wurden etc.

скія имѣнія (2 м.), земли церквей, школъ и пр. Или же по другой таблицѣ, сообщаемой кн. Васильчиковымъ, рыцарскія имѣнія заключали въ себѣ въ 1858 г. $27^1/_2$ мил. м., крестьянскіе тягловые участки 36 м. и крестьянскіе мелкіе участки около 5 м. морг. Въ *Саксоніи*, какъ опять таки сообщаетъ самъ кн. Васильчиковъ (стр. 294), дворянскія имѣнія занимаютъ $10^0/_0$ всѣхъ земель, а изъ остальной земли приходится $36^0/_0$ съ дробью на владѣльцевъ 3—10 акеровъ (1 Сакс. акеръ=полдесятинѣ); $60^0/_0$ съ лишнимъ на участки отъ 10—100 акеровъ и $2^0/_0$ съ дробью на участки болѣе 100 акеровъ [1]). Въ *Гановерѣ*, (кн. Вас. стр. 294) государственныя имущества занимали въ 1831 г. $4^0/_0$ всей территоріи, дворянскія $5^0/_0$; крестьянскіе подворные участки составляли $87^0/_0$ всей территоріи; а что касается до размѣра владѣній, то изъ числа 166,373 собственниковъ $46^0/_0$ владѣли участками менѣе 10 морг.; $17^0/_0$ отъ 10—20; 8 отъ 20—30; 9 отъ 30 до 50; 9 отъ 50 до 80; 10 отъ 80—200; 6 отъ 200—400 и $0{,}1^0/_0$ болѣе 400 морг. т. е. болѣе 100 десятинъ [2]).

Въ *Баваріи* на 4,600 т. жителей (1855) считалось 947,010 поземельныхъ владѣній. Въ *Виртембергѣ* на 1,600 т. жит. считалось (въ 1857 г.) 449,591 поземельныхъ собственниковъ, изъ которыхъ 283 т. имѣли менѣе 5 морг.; 73 т. отъ 5—10; 61 т. отъ 10—30; 16,795 отъ 30—50; 11,721 отъ 50 до 100; 2,895 отъ 100—200 и 718 болѣе 200 м. [3]) Такимъ образомъ изъ цифръ, приведенныхъ большею частью самимъ же кн. Васильчиковымъ видно, что несмотря на экспропріацію, продолжавшуюся почти двѣ тысячи лѣтъ—въ рукахъ нѣмецкихъ крестьянъ оказывается гдѣ половина всей земли, что самъ кн. Васильчиковъ считаетъ для Россіи нормальной пропорціей крестьянскаго землевладѣнія, а гдѣ и больше половины. Въ виду всего этого можно сказать, что кн. Васильчиковъ, напрягавшій до крайности всѣ свои историческія

---

[1]) У Legoyt. La France et l'Etranger... приведены иныя числовыя данныя относительно Саксоніи: $22^0/_0$ владѣютъ меньше 1 акра; $23^0/_0$ отъ 1—3; $20^0/_0$ отъ 3—10; $33^0/_0$ отъ 10—100 и только $1^1/_4$ больше 50 десят. [2]) Jbidem.

[3]) См. Legoyt p. 475, гдѣ впрочемъ эта таблица очевидно напечатана по ошибкѣ на выворотъ.

свѣдѣнія, чтобы доказать непрерывное обезземеленіе нѣмецкихъ крестьянъ очутился въ положеніи всадника, извѣстнаго изъ сборниковъ старинныхъ французскихъ анекдотовъ: всадникъ этотъ, не будучи въ состояніи сѣсть на лошадь, такъ усердно началъ молиться св. Георгію, что тотъ ему далъ больше силы, чѣмъ сколько нужно было, и всадникъ перескочилъ черезъ сѣдло.

Но этотъ „историческій обзоръ, съ которымъ мы познакомились, составляетъ только одинъ эпизодъ похода, предпринятаго кн. Васильчиковымъ для того, чтобъ проложить брешь въ европейскую цивилизацію. Другой эпизодъ составляетъ критика, которой кн. Васильчиковъ подвергнулъ современный аграрный бытъ Европы. Къ разсмотрѣнію этого вопроса мы теперь и перейдемъ.

Сущность аграрнаго быта Западной Европы подведена кн. Васильчиковымъ подъ формулу, что тамъ *одна половина народа обобрана другой*. Формула эта, во первыхъ, выражаетъ собою тотъ фактъ, что половина населенія въ настоящее время вовсе не владѣетъ землей. Историческій обзоръ имѣлъ цѣлью объяснить, какъ это случилось. Мы видѣли, что теперешній аграрный бытъ есть слѣдствіе вѣковой экспропріаціи, что „для скорѣйшаго и полнѣйшаго достиженія высокихъ благъ цивилизаціи одна половина, а въ нѣкоторыхъ государствахъ и болѣе двухъ третей или трехъ четвертей народа, была пожертвована другой“. (Введ., стр. XXI). Такимъ образомъ, по историческимъ соображеніямъ кн. Васильчикова, всякій Нѣмецъ или Французъ происходитъ непремѣнно отъ предка землевладѣльца, нѣкогда экспропріированнаго и потому, въ силу историческаго закона возмездія, имѣетъ право экспропріировать другихъ. Такія поползновенія, по мнѣнію нашего автора „не лишены основанія“ по крайней мѣрѣ „въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ“; особенно въ виду того, что эта экспропріація происходила подъ такими ничтожными предлогами. „Спрашивается, говоритъ кн. Васильчиковъ на той же страницѣ, можно ли требовать отъ людей, дѣды и прадѣды коихъ владѣли землей или старшіе братья коихъ и понынѣ держатъ землю, чтобъ они признали

сами собой, по чувству высшей правды и справедливости, что экспропріація ихъ и переходъ родовыхъ ихъ имѣній были необходимы для общаго преуспѣянія, для улучшенія культуры, для благоустройства современныхъ обществъ, для введенія травосѣянія, многопольнаго сѣвооборота, раціональной агрономіи вообще и пр. пр.?“

И такъ, все это густое и занятое населеніе французскихъ и нѣмецкихъ городовъ, которому Европа обязана своимъ благосостояніемъ и своей культурой, ничто иное какъ печальный плодъ экспропріаціи, предпринятой въ интересѣ кормовыхъ травъ и другихъ измышленій агрономической науки.

Но формула — одна половина народа обобрана другой — имѣетъ еще другой смыслъ, раскрываемый нашимъ авторомъ. Кн. Васильчиковъ имѣетъ въ виду доказать, что эта формула сохраняетъ свое значеніе и относительно той части населенія, которая не утратила своихъ земель. Здѣсь вліяніе экспропріаціи выражается въ *неправильномъ* и *неравномѣрномъ распредѣленіи* поземельной собственности! Бѣда въ томъ, что въ основаніи этого распредѣленія не положенъ принципъ *надѣленія всякаго рабочаго землею* согласно съ *его рабочей силой!* Вслѣдствіе этого землевладѣніе въ Западной Европѣ слишкомъ уклоняется отъ нормальнаго размѣра, то преступая нормy, то уходя ниже ея, то слишкомъ мельчая, то, напротивъ, переходя въ среднюю и крупную поземельную собственность. И такъ, главное осужденіе, которому кн. Васильчиковъ подвергаетъ распредѣленіе поземельной собственности на Западѣ сводится къ тому, что тамъ нѣтъ настоящаго крестьянскаго сословія, надѣленнаго соразмѣрно съ рабочей силой и что тамошніе крестьяне имѣютъ или слишкомъ мало земли и находятся въ состояніи бобылей, или слишкомъ много земли и перестаютъ быть крестьянами. Къ этому присоединяется другой упрекъ, что указанное зло постоянно возрастаетъ, и что крестьянскіе участки или такъ мельчаютъ, что превращаются въ пылинки, или скупаются и исчезаютъ въ крупномъ землевладѣніи. Этотъ свой критическій взглядъ кн. Васильчиковъ старается провести въ

двухъ главахъ своего сочиненія по отношенію къ Пруссіи и къ Франціи.

И здѣсь, какъ и въ цѣломъ сочиненіи кн. Васильчикова, мы имѣемъ дѣло съ шаткими и противорѣчащими фактическими или цифровыми данными, съ произвольными и несогласными между собою опредѣленіями и, наконецъ, съ ложными и тенденціозными выводами, добытыми такимъ ненаучнымъ путемъ. Однимъ изъ первыхъ условій для правильнаго заключенія о распредѣленіи поземельной собственности должно быть точное установленіе числа поземельныхъ собственниковъ и классификація ихъ по размѣрамъ владѣній. Вотъ какимъ образомъ поступаетъ кн. Васильчиковъ съ этимъ вопросомъ по отношенію къ Пруссіи.

На стр. 265 мы находимъ слѣдующую таблицу:

Владѣльцевъ (sic) имѣній перваго кл.	(болѣе 600 морг.)		18,302
втораго „	(отъ 300—600)	„	15,079
третьяго „	(„ 30—300)	„	391,596
четверт. „	(„ 5— 30)	„	617,420
пятаго „	(менѣе 5 морг.)		1,099,333

Такимъ образомъ, общее число владѣльцевъ по этой таблицѣ 2,141,730. Затѣмъ на стр. же 277 приводится показаніе экономиста Вирта, что въ Пруссіи собственниковъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ:

какъ главнымъ промысломъ. . .	761,739	жит. об. п.
и какъ побочнымъ промысломъ.	360,507	„ „ „
Всего	1,122,246	жит. об. п.

Необходимо при этомъ замѣтить, что это показаніе Вирта приведено не вѣрно, ибо послѣдній говоритъ не о жителяхъ обоего пола, а о самостоятельныхъ поземельныхъ собственникахъ, живущихъ земледѣліемъ, какъ главнымъ промысломъ,— Grundeigenthümer, welche von dem Ertrag ihres eignen Bodens als Hauptnahrungszweig lebten. Далѣе, на стр. 285, кн. Васильчиковъ говоритъ уже отъ себя, что „въ Пруссіи число крестьянъ-собственниковъ меньше (чѣмъ во Франціи) около 1 милліона, но они несравненно богаче и

самостоятельнѣе, владѣя почти половиной государственной территоріи.“

Въ виду, однако, всѣхъ этихъ данныхъ кн. Васильчиковъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „собственниковъ въ полномъ смыслѣ слова можно признать изъ сельскихъ сословій только а) рыцарей-помѣщиковъ около 12,000, и б) полныхъ хозяевъ крестьянъ около 360,000, а если считать при нихъ женъ и дѣтей по 4 души на семейство, то весь классъ землевладѣльцевъ будетъ 1,480 тыс. об. п.“ (стр. 277).

Откуда же взялось у кн. Васильчикова число 372,000 полныхъ собственниковъ? Оно получилось такимъ образомъ, что принявъ въ основаніе число владѣльцевъ, имѣвшихъ въ 1851 г. въ средней сложности отъ 100—102 морг. или 25 дес. (стр. 267), кн. Васильчиковъ прибавилъ къ нимъ 12,000 рыцарей, но откинулъ всѣ остальныя категоріи владѣльцевъ, т.-е. какъ среднихъ землевладѣльцевъ, не принадлежащихъ къ рыцарскому сословію, такъ и болѣе многочисленный классъ крестьянъ, имѣнія которыхъ ниже средняго размѣра въ 25 десятинъ, хотя и достаточны, чтобы обработка ихъ служила владѣльцамъ главнымъ занятіемъ.

Между тѣмъ относительно такъ называемыхъ „kleine ländliche Stellen“ кн. Васильчиковъ самъ поясняетъ, „что къ этому разряду въ Пруссіи относятъ всѣ такія имущества, которыя не требуютъ для обработки рабочаго скота“, и что „такимъ образомъ оказывается“, что „такъ называемые мелкіе участки“ отличаются отъ тяглыхъ „не столько по объему и доходности, сколько по способу веденія хозяйства“ (стр. 268).

А вотъ другой примѣръ того, какъ мало можно полагаться на выводы кн. Васильчикова, даже если онъ приводитъ и статистическія цифры. На этотъ разъ имѣлось въ виду доказать, что число крупныхъ имѣній возрастаетъ въ Пруссіи быстрѣе, чѣмъ число мелкихъ крестьянскихъ владѣній и что слѣдовательно крестьянская собственность поглощается помѣщичьей. Для этой цѣли кн. Васильчиковъ помѣстилъ на стр. 292 слѣдующую таблицу о движеніи поземельной собственности въ Пруссіи съ 1849 г. по 1858 годъ.

	1849.	1858.
Имѣній болѣе 600 морг. было . . .	14,696	18,211
„ отъ 300—600 „ „ . . .	13,484	15,042
„ „ 30—300 „ „ . . .	370,190	389,912
„ „ 5—30 „ „ . . .	520,499	610,177
„ менѣе 5 „ „ . . .	871,998	1,088,287

На основаніи этой таблицы кн. Васильчиковъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: число владѣній быстро и непрерывно увеличивается во всѣхъ классахъ, но, принимая во вниманіе пропорціональное ихъ отношеніе между собою, оказывается, что приращеніе идетъ быстрѣе въ 1-мъ классѣ крупныхъ владѣній и въ 5-мъ классѣ самыхъ мелкихъ, т.·е. что рядомъ съ измельченіемъ поземельной собственности „также сильно умножается и число крупныхъ имѣній въ Пруссіи.“

Кн. Васильчиковъ не указалъ, изъ какого сочиненія имъ перепечатана эта таблица. Но откуда бы онъ ее ни взялъ, ему должно быть извѣстно сочиненіе Легуа, которымъ онъ нерѣдко пользовался. И у Легуа находится упомянутая таблица, но только съ продолженіемъ, котораго нѣтъ у кн. Васильчивова, и которое очень измѣняетъ его выводъ. А именно, по вычисленіямъ за 1861 годъ число владѣній различныхъ классовъ будетъ слѣдующее: 18,289; 15,076; 391,586; 617,374; 1,099,161=2,141,486. А если выразить въ процентахъ пропорціональное приращеніе имѣній различныхъ классовъ, то получится слѣдующая таблица:

	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.
1849 г.	0,83	0,75	20,67	29,06	48,69
1858 „	0,86	0,71	18,38	28,76	51,29
1861 „	0,84	0,70	18,31	28,82	51,33

Кн. Васильчиковъ имѣлъ въ виду только первые два ряда цифръ и, сопоставивши ихъ, вывелъ отсюда слѣдующій итогъ:

Въ 1858 г. оказывается	болѣе	менѣе
I -го кл. . . .	0,04 (sic)	—
II -го „ . . .	— (sic)	0,14
III-го „ . . .	—	2,29
IV-го „ . . .	—	0,30
V -го „ . . .	2,60	—

Если же бы онъ принялъ въ разсчетъ 1861 г. и сравнилъ его съ 1858, то получилъ бы слѣдующую таблицу, противорѣчащую сдѣланному имъ выводу:

	болѣе	менѣе
I -го кл. . . .	—	0,02
II -го „ . . .	—	0,01
III-го „ . . .	—	0,07
IV -го „ . . .	0,06	—
V -го „ . . .	0,04	—

Вотъ на какихъ поверхностныхъ изслѣдованіяхъ и соображеніяхъ основаны патетическіе выводы кн. Васильчикова въ родѣ, напр., слѣдующаго разсужденія по поводу Рейнской Пруссіи гдѣ 19% земли принадлежитъ крупнымъ владѣніямъ 1-го класса, а болѣе $^2/_3$ крестьянамъ [$^1/_3$—3-му классу и болѣе $^1/_3$ ($3^1/_2$ мил. м.) двумъ низшимъ], — что „*измельченіе крестьянскихъ хозяйствъ и постепенное обезземеленіе крестьянъ происходило не отъ густоты населенія, не отъ малоземелья, а отъ неправильнаго распредѣленія недвижимыхъ имуществъ, захваченныхъ и раскупленныхъ крупными собственниками.*“ (269).

Перейдемъ теперь къ Франціи. Относительно этой страны кн. Васильчиковъ поставилъ себѣ цѣлью опровергнуть общепринятое мнѣніе, будто Франція представляетъ собою „типъ демократическаго землевладѣнія“. Чтобы доказать невѣрность этого представленія и провѣрить, „соотвѣтствуетъ ли организація поземельной собственности во Франціи этому понятію о равноправномъ (?) и мелкомъ земельномъ владѣніи“,—кн. Васильчиковъ прибѣгаетъ къ слѣдующимъ пріемамъ: онъ, во первыхъ, проводитъ мысль, что крестьянское сословіе превратилось во Франціи въ бобыльское состояніе и возглашаетъ, что „свобода привела Французское крестьянство къ такому состоянію, что изъ землевладѣльцевъ-хозяевъ они постепенно превращаются въ *бобылей* и земледѣльцевъ поденщиковъ или безземельныхъ рабочихъ“ (59).

Для подтвержденія этого мнѣнія кн. Васильчиковъ приводитъ различныя несогласныя между собою вычисленія о

количествѣ поземельныхъ собственниковъ во Франціи съ оговоркой, что въ это число включены также и такъ *называемые землевладѣльцы*, т.-е. сельскіе жители, владѣющіе домикомъ или клочкомъ земли, но на столько малоцѣннымъ, что они избавляются отъ уплаты поземельной повинности. Такъ на стр. 49 приводится вычисленіе Академіи Наукъ за 1855 г., по которому „сельскихъ владѣльцевъ“ насчитывалось 5,775,000,—вычисленіе экономиста де-Лаверня, который насчитывалъ 5,550,000 — и результатъ переписи 1851 г., показавшей 7,825,724 владѣльцевъ; а въ поясненіе къ послѣдней цифрѣ помѣщенъ разсчетъ Легуа, который насчитывалъ уволенныхъ отъ оклада владѣльцевъ 3,600,000 и городскихъ домовладѣльцевъ 1,100,000, такъ что—таково заключеніе самого кн. Васильчикова,—„показанія о числѣ землевладѣльцевъ колеблются между 3,100,000 (по Легуа) и 5,500,000 (по Лаверню)“.

Затѣмъ, однако, кн. Васильчиковъ проводитъ черту и начинаетъ доказывать, что эти общіе итоги не даютъ вѣрнаго понятія о землевладѣніи во Франціи или даже „даютъ о немъ совершенно превратное понятіе“, ибо изъ числа собственниковъ нужно исключить большую часть такихъ, владѣнія коихъ не даютъ никакого чистаго дохода. Объ этихъ неимущихъ собственникахъ затѣмъ нѣсколько разъ говорится въ дальнѣйшемъ изложеніи и кн. Васильчиковъ заставляетъ читателя забыть, что вычетъ уже произведенъ и что за вычетомъ мелкихъ и городскихъ владѣльцевъ все еще остается съ лишнимъ 3 милліона *имущихъ* сельскихъ собственниковъ.

Независимо отъ этого кн. Васильчиковъ приводитъ данныя таблицы, изъ которыхъ оказывается, что владѣльцевъ, собственность которыхъ занимала среднимъ числомъ пространство отъ 1—8 гектар. (т. е. отъ 0,91—7 дес.) было (между 1815 — 30 г.) 3,140,551; что хозяйствъ, получавшихъ отъ земли средній доходъ въ 64 фр., было — 3,600,000; что семействъ, имѣвшихъ среднимъ числомъ по 3,64 гект. (3 дес.) было — 3,900,000. Затѣмъ всѣ эти разряды „неимущихъ“ и мелкихъ собственниковъ (до 7 десятинъ на дворъ!!) спуты-

ваются вмѣстѣ и провозглашается, что выгода французскаго аграрнаго быта только *относительна*, ибо „называть собственниками, землевладѣльцами всю эту массу крестьянъ, получающихъ по 16 р. дохода съ своихъ земель и отчасти приписаннымъ къ разряду неимущихъ, такъ же неправильно, какъ называть капиталистами городскихъ рабочихъ, вкладывающихъ свои скудныя сбереженія въ сберегательныя кассы“ (стр. 52).

Съ другой стороны, кн. Васильчиковъ выдѣляетъ изъ крестьянскаго землевладѣнія, кромѣ владѣльцевъ, обладающихъ въ среднемъ выводѣ пространствомъ въ 880 гект. весь разрядъ, владѣющій участками отъ 12—62 гект. и противополагаетъ этотъ разрядъ подъ именемъ *буржуазнаго*—крестьянскому. Тутъ нужно обратить вниманіе не только на произвольность и сбивчивость такой классификаціи, такъ какъ кн. Васильчиковъ въ другомъ мѣстѣ признаетъ нормальнымъ размѣромъ крестьянскаго владѣнія во Франціи пространство отъ 10—15 гект. (т.-е. въ среднемъ выводѣ $12^1/_2$ гек.), но и то, что числа отдѣльныхъ разрядовъ не сходятся съ общею суммою землевладѣльцевъ.

Въ одной таблицѣ показано:

владѣльцевъ имѣющ. сред. чис.	880	гект.	21,456
» » » »	12—62	»	642,993
» » » »	1—8	»	3,140,551
Общая сумма всѣхъ этихъ владѣльцевъ			—3,805,000

Но тутъ же напечатаны двѣ другія таблицы съ распредѣленіемъ землевладѣльцевъ по среднему доходу и по среднему владѣнію отъ 3,64 гек. до 353, въ которыхъ общее число владѣльцевъ показано въ первомъ случаѣ въ 4,768,008, а во второмъ—въ 4,800,000.

Гдѣ же тотъ милліонъ землевладѣльцевъ, который составляетъ разницу между первой таблицей и слѣдующими двумя?

Такими противорѣчіями, пересыпанными декламаціей, кн. Васильчикову удается совершенно затемнить основной фактъ, что во Франціи, кромѣ громаднаго числа сельскихъ жителей, имѣющихъ только осѣдлость и клочекъ земли для ого-

рода, и кромѣ съ другой стороны значительнаго числа среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, существуетъ многочисленный классъ крестьянъ-собственниковъ. Мы знаемъ по опыту, какъ трудно изъ всего этого хаоса, гдѣ 3,600,000 „неимущихъ землевладѣльцевъ“ вычитываются то изъ 7, то изъ 5, то изъ 3 съ половиною милліоновъ, гдѣ эти милліоны неимущихъ сливаются въ одно съ милліонами бобылей, получающихъ не болѣе 64 фр. чистаго дохода съ земли— высвободить простой, несомнѣнный фактъ, припрятанный кн. Васильчиковымъ въ примѣчаніи, что во Франціи, слѣдуя вычисленію Макса Вирта, въ 1866 г. при 38 мил. жителей, изъ которыхъ половина жила въ городахъ, *было 3,266,705 самостоятельныхъ поземельныхъ собственниковъ*, которые жили доходомъ съ собственной земли, какъ главнымъ промысломъ (Hauptnahrungszweig.),—фактъ, который находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующей таблицѣ собственниковъ, составленной по даннымъ 1837 года, и также помѣщенной въ примѣчаніяхъ къ главѣ о французскомъ землевладѣніи (стр. 92).

Съ доходомъ не болѣе		50	фр. . . .	2,602,705
„	„	„	100 „ . . .	875,995
„	„	„	200 „ . . .	757,126
„	„	„	300 „ . . .	369,603
„	„	„	500 „ . . .	342,082
„	„	„	1,000 „ . . .	276,615
„	„	„	2,000 „ . . .	170,379
„	„	„	5,000 „ . . .	23,777
„	„	„	10,000 „ . . .	16,598
„	„	болѣе	10,000 „ . . .	6,681
				5,446,763 *)

Отсюда видно, что если откинуть всѣхъ владѣльцевъ, получавшихъ въ 1837 г. не болѣе 50 фр. чистаго дохода съ земли, то затѣмъ останется еще около 3 милліоновъ собственниковъ и если изъ этого числа исключить всѣхъ получавшихъ болѣо 500 фр., то еще остается 2,300,000 владѣль-

*) Эта таблица перепечатана съ ея невѣрнымъ итогомъ изъ Mounier p. 101.

цевъ, которыхъ по размѣру дохода нужно причислить не къ буржуазному, а къ крестьянскому сословію.

При этомъ нужно принять въ разсчетъ быстрое увеличеніе цѣнности, а слѣдовательно и доходности земель съ 1837 г. Цѣнность недвижимой собственности была опредѣлена во Франціи два раза, въ 1821 и 1851 гг. и, какъ оказалось, за эти 30 лѣтъ болѣе чѣмъ удвоилась, т.-е. съ 39 милліардовъ поднялась до 83 м.; на этомъ основаніи статистикъ М. Блокъ опредѣляетъ ея теперешнюю цѣнность въ 120 милліардовъ! Въ виду этого доходъ землевладѣльцевъ различныхъ категорій, показанный въ приведенной таблицѣ, долженъ былъ значительно повыситься и многіе мелкіе собственники, наприм., изъ категоріи—„не болѣе 50 фр.“ перейдти въ категорію отъ 50—100 и т. д.

Къ этимъ числамъ, приведеннымъ самимъ кн. Васильчиковымъ, мы считаемъ не лишнимъ присоединить еще нѣсколько данныхъ для опредѣленія количества поземельныхъ собственниковъ во Франціи. По статистическимъ изслѣдованіямъ за 1868 годъ, поземельные собственники распредѣляются на слѣдующія три категоріи:

собственниковъ воздѣл. свои влад. посред. друг. (maitre valet u régisseur).	57,639
собствен. воздѣл. свои влад. собствен. трудомъ (cultivant de leurs mains leur terre seule).	1,754,934
собствен. воздѣл. свою, а также и чужую землю. (comme fermiers, métayers et journaliers).	1,987,186
	3,799,759

По свѣдѣніямъ за тотъ же годъ насчитывалось 3,225,877 хозяйствъ (exploitations), которыя распредѣлялись по размѣрамъ слѣдующимъ образомъ: *)

Менѣе	5 гект.	1,815,558
Отъ	5—10 „	619,843
„	10—20 „	363,769

*) M. F. Block. Statistique de la France. 1875. II томъ. Chap. XII.

Отъ	20—30	гект.	176,744
„	30—40	„	95,796
„	40	„ и выше. .	154,167

Такимъ образомъ и эта таблица представляетъ намъ около милліона хозяйствъ выше 5 и до 20 гек., которыя нельзя причислить ни къ измельчавшему, ни къ *буржуазному* землевладѣнію, т.-е. тотъ милліонъ самостоятельныхъ крестьянъ собственниковъ, существованіе которыхъ текстъ кн. Васильчикова обходитъ молчаніемъ.

Но маневры кн. Васильчикова, предпринятые съ цѣлью исказить настоящее положеніе вещей, этимъ не ограничиваются. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проводитъ мысль, что преобладаніе во Франціи *буржуазнаго* землевладѣнія постепенно возрастаетъ. Доказывается это слѣдующимъ наивнымъ способомъ. До революціи, говоритъ кн. Васильчиковъ „половина территоріи Франціи принадлежала среднимъ и низшимъ классамъ, такъ что крестьянскихъ земель считалось около $^1/_4$ всѣхъ удобныхъ земель Франціи“. Теперь же „у 3 мил. мелкихъ собственниковъ, владѣющихъ отъ 1—8 гект., всего 7,450,000 гект., т -е. около $^1/_6$ всѣхъ удобныхъ земель“. Такими вычисленіями можно все на свѣтѣ доказать. Распредѣленіе половины территоріи поровну между крестьянскимъ сословіемъ и буржуазіей основано на догадкѣ и на кругломъ счетѣ. Но если бы этотъ разсчетъ былъ и вполнѣ достовѣренъ, то гдѣ же доказательство, что при этомъ распредѣленіи до 1789 г. предѣломъ между крестьянствомъ и буржуазіей было принято владѣніе 8 гект.? А безъ этого доказательства сравненіе не имѣетъ никакого смысла. Между тѣмъ на такомъ сравненіи построено увѣреніе кн. Васильчикова, что „общее пространство земель крестьянскаго владѣнія не увеличилось, или если и возросло (!), то пропорціонально гораздо менѣе, чѣмъ пространство владѣній другихъ высшихъ разрядовъ“. „*Умножилось только число среднихъ землевладѣльцевъ*, разрядъ,— имѣющій отъ 12 до 62 гект. или отъ 500 до 2,000 фр дохода, который до революціи имѣлъ не болѣе $^1/_4$ всѣхъ земель, а въ 1815—30 годахъ уже

завладѣлъ почти половиною территоріи, слишкомъ 18 м. гектаровъ. Къ нимъ, къ французской буржуазіи, перешла большая часть земель и т д " (стр. 54).

Для того, чтобы произнести эту филиппику противъ буржуазнаго владѣнія, кн. Васильчиковъ дозволилъ себѣ всевозможныя поэтическія или ораторскія вольности. Когда шла рѣчь о мелкомъ землевладѣніи, 3,64 гек. приравнились къ 64 фр. дохода, теперь 12 гек. даютъ 500 фр. дохода; далѣе всѣ владѣльцы участковъ отъ 12 гект. переименованы нашимъ авторовъ въ *буржуа*, и что не менѣе произвольно, понятіе буржуазіи, которое до 1789 г. имѣло сословное значеніе, теперь принимается у него въ смыслѣ средняго размѣра состоянія и на этомъ основаніи говорится, что буржуазія, владѣвшая до революціи $^1/_4$, теперь завладѣла почти $^1/_2$ территоріи. Наконецъ, если бы даже допустить, что всѣ владѣльцы упомянутыхъ 18 м. гект. принадлежатъ къ буржуазіи, то сумма ихъ владѣній все-таки составитъ только одну треть удобной земли во Франціи.

Затѣмъ, разсчитывая на то, что читатель среди всей этой путаницы не найдетъ никакихъ возраженій, кн. Васильчиковъ начинаетъ на этомъ фантастическомъ выводѣ строить свое обвиненіе противъ буржуазіи: „она, восклицаетъ онъ, буржуазія, а не народъ, выиграла въ великой лотереѣ французской революціи и обогатилась на счетъ дворянства, духовенства и сельскихъ общинъ". Или—„прямымъ послѣдствіемъ этого громаднаго захвата почти половины всѣхъ земель средними классами было то, что крестьянское сословіе дошло въ скоромъ времени до крайней мелкопомѣстности и черезполосности" (стр 56).

И опять-таки кн. Васильчиковъ не понялъ или исказилъ обще-извѣстный фактъ. Имѣнія духовенства и эмигрантовъ дѣйствительно были раскуплены большею частію капиталистами изъ третьяго сословія, хотя земли скупали и ими спекулировали также и сельскія общины, но неужели предметомъ спекуляціи этихъ капиталистовъ и результатомъ ея были эти скромные участки отъ 12—64 гект., которые кн. Васильчиковъ непремѣнно хочетъ признать не крестьянски-

ми, а буржуазными и выдѣлить изъ достоянія „народа“! Но если бы даже „биржевая игра“ землями создала эти владѣнія отъ 10—58 десятинъ, то виноваты-ли ихъ владѣльцы въ томъ, что „крестьянское сословіе дошло до крайней мелкопомѣстности и черезполосности“? Развѣ кн. Васильчиковъ забылъ, что, какъ онъ самъ заявилъ на 52 стр., уже въ началѣ и половинѣ XVIII ст. всѣ писатели свидѣтельствуютъ единогласно, что большая часть сельскихъ обывателей во Франціи владѣютъ такими мелкими участками, что земледѣліе не составляетъ ихъ промысла и что они больше промышляютъ садоводствомъ, огородничествомъ и заработками на сторонѣ и т. д.? Развѣ кн. Васильчиковъ не знаетъ, что у французскихъ виллановъ еще въ XIII в. господствовалъ обычай дробить всѣ участки поровну между наслѣдниками и что поэтому мелкопомѣстность и черезполосность существовали за долго до революціи?

Осуждая французское землевладѣніе за мелкопомѣстность, кн. Васильчиковъ въ то же время дѣлаетъ ему противоположный упрекъ: „въ настоящее время, говоритъ онъ, примѣрно со второй четверти этого столѣтія, происходитъ обратное движеніе, округленіе дачъ, распродажа мелкихъ крестьянскихъ дѣлянокъ и постепенная экспропріація бѣднѣйшихъ собственниковъ посредствомъ добровольной продажи или уступки ихъ полосъ смежнымъ, болѣе зажиточнымъ владѣльцамъ“ (стр. 61). Но гдѣ же доказательства и факты? На стр. 56 приводится табличка, изъ которой видно, что число полевыхъ дѣлянокъ съ 1815 по 1835 годъ уменьшилось съ 102,981,000 на 100,473,000 .Но изъ сочиненія Легуа, на которое кн. Васильчиковъ такъ часто ссылается, онъ долженъ былъ бы знать, что первая цифра совершенно гипотетическая, ибо въ 1821 г. (а не въ 1815) изъ 37,250 коммунъ только 11, 254 были кадастрованы, и вычисленіе сдѣлано приблизительно на основаніи данныхъ, представленныхъ уже кадастрованнымъ пространствомъ; о второмъ же числѣ упомянутый статистикъ говоритъ: quant au pré-

*) Legoyt. La France et l'Etranger. 1684 p. 434.

tendu chiffre, afférent à 1851, nous ne croyons pas qu il ait une origine officielle, et d'après des renseignements particuliers, il ne doit reposer que sur une simple évaluation personnelle.

Другое основаніе, приводимое кн. Васильчиковымъ, заключается въ слѣдующемъ: земельные оклады (cotes foncières) въ этомъ же періодѣ 1815—55 значительно умножились по всѣмъ категоріямъ, но гораздо менѣе по крупнымъ окладамъ, чѣмъ по мелкимъ: первыхъ, выше 1,000 фран., прибыло на 5,205,411, только 245,169 или 4,5% послѣднихъ, менѣе 5 фр., прибыло на 13,361, всего 2,985 или 22,4%" (стр. 59).

Это мѣсто представляетъ образчикъ всевозможныхъ несообразностей. Кн. Васильчиковъ оказывается здѣсь и небрежнымъ литераторомъ, у котораго цифры произвольно перелезаютъ изъ одной строки въ другую, искажая смыслъ, и небрежнымъ изслѣдователемъ, дѣлающимъ произвольные выводы, противорѣчащіе фактамъ. Откуда именно кн. Васильчиковъ заимствовалъ приведенныя цифры, имъ перепутанныя, онъ по обыкновенію не говоритъ. Мы нашли ихъ въ статьѣ Воловскаго *), который совершенно отчетливо говоритъ, что разсчетъ о движеніи земельныхъ окладовъ сдѣланъ Ипполитомъ Пасси за время отъ 1835—42 года, и что такихъ разсчетовъ не существуетъ за болѣе ранній періодъ. Изъ таблицы, составленной Пасси, видно, что за упомянутые 7 лѣтъ земельные оклады всѣхъ 9 категорій (ниже 5, 10, 20, 30, 50, 100, 500, 1000 и выше 1000 фр.) умножились и притомъ въ почти непрерывно возрастающей прогрессіи, т.-е. число окладовъ ниже 5 фр. возросло противъ прежняго на 4,52%; число окладовъ отъ 5 до 10 фр. возросло меньше, на 3,30%; но затѣмъ прогрессія ростетъ до послѣдней категоріи—свыше 1000 фр., которая возросла на 22%. Но слѣдуетъ ли отсюда, что мелкая собственность поглощается крупной? вѣдь и число мелкихъ окладовъ возросло, но только не въ одинаковой степени. Общее возрастаніе всѣхъ окладовъ, особенно крупныхъ, можетъ быть объяснено раз-

*) Wolowsky: De la Division du Sol. Revue des Deux Mondes 1857.

личными причинами: постройкой новыхъ домовъ преимущественно въ городахъ, устройствомъ фабрикъ и заводовъ на купленныхъ для этого участкахъ, повышеніемъ доходности раздѣленныхъ участковъ и пр. Но предположимъ, что изъ этого неравномѣрнаго увеличенія числа высшихъ окладовъ можно заключить, что за періодъ отъ 1835 по 42 годъ число среднихъ и крупныхъ собственниковъ быстрѣе росло, чѣмъ число мелкихъ; не слишкомъ ли поспѣшилъ кн. Васильчиковъ своимъ возгласомъ, что во Франціи происходитъ распродажа мелкихъ крестьянскихъ дѣлянокъ и постепенная экспропріація бѣднѣйшихъ собственниковъ? Если бы кн. Васильчиковъ читалъ тѣ книги, которыя онъ помѣщаетъ въ числѣ своихъ источниковъ, или подумалъ, что и другіе ихъ могутъ прочесть, онъ осторожно воздержался бы отъ своей филиппики. У Легуа онъ могъ бы найти продолженіе таблицы, выведенной Пасси за 7 лѣтъ и изъ этого продолженія, доведеннаго до 1859 г., оказался бы совершенно противоположный результатъ.

Въ 16-лѣтній періодъ, съ 1842 по 1858 годъ, не крупные, а мелкіе оклады быстрѣе увеличились въ числѣ, и пропорція возрастанія крупныхъ и среднихъ окладовъ не только значительно уменьшилась, но категоріи отъ 30 до 50, отъ 100 до 300, отъ 300 до 500, отъ 1000 и выше потерпѣли замѣтную убыль. Такъ категорія отъ 30 до 50 фр. убавилась съ 784,911 до 758.876, т.-е. на 0,21%; категорія отъ 100 до 300 убавилась съ 375,865 до 368,631, т.-е. на 0,12%; категорія отъ 300 до 500 убавилась съ 64,244 до 59,842, т.-е. на 0,46; и наконецъ категорія свыше 1000 убавилась съ 16,346 на 15,870, т.-е. на 0,18%. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія кн. Васильчикова нужно бы признать во Франціи съ 1842 года распродажу буржуазныхъ и дворянскихъ земель и экспропріацію богатѣйшихъ собственниковъ посредствомъ уступки ихъ участковъ менѣе зажиточнымъ владѣльцамъ. Вотъ какимъ способомъ поступаетъ кн. Васильчиковъ при разрѣшеніи главныхъ фактическихъ вопросовъ, касающихся французскаго землевладѣнія—установленія числа собственниковъ различныхъ категорій и опредѣленія того, которая изъ этихъ категорій

увеличивается на счетъ другой; а такому произвольному обращенію съ фактами совершенно соотвѣтствуютъ произволъ и натяжка въ выводахъ. Во первыхъ, для того, чтобы провести свой тезисъ о неправильности распредѣленія поземельной собственности въ Пруссіи и во Франціи, кн. Васильчиковъ прибѣгаетъ къ различнымъ пріемамъ. Въ Пруссіи онъ признаетъ крестьянами только тѣхъ землевладѣльцевъ, которые имѣютъ среднимъ числомъ не менѣе 100 морг., т. е. упряжныхъ,—остальныхъ же онъ считаетъ бобылями; во Франціи, напротивъ, онъ причисляетъ къ крестьянству только категорію мелкихъ владѣльцевъ отъ 1—8 г. (7,30 дес.); владѣльцевъ жеимѣній отъ 12 гект. и выше причисляетъ уже къ буржуазіи и изъ всего этого дѣлаетъ выводъ, что французскіе крестьяне превращены въ бобылей.

Затѣмъ, кромѣ этого противорѣчія сама классификація, принятая кн. Васильчиковымъ по отношенію къ мелкимъ землевладѣльцамъ, т.-е. распредѣленіе ихъ на крестьянъ и буржуа, страдаетъ отсутствіемъ вѣрнаго основнаго принципа и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Это ничто иное, какъ подведеніе конкретныхъ и разнообразныхъ явленій экономической жизни подъ мертвыя формулы и политическія клички, придуманныя для совершенно иного рода отношеній.

Наконецъ, самое понятіе о нормальномъ крестьянскомъ владѣніи есть фантастическая мечта, не приложимая къ экономическимъ и соціальнымъ условіямъ дѣйствительной жизни.

Кн. Васильчиковъ считаетъ нормальнымъ или, какъ онъ выражается, крестьянскимъ владѣніемъ только такое, которое по своему размѣру соотвѣтствуетъ среднему размѣру рабочихъ силъ одной семьи. Пропорцію эту онъ для Франціи опредѣляетъ пространствомъ отъ 10—15 гект. Но такимъ образомъ онъ признаетъ не нормальными всѣ тѣ участки, которые ниже этой нормы, хотя тѣмъ не менѣе по различнымъ условіямъ, по способу обработки, по характеру воздѣлываемыхъ продуктовъ, по близости къ выгоднымъ мѣстамъ сбыта—совершенно достаточны для того чтобы дать за-

нятіе семьѣ и прокормить ее. Кн. Васильчиковъ другими словами отвергаетъ всю систему интенсивной обработки мелкихъ участковъ—la petite culture,—которая имѣетъ такое громадное значеніе въ экономической жизни Франціи. Развитію этой системы Франція въ значительной степени обязана своимъ экономическимъ процвѣтаніемъ. Тогда какъ цѣнность крупной собственности возросла тамъ не болѣе какъ на половину, цѣнность мелкой раздробленной собственности увеличилась втрое и вчетверо *).

Въ критическомъ разборѣ книги кн. Васильчикова не представляется удобнымъ входить въ подробное изслѣдованіе объ экономическомъ значеніи и объ относительныхъ выгодахъ мелкой собственности; — вопросъ этотъ отлично **) разобранъ во множествѣ экономическихъ сочиненій—мы хотѣли только указать на то, что понятіе „о нормальномъ владѣніи“ идетъ на перекоръ одному изъ важнѣйшихъ интересовъ земледѣльцевъ, которые въ густо населенныхъ областяхъ могутъ извлекать звачительную выгоду и изъ очень мелкой собственности и интересъ которыхъ поэтому требуетъ свободнаго дѣленія и дробленія поземельной собственности; съ другой стороны это понятіе о нормальномъ владѣніи совершенно не совмѣстно съ потребностями самого земледѣлія, такъ какъ количество труда, приложимаго съ выгодой къ извѣстному пространству земли, очень различно и отъ этого различія зависитъ и видоизмѣненіе „нормальности“ владѣ-

---

*) Wolowsky. De la Division du Sol. Rev. d. Deux Mondes. 1857.

**) Литература этого вопроса отчетливо изложена въ 22 главѣ книги Легуа, гдѣ приняты также во вниманіе нѣкоторыя сочиненія нѣмецкихъ экономистовъ, къ которымъ мы считаемъ нужнымъ прибавить Lette, Die Vertheilung d. Grundeig. 1858 и Reichensperger, Die Agrarfrage 1847. Въ послѣднемъ приведенъ любопытный примѣръ сравненія крупной и мелкой собственности. Близь Кобленца находятся два острова: одинъ въ 306 морг. составляетъ одно имѣніе и обработывается фермеромъ съ помощью 12—15 батраковъ и столькихъ же поденщиковъ по мѣрѣ надобности; второй въ 626 морг. воздѣлывается 727 жителями помѣщающимися въ 132 домахъ. Чистый доходъ перваго по кадастру составляетъ 1056 тал. съ земли и 50 съ строеній; втораго—2524 и 647; на первомъ 30 штукъ рогатаго скота, 200 овецъ и 6 свиней; на второмъ 126 ш. рогатаго скота, 50 свиней, 60 козъ, т. д. стр. 121.

нія. Еще Колумелла привелъ примѣръ, что владѣлецъ виноградника далъ своей дочери въ приданое третью часть владѣнія и тѣмъ не менѣе получалъ съ оставшейся ему части тотъ же доходъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ выдѣлилъ другой дочери еще одну треть и съ оставшейся ему трети получалъ почти такой-же доходъ, какъ нѣкогда съ цѣлаго владѣнія.

На этой-то возможности прилагать къ землѣ съ выгодою различное количество труда и капитала, смотря по различію почвы, климата, сбыта и цѣнности продуктовъ—основана также относительная выгода крупной, средней или мелкой эксплуатаціи земли и преобладаніе ея въ извѣстной мѣстности. Есть сельскія произведенія, которыя съ выгодой могутъ быть доставляемы только мелкой культурой и наоборотъ. Но если такимъ образомъ единица „нормальнаго владѣнія“ есть величина измѣнчивая вслѣдствіе ея зависимости отъ сельско-хозяйственныхъ условій, то съ другой стороны она не можетъ быть опредѣлена и регулирована еще и потому, что принятая норма будетъ ежеминутно нарушаема и измѣняема движеніемъ семейной и экономической жизни, раздѣленіемъ и продажей. Слѣдовательно, для того чтобы идея кн. Васильчикова о нормальномъ надѣлѣ по рабочей силѣ, какъ условіи правильнаго *распредѣленія поземелиной собственности*, получила какой нибудь опредѣленный смыслъ, перешла бы изъ области фразы на почву дѣйствительности,—для этого необходимо было бы прежде всего уничтожить всякую поземельную собственность и крупную, и среднюю, и мелкую, и общинную, и предоставить государству опредѣлять для каждой мѣстности особый нормальный надѣлъ и распредѣлять землю согласно съ этой нормой между рабочими силами. Другими словами, для этого необходимо было бы превратить государство въ одну громадную латифундію и распредѣлить жителей на два класса—прикащиковъ и мелкихъ пожизненныхъ или даже срочныхъ арендаторовъ, т. е. создать нѣчто такое, что едва ли когда нибудь представлялось даже самой необузданной фантазіи какого-нибудь египетскаго фараона. А кн. Васильчиковъ, авторъ „Самоуправленія“, пренаивно воображаетъ,

что такой порядокъ вещей есть идеалъ *истинной демократіи*. Онъ старается доказать, „что настоящее положеніе землевладѣнія во Франціи“ не соотвѣтствуетъ „общепринятому мнѣнію, будто бы аграрное положеніе Франціи есть чисто демократическое, обезпечивающее большинству жителей поземельную собственность“ (стр. 70).

Но кто же и когда въ этомъ смыслѣ понималъ демократію? Кто ставилъ французской демократіи требованіе, чтобы она обезпечила большинству жителей поземельную собственность? Да и возможно ли это? Если срыть съ лица земли всѣ французскіе города, уничтожить всѣ фабрики, срубить всѣ лѣса и сады, обратить французскую республику въ военное поселеніе Аракчеевскихъ временъ и распредѣлить территорію Франціи между ея жителями по нормѣ, установленной кн. Васильчиковымъ, то и тогда только 4,200,000 *) семействъ получили бы нормальный надѣлъ въ $12^1/_2$ гект., т.-е. 16,000,000 жителей,—бо́льшая же половина Французовъ осталась бы не только безъ надѣла, но и безъ осѣдлости и могла бы искать себѣ новыхъ жилищъ и надѣловъ по рецепту кн. Васильчикова—въ эмиграціи.

Таковъ ли идеалъ, который носится передъ воображеніемъ кн. Васильчикова, когда онъ располагаетъ въ своихъ мечтахъ судьбою Франціи? А если нѣтъ, то къ чему это требованіе отъ французской демократіи, чтобы она обезпечила большинство жителей поземельной собственностью? Къ чему эти возгласы противъ неправильнаго распредѣленія собственности въ современной Франціи и эти упреки въ буржуазномъ характерѣ собственности? Послѣдній упрекъ особенно характеристиченъ для кн. Васильчикова и для объясненія его точки зрѣнія. Онъ признаетъ *буржуазнымъ* всякое владѣніе, превышающее рабочую силу семьи и выдѣляетъ буржуазію изъ народа, даже противополагая ее народу и демократіи. Кн. Васильчиковъ не принимаетъ въ соображеніе, что съ этой точки зрѣнія онъ признаетъ не-

*) Во Франціи послѣ послѣдней войны около 52,800,000 гект.; до войны было около 54,300,000.

обходимость труда и въ тоже время отвергаетъ плодъ его, ибо какъ скоро трудъ поднялъ благосостояніе семьи надъ уровнемъ того положенія, при которомъ ежедневнымъ трудомъ покрываются только насущныя потребности, эта семья выбрасывается изъ народа и результаты ея труда признаются захватомъ народнаго достоянія и экспропріаціей другихъ жителей.

Употребленіе слова буржуазія въ этомъ отдѣльномъ отъ народа и враждебномъ народу смыслѣ понятно только съ соціалистической точки зрѣнія. Вражда приверженцевъ соціализма къ буржуазіи—покрайней мѣрѣ большинства рабочихъ, примкнувшихъ къ соціализму — происходитъ отъ того, что каждый изъ нихъ желаетъ именно сдѣлаться буржуа, т.-е. собственникомъ, стремится обставить свой трудъ такими условіями, чтобы онъ скорѣе достигъ желаннаго результата—собственности. Впрочемъ, откуда бы ни происходило это негодованіе и какъ бы оно ни было нелогично,—оно служитъ однимъ изъ орудій, однимъ изъ военныхъ кликовъ современнаго соціализма и изъ его лагеря заимствовано кн. Васильчиковымъ. Но что для соціалистовъ есть оружіе, то для нашего автора служитъ побрякушкой; что для нихъ является серьёзнымъ дѣломъ,—то для него лишь княжеская забава, великосвѣтскій *спортъ*. Кн. Васильчиковъ дилеттантъ во всемъ, онъ дилеттантъ и въ соціализмѣ. Его настолько можно считать соціалистомъ, на сколько можно назвать тамплiеромъ или доминиканцемъ юношу, надѣвшаго для опернаго маскарада соотвѣтствующій костюмъ. Кн. Васильчиковъ пугаетъ или прельщаетъ своихъ читателей маской соціализма, но за этой маской скрывается другая,—подъ рабочей блузой соціалиста надѣтъ бархатный, славянофильскій кафтанъ.

Отыскивая себѣ обсерваторію, чтобы съ ея вершины дѣлать свои наблюденія надъ историческою жизнью народовъ и поучать правовѣрныхъ, кн. Васильчиковъ взобрался, самъ того не замѣчая, на столпъ, сотворенный вождями западныхъ соціалистовъ для своихъ цѣлей. Его „исходный пунктъ“ и „руководящее положеніе“ совпадаютъ слово въ слово съ

парадоксами, съ помощью которыхъ приверженцы соціализма проводятъ въ обществѣ свои тенденціозныя воззрѣнія на исторію. Воззрѣнія кн. Васильчикова отличаются отъ послѣднихъ только своимъ дилеттантическимъ характеромъ; т.-е , обладая меньшимъ знаніемъ фактовъ и бо́льшею наивностью, нашъ авторъ не такъ искусно скрываетъ односторонность своей точки зрѣнія и чаще попадаетъ въ противорѣчіе съ фактами. Разсказывая *сказку* съ чужихъ словъ, онъ увлекается своею ролью и иногда присочиняетъ къ ней конецъ и этимъ портитъ дѣло, ибо все искусство заключалось въ томъ, чтобы не досказать сказки и этимъ сохранить иллюзію. Въ справедливости нашихъ замѣчаній убѣдится всякій, кто сколько - нибудь знакомъ съ соціалистической литературой и съ *жаргономъ* писателей этого направленія, когда они находятъ нужнымъ искажать прошедшее для исправленія настоящаго. Но въ интересѣ читателей менѣе посвященныхъ въ этотъ вопросъ мы приведемъ въ краткомъ извлеченіи нѣкоторые историческіе тезисы главнаго вождя современнаго нѣмецкаго соціализма. Какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ нѣмецкихъ публицистовъ, отличительную черту нѣмецкаго соціализма составляетъ оттѣнокъ научной окраски, который онъ старается сохранить даже въ самыхъ грубыхъ своихъ проявленіяхъ. И ученые вожди нѣмецкаго соціализма, Лассаль и Марксъ (Wissenschaftliche Feinschmecker, какъ называетъ ихъ Бамбергеръ) и мало образованные адепты ихъ въ родѣ бывшаго переплетчика Мо́ста, всѣ считаютъ необходимымъ представить на пользу дѣла свою философію исторіи, конечно весьма различную смотря по учености и таланту автора. Кн. Васильчиковъ, столь враждебно относящійся ко всѣмъ плодамъ нѣмецкой культуры, не сознаетъ того, что это кокетничанье съ наукой со стороны самыхъ злыхъ ея враговъ есть одинъ изъ самыхъ нездоровыхъ плодовъ этой культуры и имъ-то именно онъ съ наслажденіемъ питается.

Вотъ нѣсколько историко-философскихъ положеній, заимствованныхъ нами изъ послѣдней главы извѣстнаго сочиненія Маркса „Капиталъ“:

„Въ дѣйствительной исторіи, какъ извѣстно, главную роль (die grosse Rolle) играютъ завоеваніе, покореніе, грабежъ съ убійствомъ (Raubmord).

„Исходнымъ пунктомъ развитія (современнаго гражданскаго общества) было порабощеніе рабочаго. Дальнѣйшее развитіе заключалось въ видоизмѣненіи этого порабощенія. Экспропріація и обезземеленіе рабочаго составляютъ основу всего историческаго процесса".

И у Маркса фигурируетъ *историческій законъ возмездія* и исторія низводится на средство оправдать притязанія демагоговъ. „Часъ капиталистической частной собственности пробилъ. Экспропріаторы будутъ экспропріированы... Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народной массы немногими узурпаторами, здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи узурпаторовъ народною массою".

Общіе исходные пункты влекутъ за собой и общіе пріемы при изслѣдованіи предмета и одинаковое отношеніе къ исторіи и политической экономіи. „Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ чисто экономическія причины аграрнаго переворота. Мы интересуемся (fragen nach) только насильственными рычагами его". „XVIII вѣкъ, однако, еще не дошелъ до такого пониманія тождества между политической экономіей и бѣдностью народа, какъ XIX вѣкъ"

Правда, кн. Васильчиковъ не во всѣхъ случаяхъ идетъ по стопамъ своего оригинала. Марксъ называетъ Маколея „систематическимъ исказителемъ исторіи",—„Geschichtsfälscher" и обвиняетъ его въ томъ, что онъ „урѣзываетъ" неподходящіе ему факты. Кн: Васильчиковъ цитуетъ Маколея безъ всякаго замѣчанія и обвиняетъ въ пристрастномъ искаженіи дѣла только нѣмецкую науку. За то нашъ авторъ взялъ на себя задачу, на которую не рѣшился даже Марксъ. Послѣдній примѣнилъ свою теорію экспропріаціи только къ исторіи Англіи, гдѣ крестьяне почти не владѣютъ землею: кн. Васильчиковъ же смѣло приложилъ идею Маркса ко всей западной Европѣ!

Этихъ выписокъ достаточно, чтобы указать на оракулъ, откуда кн. Васильчиковъ заимствовалъ пророческій духъ—

раскрывать тайны прошедшаго и угадывать будущее. Но этимъ указанъ только одинъ источникъ; другой источникъ—туземный, доморощенный, не заимствованный у нѣмецкой культуры—это славянофильство.

Славянофильствующая тенденція—ибо кн. Васильчикова по многимъ причинамъ нельзя причислить собственно къ славянофиламъ — проявляется у кн. Васильчикова, во первыхъ, въ предполагаемомъ имъ *антагонизмѣ* между культурнымъ развитіемъ Россіи и цивилизаціей Западной Европы и во вторыхъ, въ томъ, что онъ признаетъ общинное владѣніе землею исконною и особою принадлежностью *славянской расы*. Возводя общинное землевладѣніе въ учрежденіе, свойственное славянской расѣ и сохранившееся у великорусскаго племени только потому, что туда не проникла европейская или, какъ любитъ выражаться кн. Васильчиковъ—германская культура, нашъ авторъ впадаетъ въ двойную ошибку: онъ отрицаетъ то, что признано и доказано наукой и выдаетъ за фактъ то, чего нельзя научнымъ образомъ доказать.

Даже тѣхъ книгъ, которыя поименованы у кн. Васильчикова въ числѣ источниковъ, было бы достаточно, чтобы его убѣдить, что общинное владѣніе землею, т.-е не только такое, при которомъ одни выгоны и лѣса находятся въ общинномъ владѣніи, но общинное владѣніе всею пахатною землею, исключающее личное и наслѣдственное владѣніе землею, существовало и у Германцевъ временъ Цезаря и Тацита;—далѣе, что общинное владѣніе, исключающее въ предѣлахъ общины личную поземельную собственность, встрѣчалось и встрѣчается въ отдѣльныхъ случаяхъ въ различныхъ странахъ и на различныхъ степеняхъ культуры — наприм., на островѣ Явѣ еще и теперь,—или какъ остатокъ системы владѣнія, нѣкогда болѣе распространенной или какъ учрежденіе, вызванное особыми мѣстнымм условіями земледѣльческаго быта—(напр., тамъ, гдѣ плодородіе отдѣльныхъ участковъ зависитъ отъ устройства и поддержки общаго орошенія, которое требуетъ такого труда и такихъ затратъ, что онй превышаютъ силы отдѣльнаго владѣльца и могутъ быть произведены только цѣлой общиной.

Съ другой стороны, утверждая, что общинное землевладѣніе—съ надѣломъ каждаго члена общины землею, сообразно съ рабочей силой его семьи — существовало у всѣхъ славянскихъ племенъ, пока не было вытѣснено германскою культурой, кн. Васильчиковъ выдаетъ за основной фактъ *гипотезу*, которая находится въ противорѣчіи съ многими историческими и современными данными. Кн. Васильчикову прежде всего должно было быть извѣстно, такъ какъ объ этомъ говоритъ въ своей книгѣ Лавеле, какъ мало общаго съ велико-русской поземельной общиной представляетъ та форма землевладѣнія, которая составляетъ еще и въ наше время характеристическую особенность аграрнаго быта южныхъ Славянъ и которая, безъ сомнѣнія, въ старину была между ними еще болѣе распространена, а быть-можетъ даже исключительно господствовала. Это такъ - называемая „задруга“ *). Задруга есть большая, нераспавшаяся семья изъ 10 — 20 членовъ, которая владѣетъ *нераздѣльно* своей поземельной собственностью. Въ видѣ исключенія встрѣчаются задруги изъ 50—60 членовъ; поземельные участки имѣютъ въ среднемъ размѣрѣ отъ 12 до 25 десятинъ. Эти семейные участки воздѣлываются членами задруги сообща подъ управленіемъ старѣйшаго по лѣтамъ или избраннаго главы задруги (старшины или господаря). Старшина распредѣляетъ работы, съ согласія родичей, продаетъ то, что не нужно задругѣ и распоряжается ея имуществомъ и казной, отдавая въ этомъ отчетъ ея членамъ. Когда задруга становится слишкомъ многочисленна, она раздѣляется и образуетъ изъ себя двѣ отдѣльныя семьи или задруги. Впрочемъ, семьи разростаются не слишкомъ быстро; многіе изъ молодыхъ людей выбываютъ изъ задруги, уходя въ городъ или въ военную службу; посторонніе вообще не допускаются къ участію въ задругѣ, развѣ изрѣдка принимаются въ нее мужья дочерей членовъ задруги, когда недостаетъ рабочихъ рукъ.

---

*) Aujourd'hui elles forment encore la base de l'organisation agraire chez tous les Slaves méridionaux, depuis les bords du Danube jusqu'au delà des Balkans, говоритъ о задругахъ Лавеле. De La Proprieté p. 203.

Земля, какъ выше сказано, *воздѣлывается сообща* а также и плодами всѣ пользуются вмѣстѣ — въ общемъ хозяйствѣ, или же плоды распредѣляются поровну между отдѣльными хозяйствами. Но кромѣ того, каждому хозяйству обыкновенно выдѣляется на годъ изъ общаго поля особый маленькій участокъ для посѣва конопли или льна. Такіе участки предоставляются въ исключительное пользованіе отдѣльныхъ хозяйствъ, точно также каждому члену задруги принадлежитъ исключительно то, что онъ заработаетъ ремесленнымъ трудомъ. Такимъ образомъ *задругари* могутъ накопить себѣ отдѣльное имущество и держать отдѣльно корову или нѣсколько овецъ, которыя пасутся съ общимъ стадомъ.

Мы описали нѣсколько подробно южно-славянскую *задругу* для того, чтобы яснѣе выставить на видъ ея характеристическія черты и отличія отъ велико-русскаго общиннаго землевладѣнія.

И задруга *) есть маленькая земледѣльческая община, но ея члены владѣютъ землею *нераздѣльно*, обработываютъ ее *общимъ трудомъ* и *дѣлятъ плоды* своего земледѣльческаго труда. А именно все это кн. Васильчиковъ считаетъ противорѣчащимъ общинному землевладѣнію и измышленіемъ западнаго коммунизма!

„Общее пользованіе, восклицаетъ онъ на стр. 732, общинный трудъ, вольная ассоціація, дѣлежъ продуктовъ и заработковъ между членами общества — таковы главныя основанія новѣйшихъ коммунистическихъ вымысловъ. *Нашему крестьянскому быту эти принципы не только чужды, но и противны по существу. Нашъ русскій міръ имѣетъ въ виду не общее владѣніе и пользованіе, а напротивъ общее право на надѣлъ каждаго* домохозяина отдѣльнымъ участкомъ земли; обработка сообща и дѣлежъ продуктовъ, хлѣба или сѣна въ натурѣ, при уборкѣ никогда не были въ обычаѣ русскаго крестьянства и совершенно противны мірскому быту“.

А именно эта форма землевладѣнія —*противная велико-рус-*

---

*) Задруга называется также дружествомъ, а дружество значитъ также общество въ смыслѣ ассоціаціи.

скому мірскому быту—не только существуетъ въ наше время у южныхъ Славянъ, но въ древнѣйшую эпоху существовала, по мнѣнію одного изъ главныхъ славянскихъ историковъ, *у бо́льшей части славянскихъ племенъ*. По крайней мѣрѣ, относительно Чеховъ Палацкій считаетъ возможнымъ *доказать положительнымъ образомъ* существованіе этой формы въ эпоху, предшествовавшую всякому германскому вліянію.

„Главную массу народа, говоритъ онъ, составляли свободные землевладѣльцы“ (zemane, dědinnici). „Древній Чехъ, древній Славянинъ вообще строилъ свой домъ среди принадлежащихъ ему въ собственность земель (дѣдины). Его потомки владѣли отцовскимъ наслѣдствомъ сообща и нераздѣльно, иногда въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній; если отцовскій домъ не вмѣщалъ въ себѣ разросшееся число ихъ, то по сосѣдству выстроивали новые дома и такимъ образомъ возникали самыя древнія чешскія деревни, число которыхъ было также велико, какъ ихъ объемъ малъ, такъ какъ всѣ обитатели ея первоначально составляли одну семью„. Но кромѣ этихъ свободныхъ владѣльцевъ дѣдиной земли, въ древней Чехіи были и крупные землевладѣльцы — *лехове* или княжескіе роды, а съ другой стороны классъ „беззе-мельныхъ людей“, который распадался на разряды свободныхъ и несвободныхъ (Freie und Hörige), какъ и въ Германіи *).

Съ другой стороны кн. Васильчиковъ могъ бы узнать изъ своихъ „источниковъ“, что совершенно такія же *задруги*, какія описываются современными путешественниками среди придунайскихъ и балканскихъ Славянъ, а историками приписываются большей части древнихъ славянскихъ племенъ, существовали подъ именемъ communautés de famille въ большомъ количествѣ въ средневѣковой Франціи и встрѣчаются въ ней еще и теперь, несмотря на разрушительное для нихъ вліяніе законодательства съ 1789 года. Одна изъ такихъ семейныхъ общинъ, описанная въ 1840 г., владѣла имѣніемъ, стоившимъ болѣе 200,000 фр. и ея старшина

---

*) Palacky. Geschichte v. Böhmen. I p. 168.

(maitre) хранилъ у себя владѣнные акты, восходившіе до XV вѣка.

Въ грустное раздумье относительно его *историческихъ основъ* привело бы кн. Васильчикова точно также болѣе близкое знакомство съ древнѣйшимъ бытомъ прибалтійскихъ Славянъ до германскаго вторженія. Одинъ изъ послѣднихъ ученыхъ изслѣдователей этого вопроса, очень расположенный вездѣ находить или предполагать у Славянъ общинное землевладѣніе, пришелъ относительно главныхъ балтійскихъ племенъ къ совершенно неожиданному для себя результату и не безъ разочарованія признался, что уже не нашелъ у нихъ того, чего онъ искалъ *): „Странное явленіе встрѣчаетъ насъ здѣсь: казалось бы — отсталые въ своей общественной культурѣ и въ государственномъ объединеніи отъ другихъ родственныхъ племенъ, Поляковъ и Чеховъ, балтійскіе Славяне должны были остаться при старой, общинной земельной собственности, гораздо въ большей степени, чѣмъ первые. На дѣлѣ выходитъ обратное; уже съ давнихъ временъ Поморяне, Руяне и Оботриты живутъ въ условіяхъ замкнутой, опредѣленной, строго размежеванной, частной поземельной собственности, находящейся въ рукахъ князей и нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Собственности общинной—въ строгомъ смыслѣ—нѣтъ, существуютъ только предметы **), предоставленные общинному пользованію ихъ собственниками.“

Кромѣ этого признанія для кн. Васильчикова должно представлять особый интересъ и предположеніе, съ помощью котораго бытописатель прибалтійскихъ Славянъ старается объяснить происхожденіе такого порядка вещей, а именно, что „земля перешла въ частную собственность немногихъ лицъ, вслѣдствіе захвата ея военной дружиной.“ Князь же Васильчиковъ положилъ въ основаніе своей философіи исто-

---

*) Котляревскій. Древности права Балт. Слав. 1874, p. 152.

**) Далѣе пояснено, что, такими предметами были „мѣста выгона и корма скота; лѣса, рощи, болота, рѣки“ и т. п., предметами же частнаго пользованія были „поля, назначенныя для посѣва хлѣба, и усадьба съ жилищами.“

ріи, что завоеваніе и захватъ *земли* есть принадлежность германской расы.

Мы не можемъ дозволить себѣ здѣсь болѣе обстоятельнаго изложенія различныхъ фактовъ и мнѣній относительно аграрнаго быта древнихъ Славянъ и хотѣли только указать кн. Васильчикову, что недостаточно схватить на лету славянофильскую идею, что общинное землевладѣніе есть исконная черта Славянскаго племени, чтобы, опираясь на это и не входя въ дальнѣйшія изслѣдованія, проповѣдывать о коренномъ антагонизмѣ между славянской и европейской культурой.

Въ попыткѣ отождествить современное общинное владѣніе великорусскихъ крестьянъ съ древнѣйшей формой землевладѣнія у Славянъ вообще и возвести извѣстное учрежденіе, представляющее результатъ различныхъ историческихъ и мѣстныхъ условій въ достояніе расы — обнаруживается, помимо фактической ошибки, ложный историческій пріемъ. Конечно, свойство расы составляетъ одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ слагается жизнь народовъ, но чѣмъ развитѣе и сложнѣе становится эта жизнь, чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе политическія и экономическія условія, входящія въ составъ народной жизни, тѣмъ болѣе отступаетъ на задній планъ расовый или антропологическій элементъ передъ культурнымъ и *національнымъ*. Другими словами, чѣмъ болѣе выдѣляется на общемъ фонѣ расы своей особой исторической жизнью, своимъ индивидуальнымъ развитіемъ извѣстный *народъ*, тѣмъ съ большею осторожностью нужно приписывать различныя учрежденія этого народа его такъ сказать расовымъ инстинктамъ, вмѣсто того, чтобы объяснять ихъ условіями его собственной жизни и судьбы.

Какъ будто самъ это смутно сознавая, кн. Васильчиковъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего сочиненія заявляетъ, что мірское землевладѣніе есть чисто велико-русское явленіе; но это ему нисколько не мѣшаетъ, впадая въ полное противорѣчіе съ самимъ собою, возводить эту форму землевладѣнія въ исконное обще-славянское учрежденіе и противо-

полагать его германскому землевладѣнію, т.-е. усвоивать себѣ славянофильскую точку зрѣнія.

Чѣмъ же привлекало къ себѣ славянофильство кн. Васильчикова? Тѣмъ самымъ, чѣмъ его притягивалъ къ себѣ и соціализмъ, несмотря на его искренніе протесты противъ него, а именно—своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ европейской наукѣ и цивилизаціи.

Славянофильство, какъ и всякое другое расофильство, есть направленіе не научное уже потому, что преувеличиваетъ вліяніе одного изъ историческихъ факторовъ на счетъ другихъ и что историческому, т.-е. генетическому объясненію явленій предпочитаетъ апріорное построеніе ихъ, выводя ихъ изъ инстинктовъ, изъ прирожденныхъ свойствъ расы, не подлежащихъ историческому анализу. Но славянофильство имѣетъ ту невыгоду передъ аналогическими расофильскими направленіями, что не только подобно имъ впадаетъ въ крайность, но при нѣкоторой послѣдовательности принуждено отвергать и современную науку и ея результаты, какъ плодъ цивилизаціи другихъ расъ. Если германофильство, напр., грѣшитъ тѣмъ, что видитъ въ современной наукѣ и въ европейской культурѣ только результаты трудовъ германской расы, то оно преувеличиваетъ роль своей расы въ исторіи цивилизаціи, отождествляя общечеловѣческую науку и культуру съ германскою; славянофильство-же, наоборотъ, желая основать науку и культуру на принципѣ расы и имѣя въ виду создать особую славянскую науку и славянскую цивилизацію, отвергаетъ во имя этихъ будущихъ благъ западно-европейскую науку и цивилизацію. Этимъ своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ наукѣ и культурѣ европейскаго Запада славянофильство подаетъ руку соціализму и этотъ общій антагонизмъ обоихъ направленій противъ западной цивилизаціи дѣлаетъ возможнымъ временный союзъ ихъ, какъ мы это видимъ въ разбираемой нами книгѣ, несмотря на коренное ихъ различіе въ другихъ отношеніяхъ.

Логически эти два направленія исключаютъ другъ друга; соціализмъ возводитъ надѣленіе всякаго рабочаго имуще-

ствомъ въ универсальный, космополитическій принципъ, послѣдній плодъ цивилизаціи, не признаетъ предѣловъ народной индивидуальности и расы, и видитъ въ идеяхъ національности и расы суетныя представленія человѣческаго дѣтства и преграды на пути къ прогрессу. Славянофильство наоборотъ кичится принципомъ расы и видитъ въ общинномъ владѣніи исконную привилегію избраннаго племени. Но въ практическомъ отношеніи оба направленія могутъ дѣйствовать за одно. Они солидарны не только своимъ антинаучнымъ характеромъ, но въ особенности одинаковымъ нерасположеніемъ къ общему врагу. Соціализмъ возстаетъ противъ современной цивилизаціи потому, что она есть плодъ ненавистнаго ему порядка вещей и вмѣстѣ съ этимъ порядкомъ онъ обрекаетъ ее на гибель Славянофильство ополчается противъ той же цивилизаціи потому, что она представляется ему чужою и оно опасается съ ея стороны нарушенія и порчи его завѣтныхъ идеаловъ.

Соціализмъ агитируетъ противъ современной цивилизаціи во имя фантастическаго будущаго; славянофильство—во имя фантастическаго прошедшаго. Для общаго похода противъ европейской науки и европейской цивилизаціи кн. Васильчиковъ сдѣлался знаменоносцемъ обоихъ направленій. Заимствованная у соціалистовъ злоба противъ капитала и буржуазіи, противъ экономистовъ и противъ свободы, переходитъ у него въ болѣе намъ понятное и привычное негодованіе противъ европейскаго Запада, противъ нѣмецкой культуры и науки. Подъ вліяніемъ этого двойнаго гнѣва кн. Васильчиковъ въ качествѣ западнаго радикала и въ качествѣ русскаго патріота бросаетъ перчатку всему, что составляетъ главную основу европейской цивилизаціи. Онъ глумится надъ личной и политической свободой, надъ „опоздалымъ либерализмомъ“ и гуманностью XVIII вѣка, надъ „преданіями Греціи и Рима, по коимъ учились новѣйшіе реформаторы“; онъ объявляетъ „классическую цивилизацію безполезною для благосостоянія народовъ“, огуломъ обвиняетъ юридическую науку и политическую экономію въ томъ, что онѣ совершенно согласны съ интересами имущественныхъ

классовъ и подтверждали ихъ права раціональными научными выводами; наконецъ, *усматриваетъ глубокій смыслъ нѣмецкой культуры* въ томъ, что она „оправдывала грубые факты и придумывала теорію для упроченія насильственныхъ захватовъ, подводила грабительства подъ благовидныя и раціональныя начала“ и т. д. Когда присутствуешь при такихъ беззавѣтныхъ вакханаліяхъ мысли, нельзя не изумиться тому, какъ легко, по крайней мѣрѣ у насъ, человѣку даже въ положеніи кн. Васильчикова, которое, повидимому, могло бы служить полною гарантіей образованности — въ угоду модной тенденціи радикально *совлечь* съ себя все, что можно было бы считать прочнымъ результатомъ современнаго образованія.

Такое явленіе знаменательно не столько по отношенію къ самой личности кн. Васильчикова, сколько какъ фактъ, характеризующій умственное состояніе нашего общества. Книга кн. Васильчикова была встрѣчена сочувственно нашимъ обществомъ и нашей печатью по двумъ причинамъ: — во вниманіе къ личности автора, которому ставили въ заслугу то, что онъ, принадлежа къ аристократіи, сталъ демократомъ,и во вниманіе къ содержанію книги, въ которой усматривали ученую апологію крестьянскаго землевладѣнія. Мы не понимаемъ такого лицепріятія по отношенію къ автору и держимся совершенно противоположнаго взгляда на значеніе его книги. Мы полагаемъ, что никакое дѣло, никакую идею нельзя защищать такими средствами, какъ разбираемое нами сочиненіе. Напротивъ, самый чистый и возвышенный идеалъ можетъ быть только скомпрометированъ невѣжествомъ и неправдой. Мы не знаемъ, что̀ хуже и что̀ вреднѣе для интересовъ либерализма и успѣховъ гражданскаго развитія въ Россіи, вражда-ли противъ либеральныхъ и прогрессивныхъ тенденцій во имя невѣжества и фанатизма, или защита ихъ съ помощью тѣхъ же принциповъ. Если кто-либо опасается, что въ Россіи есть противники великой реформы 1861 года, и что вслѣдствіе ихъ ухищреній осуществленіе принциповъ, признанныхъ этой реформой и упроченіе благъ, дарованныхъ ею русскому крестьянину,

могутъ быть задержаны, то онъ долженъ бороться съ нимп совсѣмъ не тѣмъ оружіемъ, къ которому прибѣгнулъ кн. Васильчиковъ, и мы ничего такъ не желаемъ, какъ, чтобы судьба въ будущемъ избавила русскихъ крестьянъ отъ литературныхъ ходатаевъ подобныхъ кн. Васильчикову, въ искренности убѣжденій и безкорыстіи котораго мы, впрочемъ, нисколько не сомнѣваемся.

Но если кн. Васильчиковъ не оказалъ услуги русскому крестьянству, то онъ нанесъ прямой вредъ русскому обществу тѣми пріемами, съ помощью которыхъ онъ разрѣшалъ свою задачу. Мы не можемъ признать другомъ народа писателя, который пускаетъ въ обращеніе книгу, наполненную столькими ошибками, столькими ложными представленіями и преувеличеніями, столькими фразами, заключающими въ себѣ глубочайшія недоразумѣнія, какъ сочиненіе кн. Васильчикова. Но еще строже, чѣмъ за этотъ умственный туманъ, который напустилъ на русское общество кн. Васильчиковъ, должны мы осуждать его за то, что онъ подрываетъ вѣру въ европейскую цивилизацію и въ науку, безъ уваженія къ которымъ не мыслимъ никакой прогрессъ. Давно пора окончательно отдѣлаться отъ призрака какого-то антагонизма между русской культурой и европейской цивилизаціей,—призрака, который возбуждаетъ только самодовольство и тщеславіе и ведетъ къ умственному застою. Или человѣчество представляетъ собою нравственное единство,—и тогда едина и цивилизація человѣческая; или же нужно выбросить за бортъ всѣ гуманныя и либеральныя идеи, основанныя на обще-человѣческомъ принципѣ братства и нравственной солидарности людей. Ничто не доказываетъ такъ ясно, какіе еще не глубокіе корни пустила въ нашемъ обществѣ европейская цивилизація, какъ это изумительное легкомысліе, съ которымъ у насъ и распускается и принимается на вѣру этотъ миражъ объ антагонизмѣ между Россіей и Европой. Но европейская цивилизація есть понятіе сложное и умы не логическіе или увлекающіеся могутъ быть вовлечены въ оппозицію противъ нея вслѣдствіе того, что они отождествляютъ съ ней какую ни-

будь частную или временную черту ея. Такого оправданія, однако, нельзя привести въ пользу тѣхъ, которые подрываютъ вѣру въ науку. Уваженіе къ наукѣ еще недостаточно укрѣпилось въ русскомъ обществѣ, чтобы можно было равнодушно смотрѣть на безцеремонное и дилеттантическое обращеніе съ научными фактами, на глумленіе надъ европейской наукой, на агитацію противъ политической экономіи подъ предлогомъ, что ея выводы враждебны и противны интересамъ народа, наконецъ, что̀ всего хуже, на распространеніе идеи, будто истинная наука должна служить интересамъ массы, какъ ихъ произвольно понимаютъ въ извѣстную минуту различные литературные кружки.

Ко всему этому присоединяется еще одно вредное послѣдствіе книги кн. Васильчикова. Она поставила нашихъ спеціалистовъ по аграрнымъ вопросамъ и нашу печать въ ложное положеніе. Печать должна представлять собою общественную совѣсть и должна возвышать свой голосъ всякій разъ, когда усматриваетъ нарушеніе одного изъ великихъ нравственныхъ, политическихъ или культурныхъ принциповъ, которые составляютъ основу гражданскаго строя. Одинъ изъ такихъ принциповъ заключается въ томъ, что уваженіе къ истинѣ не должно быть принесено въ жертву никакому другому интересу. Наша же печать,—и она была въ этомъ случаѣ выраженіемъ общественнаго настроенія—отнеслась сочувственно къ книгѣ кн. Васильчикова, потому что видѣла въ ней противовѣсъ различнымъ реакціоннымъ стремленіямъ въ области крестьянскаго быта. Но никакой страхъ передъ реакціей не оправдываетъ такого злоупотребленія печатнымъ словомъ, какое представляетъ сочиненіе кн. Васильчикова. Мы глубоко сожалѣемъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя вызвали снисходительность нашей печати къ сочиненію о „Землевладѣніи“, но мы не раздѣляемъ такой точки зрѣнія, — ибо главный признакъ умственной зрѣлости литературы и общества, главный залогъ ихъ дальнѣйшаго успѣха въ области политическаго и культурнаго развитія—есть чувство правды и уваженіе къ истинѣ.

ГЛАВА IV.

ВОЗЗРѢНІЯ КН. ВАСИЛЬЧИКОВА НА РУССКУЮ ИСТОРІЮ

Русская исторія, какъ извѣстно, представляетъ самое благодарное поприще для всякаго рода мечтаній. Въ другихъ наукахъ мы стѣснены работами европейскихъ ученыхъ, которыхъ нельзя совершенно не вѣдать; здѣсь-же намъ предоставленъ полный просторъ. Несмотря на замѣчательные труды, которыми можетъ гордиться русская наука, тутъ не установилось еще такихъ твердыхъ воззрѣній, отъ которыхъ нельзя отступить. Въ настоящее время въ особенности, при отсутствіи всякой критики, всякихъ преданій, всякаго уваженія къ авторитету, каждый новый изслѣдователь считаетъ возможнымъ начинать прямо отъ себя, давая разгуляться на волѣ своимъ мечтамъ. Поэтому здѣсь мы встрѣчаемъ самые противорѣчивые взгляды. Русскому народу и его исторіи можно приписать все, что угодно. На этой почвѣ романтическая школа славянофиловъ до сихъ поръ еще разыгрываетъ фантастическія варіаціи на фантастическія темы. Здѣсь даже почтенные и заслуженные ученые, отвращаясь отъ лѣтописныхъ сказаній, строятъ воздушные замки на основаніи неясныхъ созвучій, этой опаснѣйшей изъ сиренъ, по выраженію Макса Мюллера. Чего же послѣ этого ожидать отъ дилетанта?

Кн. Васильчиковъ весьма искусно расчищаетъ поле для своихъ преднамѣренныхъ выводовъ. Другіе, по крайней мѣрѣ, стѣсняются источниками; онъ же разомъ устраняетъ всѣ источники. По его мнѣнію, поземельныя отношенія въ древней и новой Россіи „складывались въ теченіе вѣковъ и сло-

жились окончательно сами собою, независимо отъ тѣхъ оффиціальныхъ формъ, законодательныхъ актовъ и правительственныхъ распоряженій, которыя по временамъ издавались для ихъ устройства; такъ что, изучая эти формы и акты, можно получить о народномъ бытѣ понятіе, совершенно противное дѣйствительному его развитію и состоянію". Кн. Васильчиковъ увѣряетъ даже, что „историческіе наши акты представляютъ большею частью отрицательную сторону народнаго быта, перечень тѣхъ порядковъ и устроеній, которые вводились и не были введены, предписывались и не исполнялись, проектировались и не приводились въ дѣйствіе". Этимъ онъ объясняетъ ошибку тѣхъ изслѣдователей, которые имѣли неосторожность руководиться источниками: „вся историческая жизнь велико-россійскаго племени, говоритъ онъ, представилась имъ въ томъ видѣ, въ тѣхъ цвѣтахъ и тонахъ, какъ описывали ее правительство и приказные люди, потому что они одни во всемъ народѣ умѣли писать.... Въ письменныхъ актахъ встрѣчалось все, что нужно было для возстановленія связи русской гражданственности съ цивилизаціей древняго и новаго міра"; но „въ дѣйствительности сходства не было; жизнь народа шла наперекоръ всему тому, что устроивалось для его жизни" (I, стр. 298—300).

Спрашивается: откуда же кн. Васильчиковъ это знаетъ, если дошедшіе до насъ памятники ничего объ этомъ не говорятъ, а показываютъ совершенно противное? Кто сообщилъ ему свѣдѣнія, о которыхъ источники умалчиваютъ? Очевидно, что онъ все это почерпнулъ только изъ своего собственнаго воображенія, которое, съ устраненіемъ памятниковъ, не встрѣчаетъ уже болѣе преградъ. О научныхъ требованіяхъ и взглядахъ тутъ, конечно, не можетъ быть рѣчи. Почтенному автору, повидимому, даже совершенно неизвѣстно, что въ наукѣ существуетъ то, что называется критикою источниковъ. Кто заподозрѣваетъ показанія памятника, тотъ долженъ разобрать его подробно, указать его несообразности, показать какимъ именно другимъ достовѣрнымъ показаніямъ онъ противорѣчитъ. Но однимъ по-

черкомъ пера отвергнуть всѣ письменные памятники на томъ основаніи, будто они все представляютъ въ ложномъ свѣтѣ, притомъ не замѣнивъ ихъ никакими другими источниками, это такой изумительный пріемъ, котораго примѣръ едва ли представляетъ какая-либо другая литература. Мы находимъ тутъ чисто доморощенный плодъ мнимой русской науки, построенной на славянофильскихъ началахъ. На западѣ мы не встрѣтимъ ничего подобнаго.

Послѣ этого немудрено, что кн. Васильчиковъ, окидывая широкимъ взглядомъ все движеніе русской исторіи, счелъ совершенно лишнимъ знакомиться съ подлинными памятниками русской старины. Свѣдѣнія свои онъ получаетъ изъ вторыхъ рукъ. Какъ онъ самъ объясняетъ, главными руководствами служили ему: „Исторія мѣстнаго управленія“ г. Градовскаго и „Крестьяне на Руси“ г. Бѣляева (I, стр. 344 прим. 1). Диссертація г. Градовскаго вовсе не касается общиннаго владѣнія, главнаго предмета изслѣдованія; сочиненіемъ же г. Бѣляева надобно пользоваться осторожно. Г. Бѣляевъ, какъ извѣстно всѣмъ серіёзнымъ изслѣдователямъ по русской исторіи, не имѣлъ ни юридическаго, ни историческаго образованія. Критическаго смысла онъ былъ совершенно лишенъ. Роясь постоянно въ древнихъ грамотахъ, онъ до такой степени перемѣшивалъ съ ними свои собственныя фантазіи, что неопытному взгляду трудно даже разобрать, что принадлежитъ одному источнику и что заимствовано изъ другаго. Нерѣдко онъ даже просто видѣлъ въ памятникахъ противное тому, что они говорятъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы пользоваться его сочиненіями безъ тщательной провѣрки, впалъ бы въ грубѣйшія ошибки. Однако, не смотря на эти недостатки, если бы кн. Васильчиковъ дѣйствительно руководствовался книгою г. Бѣляева, какъ онъ увѣряетъ, мы все таки имѣли бы что-нибудь. При всемъ своемъ неумѣніи пользоваться памятниками, г. Бѣляевъ былъ съ ними знакомъ. Онъ не думалъ утверждать, что грамоты, которыя онъ разбиралъ съ такою любовью, показываютъ намъ противоположное тому, что было на самомъ дѣлѣ. Напротивъ, онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ постоянно ссылал-

ся на источники. Держась его указаній, кн. Васильчиковъ пришелъ бы къ совершенно инымъ выводамъ, нежели тѣ, которые мы у него встрѣчаемъ. Но дѣло въ томъ, что для кн. Васильчикова изслѣдованія имѣютъ столь же мало значенія, какъ и памятники. Онъ беретъ то, что ему нужно, оставляетъ въ сторонѣ то, что ему не нравится, и изъ этихъ скудныхъ матеріаловъ, приправленныхъ обильными плодами воображенія, онъ строитъ свое собственное фантастическое зданіе *).

*) Какимъ образомъ кн. Васильчиковъ пользуется сочувственными ему изслѣдованіями, мы увидимъ далѣе. А вотъ примѣры того, какъ онъ пользуется несочувственными: „въ статьяхъ г. Чичерина, говоритъ кн. Васильчиковъ, встрѣчается нѣсколько разъ заявленіе, что вольная община исчезла, не оставивъ по себѣ и слѣдовъ въ исторіи. (Опыты по ист. рус. пр. стр. 11, 17). Вольной общины въ европейскомъ смыслѣ никогда и не существовало въ Россіи и она не исчезала, потому что ея не было, но въ невольной русской общинѣ жилось бѣднымъ людямъ едва ли не привольнѣе, чѣмъ въ вольныхъ городахъ Европы... Утверждать, что русская община не оставила слѣда, когда половина Россіи населилась и обработалась казацкой вольницей, старовѣрческими слободами, новгородскими, сибирскими промышленниками, поморскими рыбаками, безъ спроса и вѣдома правительства, когда и понынѣ община составляетъ единственное историческое преданіе, пережившее всѣ реформы европейской цивилизаціи—это намъ кажется высшимъ проявленіемъ того чувства смиренномудрія, которое стремится доказать, что въ русскомъ народномъ бытѣ ничего нѣтъ своеобразнаго, ничего—кромѣ всепокорной воспріимчивости и послушанія видамъ правительства“ (I, стр. 347, примѣч. 1). На стр. 17 *Опытовъ по исторіи русскаго права*, на которую ссылается кн. Васильчиковъ, о вольной общинѣ нѣтъ ни слова; изъ сказаннаго же на стр. 11 явствуетъ что тутъ рѣчь идетъ о Новгородѣ и Псковѣ, то есть, о средневѣковой державной общинѣ. Про эти-то города кн. Васильчиковъ увѣряетъ, что они никогда не существовали. О поморскихъ же рыбакахъ, старообрядцахъ и сибирскихъ промышленникахъ тутъ не было и рѣчи, а потому риторическая фраза на счетъ смиренномудрія была совершенно неумѣстна. Далѣе кн. Васильчиковъ прибавляетъ: „впрочемъ, надо замѣтить, что г. Чичеринъ нѣсколько разъ въ своихъ изслѣдованіяхъ упоминаетъ, что въ сѣверныхъ областяхъ, Поморскихъ городахъ, Заонежскихъ погостахъ, Двинской, Устюжской провинціяхъ сельская община была вольнѣе, самостоятельнѣе; но эту часть Россіи онъ какъ будто отсѣкаетъ отъ своихъ изслѣдованій и видитъ типическое развитіе русской общественности только въ Москвѣ и подъ Москвой. Мы придерживаемся другаго мнѣнія и полагаемъ, что типическіе, первообразные слѣды народной жизни надо изучать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народъ жилъ хот

Основной взглядъ кн. Васильчикова заимствованъ имъ у славянофиловъ. Россія, по его мнѣнію, составляетъ своеобразный міръ, не имѣющій ничего общаго съ европейскими народами, не только новыми, но и древними. О Востокѣ авторъ умалчиваетъ, хотя тутъ могли бы представиться любопытныя точки сравненія. Классическія же государства онъ, вмѣстѣ съ новыми европейскими, противополагаетъ Россіи. Тѣ черты, въ которыхъ другіе усматриваютъ сходство русской гражданственности съ западно-европейскою, кажутся ему слишкомъ поверхностными. Въ самомъ же дѣлѣ, по мнѣнію кн. Васильчикова, между тою и другою лежатъ глубокія, рѣзкія различія (Введ. стр. XXIV; также стр. 344, прим. 1).

и грубо, но вольно, куда онъ уходилъ отъ властей, производившихъ разные опыты надъ хозяйственнымъ его бытомъ“ (тамъ же). Таково завѣреніе кн. Васильчикова. Между тѣмъ, г. Бѣляевъ, возражая на статью *о Сельской общинѣ* упрекалъ автора именно въ томъ, что приведенныя въ ней грамоты относятся исключительно къ Двинской области, гдѣ въ отличіе отъ другихъ русскихъ областей общиннаго владѣнія не было. Въ той же статьѣ спеціально посвящено нѣсколько страницъ исторіи водворенія общиннаго владѣнія у черносошныхъ крестьянъ сѣверныхъ губерній, и это служитъ однимъ изъ существенныхъ доводовъ въ пользу развиваемой въ этой статьѣ теоріи. А кн. Васильчиковъ утверждаетъ, что эта часть Россіи какъ будто отсѣкается отъ изслѣдованій автора! Казалось бы, наименьшее, чего можетъ требовать писатель, это то, чтобы критикъ внимательно прочелъ то, противъ чего онъ возражаетъ; но даже и этого отъ кн. Васильчикова, повидимому, невозможно ожидать. Когда же кн. Васильчиковъ возражаетъ противъ того, что дѣйствительно есть въ книгѣ, то дѣло выходитъ еще страннѣе. Вообще, почтенный критикъ любитъ ограничиваться общими фразами. Такъ, возставая противъ мнѣнія, что современный нашъ общинный бытъ сложился подъ вліяніемъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій, то-есть укрѣпленія крестьянъ и податной системы, какъ объяснено въ статьѣ *о Сельской общинѣ*, онъ говоритъ: „на такія смѣлыя предположенія должны отвѣчать историческіе факты“ (стр. 346). Но какіе это историческіе факты, кн. Васильчиковъ умалчиваетъ. Онъ увѣряетъ только, что „правительственными мѣрами устроены и поддержаны были на Руси большіе безпорядки, большія злоупотребленія; безтолковыя распоряженія московскихъ царей, говоритъ онъ, смѣшали и перепутали всѣ хозяйственныя отношенія частной собственности“ (тамъ же);—положеніе, которое онъ, конечно, не встрѣтилъ ни у г. Бѣляева, ни у кого-либо другаго изъ сочувственныхъ или несочувственныхъ ему писателей. Иногда же кн. Васильчиковъ пускается и въ частности. Не будучи знакомъ съ источниками,

Развращенный своею наукою Европеецъ сказалъ бы, что объ этомъ невозможно судить безъ основательнаго знанія всемірной исторіи, безъ сравнительнаго изученія права. Но въ русской наукѣ, построенной на славянофильскій манеръ, это дѣлается гораздо проще и легче. Достаточно нѣсколькихъ общихъ разсужденій, чтобы рѣшить судьбу народовъ.

Первый отличительный признакъ, указанный кн. Васильчиковымъ, состоитъ въ томъ, что „порядокъ первобытнаго водворенія и поселенія былъ въ русской землѣ совершенно другой, чѣмъ въ Европѣ“. Кн. Васильчиковъ не говоритъ уже, какъ во время оно славянофилы, что русское государ-

---

онъ хочетъ воспользоваться собственными доказательствами противниковъ для ихъ опроверженія. Такъ, противъ мнѣнія, что тяглая земля раздѣлялась на отдѣльные участки, или жеребьи, имѣвшіе каждый свой опредѣленный обычаемъ и владѣніемъ объемъ, куда ходили коса, соха и топоръ, онъ представляетъ два возраженія. Первое состоитъ въ томъ, что участки не могли имѣть опредѣленнаго размѣра, если допускалось правило владѣть тѣми угодьями, куда ходили соха, коса и топоръ; ибо русскій мужичекъ любитъ съ косой и топоромъ ходить широко, а соха его имѣетъ неодолимую склонность запахивать лишнее изъ чужой полосы или межи сосѣда. Признаемся, мы рѣшительно не въ состояніи понять эту логику. Изъ того, что русскій мужичекъ любитъ ходить широко и запахивать лишнее, слѣдуетъ, что онъ не могъ, садясь на извѣстный участокъ, договориться пахать, косить и рубить тамъ, гдѣ пахали, косили и рубили прежде. А между тѣмъ, изъ множества грамотъ мы положительно знаемъ, что заключались именно такіе договоры. Предлагаемъ кн. Васильчикову ихъ прочесть. Другое возраженіе еще любопытнѣе. Встрѣтивши слово жеребій, кн. Васильчиковъ вообразилъ себѣ, что крестьяне постоянно выравнивали свои участки и метали жеребій, кому что достанется. Изъ этого онъ выводитъ, что участокъ, на который селился крестьянинъ, не могъ имѣть опредѣленнаго размѣра, и что поселеніе не могло совершиться на основаніи свободнаго договора, ибо выборъ и жеребій—дѣйствія противоположныя (стр. 353—354). Если бы почтенный критикъ сколько-нибудь былъ знакомъ съ источниками, онъ зналъ бы, что слово жеребій, идущее, вѣроятно, съ древнѣйшихъ временъ, отъ первыхъ поселеній, означало просто участокъ, на который крестьянинъ селился по свободному договору, а что о метаніи жеребья нигдѣ нѣтъ и помину. Плохо понятое слово побудило кн. Васильчикова нарисовать цѣлую картину, которая ничто иное какъ плодъ его воображенія. Таковы возраженія, которыми кн. Васильчиковъ думаетъ побивать своихъ противниковъ. Нельзя не сказать, что даже въ русской литературѣ подобныя критики встрѣчаются довольно рѣдко.

ство образовалось путемъ мирнаго нарожденія, а западныя путемъ завоеванія. Происходившая по этому вопросу полемика, повидимому, убѣдила его, что на этой почвѣ держаться нельзя. Но онъ утверждаетъ, что на западѣ главною цѣлью варварскихъ дружинъ было водвореніе, пріобрѣтеніе земель, которыя онѣ силою отбирали у туземцевъ. Вслѣдствіе этого, захватъ крестьянскихъ угодій, выселеніе жителей и присоединеніе ихъ земель къ господскимъ помѣстьямъ сдѣлались главными основами политики имущественныхъ классовъ въ западной Европѣ. У насъ же, напротивъ, князья и дружинники, покоряя туземныя племена, довольствовались данью и оставляли прежнихъ владѣльцевъ на мѣстахъ жительства. Они сами не селились, не строили замковъ, никого не выгоняли, а, напротивъ, старались приманить новыхъ поселенцевъ. „Сохраненіе туземцевъ, первобытныхъ хлѣбопашцевъ, природныхъ жителей на мѣстахъ ихъ жительства, говоритъ кн. Васильчиковъ, было высшею, неусыпною заботою правителей и владѣльцевъ русской земли“. (Введ. стр. XXIV—XXV). Однимъ словомъ, заключаетъ онъ, если было завоеваніе, то не было экспропріаціи (I, стр. 315).

Установивши такое рѣзкое различіе между западною Европою и Россіею, кн. Васильчиковъ сообразилъ однако, что если бы варвары-помѣщики, на которыхъ онъ ополчается, прогнали всѣхъ крестьянъ съ присвоенныхъ ими земель, то некому было бы обработывать эти земли. Поэтому, въ примѣчаніи онъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: „Правда, говоритъ онъ, они также не находили нужнымъ прогонять прежнихъ жителей, даже, напротивъ, считали необходимымъ ихъ удерживать на мѣстахъ, чтобы имѣть рабочихъ для своихъ земель и потому отбирали у нихъ (у кого? у земледѣльцевъ или у землевладѣльцевъ?) не всѣ земли, а только часть: $^1/_2$ или $^2/_3$. Но во всей западной Европѣ происходила, вмѣстѣ съ завоеваніемъ, экспропріація въ громадныхъ размѣрахъ въ пользу князей, королей и предводителей варварскихъ ордъ, избіеніе туземныхъ землевладѣльцевъ, *въ особенности римскихъ крупныхъ собственниковъ*, и конфискація ихъ земель. Этого-то и не было въ Россіи, что и составляетъ глубокую

черту различія нашего народнаго строя отъ западно-европейскаго“ (I, стр. 349, прим. 6).

И такъ, оказывается, въ противоположность сказанному выше, что политика западныхъ правителей и владѣльцевъ, также какъ и русскихъ, состояла отнюдь не въ томъ, чтобы прогонять крестьянъ съ земли, а, напротивъ, въ томъ, чтобы ихъ удерживать на мѣстахъ. На Западѣ принимались для этого даже гораздо болѣе рѣшительныя мѣры, ибо тамъ крестьяне въ средніе вѣка были укрѣплены къ землѣ, тогда какъ у насъ они свободно уходили, куда глаза глядѣли. По признанію самого кн. Васильчикова, „кочеваніе, бродничество было всенародное состояніе всѣхъ классовъ“ (I, стр. 306). Связь русскаго крестьянства съ землею установилась гораздо позднѣе, нежели на Западѣ; закрѣпленіе совершилось государственными мѣрами въ концѣ XVI-го и XVII-го столѣтій. Это мы увидимъ еще далѣе. Что касается до экспропріаціи крупныхъ землевладѣльцевъ, о которой говоритъ кн. Васильчиковъ, то дѣйствительно на Западѣ, при поселеніи варварскихъ дружинъ, она произошла въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, но изъ этого все-таки нельзя сдѣлать тѣхъ выводовъ, которые дѣлаетъ авторъ. Если бы въ этомъ состояла глубокая черта различія нашего народнаго строя отъ западно-европейскаго, то надобно было бы ожидать, что на Западѣ всѣ права собственности были расшатаны, что тамъ конфискація сдѣлалась обыкновеннымъ явленіемъ, а что у насъ, напротивъ, развилось самое строгое уваженіе къ собственности. Выходитъ, однако, наоборотъ. Кн. Васильчиковъ повѣствуетъ намъ, что именно западная гражданственность зиждется на понятіяхъ собственности, а у насъ эти понятія были очень слабы и смутны (Введ., стр. XXX). „Въ Россіи“, говоритъ онъ, „бояре и мужи не могли отстоять не только политическихъ, но и землевладѣльческихъ своихъ правъ; ихъ вотчины, которыя будто бы означали преемственное родовое владѣніе, отбирались въ казну за простое ослушаніе, за неявку на службу“ (I, стр. 300). Насильственное завладѣніе людьми и имуществомъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ (стр. 351, прим. 8).

Спрашивается: гдѣ же тутъ разница? На этомъ примѣрѣ мы можемъ, такъ сказать, ощупать руками различіе между строго-научными требованіями и способомъ сужденія тѣхъ писателей, которые, подобно кн. Васильчикову, берутся за рѣшеніе сравнительно-историческихъ вопросовъ безъ малѣйшей подготовки. Серіёзный ученый обстоятельно изслѣдуетъ факты, сравниваетъ начало съ послѣдствіями и тогда уже дѣлаетъ выводъ. Писатель же дилеттантъ не затрудняется фактическими изслѣдованіями. Онъ просто указываетъ на явленіе, извѣстное даже изъ учебниковъ, не разбирая ни его существа, ни его послѣдствій, и затѣмъ дѣлаетъ изъ него выводъ, который не имѣетъ къ нему никакого отношенія. Тутъ оказывается полный недостатокъ не только фактическаго изученія предмета, но и самой обыкновенной логики. Голословно можно дѣлать какіе угодно выводы, но имѣютъ ли они малѣйшую цѣну?

Вообще, кн. Васильчиковъ рисуетъ намъ такую картину древне-русскаго быта, которая никакъ не вяжется съ принятою имъ исходною точкою. Когда славянофилы услаждались идиллическимъ изображеніемъ начала русской исторіи, въ противоположность насиліямъ, ознаменовавшимъ основаніе западныхъ государствъ, они послѣдовательно приписывали тотъ же идиллическій характеръ и всей древне-русской жизни. По ихъ воззрѣнію, только тлетворное вліяніе Запада нарушило это мирное и блаженное состояніе. Но новѣйшія изслѣдованія разсѣяли эти мечты, и кн. Васильчиковъ смотритъ на дѣло уже совершенно другими глазами. Кидаясь въ противоположную крайность, онъ видитъ въ древней русской исторіи только длинную лѣтопись самоуправства (Введ. стр. XLIV), семивѣковой періодъ общаго гнета и тяжкаго зла (стр. 343). По его словамъ, древняя Россія была „царствомъ безначалія“ (тамъ же). „Порядковъ не было никакихъ, началъ никакихъ не признавалось; исключеній было болѣе, чѣмъ правилъ; всякій владѣлъ, чѣмъ Богъ послалъ, и что могъ удержать въ собственномъ своемъ распоряженіи, собственною своею властью: законодатели и правители издавали правила и уставы, но сами же ихъ

нарушали, подданные выслушивали царскіе указы, покорялись имъ, но не соблюдали. Государевы слуги строго преслѣдовали нарушенія закона, но потворствовали нарушеніямъ для извлеченія изъ нихъ своихъ поборовъ и кормовъ: самоволію крестьянъ вторило самовластіе помѣстнаго и служилаго сословія, и указы, уставы, грамоты собственно служили только для напоминанія и подтвержденія тѣхъ правилъ, которыя не соблюдались, или для установленія изъятій, льготъ въ пользу отдѣльныхъ личностей, волостей, городовъ и церквей“ (стр. 299). Такимъ образомъ, говоритъ кн. Васильчиковъ, „государство и общество собиралось или слагалось изъ противорѣчій, недоразумѣній и несообразностей. Царская власть была неограниченная и грозная, но повелѣнія ея соблюдались очень слабо и нарушались большею частію безнаказанно; права собственности жаловались и подтверждались, и въ то же время отмѣнялись при всякой неисправности владѣльца; вольность крестьянина была хуже неволи, своеземцамъ было хуже, чѣмъ людямъ, живущимъ за господами, помѣщичьимъ поселянамъ хуже, чѣмъ монастырскимъ, а лучше всѣхъ (?) княжескимъ и дворцовымъ тяглецамъ, которые удерживались въ государевыхъ селахъ посредствомъ льготъ и милостей, исходящихъ отъ государя, какъ собственника, и отъ него же, какъ самодержца“ (стр. 342—343).

Въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ древне-русской государственной жизни кн. Васильчиковъ идетъ такъ далеко, что, по его мнѣнію, коренныя черты русскаго быта надобно изслѣдовать не въ центрѣ государства, гдѣ мы найдемъ только „случайныя проявленія своеволія и самовластія“, а въ отдаленныхъ полосахъ Россіи, внѣ „круга, заколдованнаго московскими великими князьями и царями, дружинниками, боярами, служилыми сословіями“ (стр. 335—336). Чтобы уловить типическія черты народнаго характера, мы должны изучить ихъ въ пустыняхъ, „гдѣ народъ жилъ хотя и грубо, но вольно, куда онъ уходилъ отъ властей, производившихъ разные опыты надъ хозяйственнымъ его бытомъ“ (стр. 347, прим. 1).

Какъ видно, мы весьма далеко ушли отъ первоначальной точки исхода, полагавшей такое глубокое различіе между гражданственностью западныхъ народовъ и нашею. Это мирное завоеваніе, это заботливое попеченіе о туземцахъ, превратилось въ царство безначалія, въ дикое господство самовластія и своеволія. Отъ безтолковыхъ распоряженій властей, перепутавшихъ всѣ хозяйственныя отношенія, народъ бѣжитъ въ пустыни, гдѣ ему дышать вольнѣе, и гдѣ онъ можетъ сохранить природныя черты своего быта. Кн. Васильчиковъ не объясняетъ намъ, какъ могло совершиться такое странное превращеніе. Онъ, повидимому, даже и не замѣчаетъ чудовищнаго противорѣчія между началомъ и концомъ. Черпая свои мысли и свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ, онъ не позаботился объ ихъ соглашеніи. Славянофильскія идилліи, фактическія изслѣдованія, наконецъ лже-либеральный взглядъ, который все встрѣчающееся въ исторіи зло приписываетъ вмѣшательству правительства, а добро видитъ исключительно въ народѣ, все это у него перемѣшалось и перепуталось, и вышелъ такой невообразимый хаосъ, въ которомъ уже ничего нельзя понять.

Противорѣчія кн. Васильчикова достигаютъ иногда высокой степени комизма. Такъ, говоря о колонизаціи, онъ повторяетъ, что русская колонизація существенно отличалась отъ западной. „Водвореніе это было мирное и не сопровождалось ни насиліемъ, ни вытѣсненіемъ туземцевъ, ни отнятіемъ у нихъ земель, и это именно и отличаетъ развитіе и основаніе русскаго государства отъ исторіи другихъ странъ, отъ нашествія варваровъ въ Европѣ, отъ порабощенія чернокожихъ въ южной Америкѣ и истребленія Индійцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Русскіе насельники никого не истребляли, никого не вытѣсняли, занимали только пустыя земли и, поселяясь среди инородцевъ, постепенно ихъ поглощали, налагая на нихъ печать своей народности и подданства русскому царю“. Это мы читаемъ на стр. 926 второй части. Идиллія полная!.. Но перевертываемъ листъ, и на стр. 928 читаемъ: „намъ представляется, что они (то-есть первые опыты русской колонизаціи) происходили такъ: на

Новгородскомъ вѣчѣ возникали смуты, конецъ вооружался на конецъ, улица на улицу, а такъ какъ по древнему и новому русскому порядку сходокъ, разногласія разрѣшаются не большинствомъ голосовъ, а побіеніемъ и изгнаніемъ одной изъ сторонъ, то вѣроятно изъ партіи слабѣйшей, разбитой на вѣчѣ, послѣ того какъ многіе изъ нихъ были убиты и спущены въ Волховъ, другіе искали спасенія въ бѣгствѣ и уходили изъ подъ власти своихъ противниковъ. Изъ нихъ образовались ватаги, артели, станы выходцевъ, которые сначала шли на сѣверъ по Двинѣ, гдѣ почти всѣ земли были пусты и свободны; потомъ, услыхавъ про богатства страны по ту и другую сторону уваловъ (Урала), направились къ ней вслѣдъ за новгородскими же торговцами, издавна промышлявшими въ этихъ краяхъ. *Большею частью это была вольница съ буйными разбойничьими нравами*; они „шли безъ Новгородскаго слова, искать новаго жилья, опасаясь возвратиться на родину, откуда ихъ вытѣсняло вѣчевое большинство; на Волгѣ и ея притокахъ они строили ладьи, такъ называемые „укшуи“, и, спускаясь на нихъ по матушкѣ-рѣкѣ, *грабили города болгарскіе, перехватывали караваны*, шедшіе изъ Каспія вверхъ въ Сарай и Болгары; *разоряли цѣлыя области*, но также и заводили свои новые городки и слободы“. Это называется мирнымъ поселеніемъ! Скажите, пожалуйста!

Послѣ всего этого, можно ли удивляться, что кн. Васильчиковъ, положивъ первою чертою различія между Западомъ и Россіею то, что тамъ была экспропріація, а тутъ ея не было, признаетъ второю чертою различія то, что тамъ были твердыя понятія о собственности, а у насъ они не существовали? Въ древней Россіи собственность, по мнѣнію кн. Васильчикова, „была не частное право, а только фактъ владѣнія и пользованія, основанный или на мірскихъ разрубахъ и разметахъ, или на верстаніи помѣстьями для службы, или на пожалованіи и милости царской“. „Точно также, продолжаетъ онъ, чуждо было русскому быту и понятіе о наслѣдствѣ, разумѣя подъ этимъ словомъ право дѣтей на полученіе ими части имущества по смерти родителей. Въ древней

Россіи“, по увѣренію автора, „ни въ крестьянскомъ сословіи, ни въ помѣстномъ, дѣти не наслѣдовали земель отъ отцовъ“ (Введ. стр. XXVII). Такимъ образомъ, „понятія о собственности и наслѣдствѣ, на которыхъ зиждется вся европейская гражданственность, были у насъ очень слабы и смутны“ (стр. XXX).

Читатель, сколько-нибудь знакомый съ исторіею русска-го права, конечно, придетъ въ изумленіе отъ такихъ неслыханныхъ положеній, идущихъ наперекоръ всему, что извѣстно изъ древне-русскаго быта. Кн. Васильчиковъ не могъ вычитать ихъ у тѣхъ изслѣдователей, на которыхъ онъ ссылается; онъ очевидно дошелъ до нихъ своимъ собственнымъ умомъ, однако не путемъ изученія источниковъ, ибо источниковъ онъ не читалъ, да и знать не хочетъ, а просто на основаніи своихъ соображеній. Поэтому мы не должны ожидать здѣсь ни фактичныхъ изслѣдованій, ни доказательствъ, которыя вообще требуются, когда высказывается новая мысль. Намъ приходится довольствоваться завѣреніями кн. Васильчикова, что это было такъ. Посмотримъ, по крайней мѣрѣ, вяжутся ли между собою эти завѣренія.

Первобытное устроеніе поземельной собственности въ Россіи, по мнѣнію кн. Васильчикова, характеризуется тѣмъ, что „княженіе, то-есть политическая власть, сливается съ землевладѣніемъ, государство съ землей, и вся территорія, разъ навсегда и на вѣчныя времена, признается общенародным достояніемъ, впослѣдствіи государевымъ и государственнымъ имуществомъ, такъ что черезъ 1000 лѣтъ послѣ призванія Варяговъ, пройдя черезъ безконечный рядъ всякихъ превратностей и выходя изъ вѣковой крѣпостной зависимости, русскій народъ все еще признаетъ землю—царскою, и право распоряженія государя ставитъ выше всѣхъ правъ частной и общинной собственности“ (стр. 301—302).

Что первоначальное княженіе имѣло вотчинный характеръ, это несомнѣнно; но откуда кн. Васильчиковъ взялъ, что земля признавалась общенароднымъ достояніемъ, остается неизвѣстнымъ. Уже самые раздѣлы княжествъ исключаютъ

это понятіе. Несомнѣнно также, что распоряженія государя стоятъ выше частныхъ правъ: это признается во всѣхъ государствахъ въ мірѣ. Но что это верховное государственное право есть тоже самое вотчинное право, которое существовало тысячу лѣтъ тому назадъ, это болѣе чѣмъ сомнительно. Самъ кн. Васильчиковъ, на слѣдующей же страницѣ (стр. 303), говоритъ, что „княжеское владѣніе во весь періодъ удѣльный, и отчасти и во времена первыхъ царей, было грубое смѣшеніе правительственныхъ и частныхъ правъ, державныхъ и вотчинныхъ“. Неужели онъ признаетъ тоже самое и въ настоящее время?

Но это еще ничего, а вотъ что не можетъ насъ не удивить, если только мы сохранили способность чему-нибудь удивляться: „это было, повидимому, продолжаетъ кн. Васильчиковъ, основное начало, внесенное норманскими дружинами во всѣ страны, гдѣ они водворились, ибо въ Англіи, точно такъ какъ въ Россіи, юридической основы частнаго землевладѣнія не существуетъ и по сіе время; вся территорія тоже признается государевой, собственники называются tenants, то есть, содержатели земель, и право гражданства, политическая полноправность обусловливается не правомъ собственности, а держаніемъ и занятіемъ земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ“ (стр. 302).

И такъ, глубокая черта различія, проведенная между западною гражданственностью и нашею, самимъ кн. Васильчиковымъ обращается въ прахъ. Оказывается, что и здѣсь и тамъ, основное начало, на которомъ строилась поземельная собственность, было одно и тоже, начало, внесенное норманскими дружинами во всѣ покоренныя области. Западъ развратилъ насъ уже съ самаго призванія Варяговъ. Кн. Васильчиковъ могъ бы прибавить, что и во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ было тоже самое: вездѣ средневѣковой король считался верховнымъ собственникомъ земли. Но въ другихъ странахъ, съ развитіемъ новыхъ государственныхъ понятій, это начало исчезло, а въ Англіи, вслѣдствіе крѣпости юридическихъ преданій, оно сохранилось въ видѣ фикціи. Вездѣ также въ средніе вѣка позе-

мельная собственность была „условною, подначальною и обязанною“, т.-е., носила на себѣ именно тѣ черты, которыя кн. Васильчиковъ считаетъ спеціальною принадлежностью русскаго землевладѣнія (Введ. стр. XXVII). Извѣстно, что въ странахъ, завоеванныхъ германскими дружинами, поземельная собственность была двоякаго рода: алоды и феоды. Но алоды постепенно исчезаютъ и переходятъ въ феоды: полная, свободная собственность превращается въ подначальную и обязанную. Феодальный порядокъ на Западѣ состоялъ именно въ повсемѣстномъ господствѣ служебныхъ поземельныхъ отношеній. Поэтому, когда кн. Васильчиковъ утверждаетъ, что „нигдѣ право собственности не было такъ шатко, а право владѣнія, напротивъ, такъ твердо, какъ у насъ“ (стр. 298), то надобно сказать наоборотъ, что именно на Западѣ въ средніе вѣка право владѣнія совершенно заслонило собою право собственности и получило необыкновенную крѣпость; въ Россіи же, напротивъ, вслѣдствіе свободнаго переѣзда дружинниковъ, вотчинное право, то-есть полное право собственности, сохранилось неприкосновеннымъ. Только въ Московскій періодъ и на вотчины наложено было государственное тягло, хотя и тутъ онѣ не сравнялись съ помѣстьями, а сохранили свой самостоятельный характеръ. Нельзя не сказать, что кн. Васильчиковъ особенно несчастливъ на историческія сравненія.

Замѣтимъ однако, что кн. Васильчиковъ не признаетъ вотчинъ полною собственностью владѣльцевъ. По его мнѣнію, „выраженіе это означаетъ только, что владѣніе такою-то волостью перешло отъ отца къ сыну и далѣе ничего; *) перейдетъ ли оно къ слѣдующему колѣну родственниковъ— это было дѣло случая. Исключеній было столько же, если не болѣе, чѣмъ правилъ; вотчина была не частное и преемственное владѣніе, а право владѣнія, пожалованное отцу и перешедшее по счастливому случаю къ сыну“ (стр. 305—

*) Кн. Васильчиковъ гдѣ-то прочелъ *дядина* вмѣсто *дѣдина* и вообразилъ себѣ, что дядиною называлось имѣніе, случайно перешедшее отъ дяди (стр. XXVIII), о чемъ древнія наши грамоты ничего не вѣдаютъ.

306). Правда, продолжаетъ авторъ, села покупались, продавались, дарились и отказывались, но при всѣхъ этихъ сдѣлкахъ предметомъ договора и крѣпостнаго акта было не самое имущество и не люди, на нихъ водворенные, а только право собирать оброки и доходы съ людей и земель; имущество же оставалось все-таки государевымъ. Обыватели, какъ городскіе такъ и сельскіе... отъ малыхъ князей Рюрикова рода до бобылей и крестьянскихъ дѣтей, были въ отношеніи поземельнаго владѣнія одинаково безправными“ (Введ. стр. XXVII). Приводя догадку г. Градовскаго, что идея условнаго владѣнія выработалась на кормленіи и отсюда перешла на помѣстья, кн. Васильчиковъ присовокупляетъ: „но къ этому мы прибавимъ, что и вотчина исходила изъ того же начала и означала только унаслѣдованное право кормленія помѣстными землями“ (стр. 307).

Смѣемъ увѣрить кн. Васильчикова, что если бы даже знаменитый ученый, приводя чужое мнѣніе, сказалъ: „но къ этому мы прибавимъ“, онъ не счелъ бы возможнымъ сослаться просто на собственный авторитетъ, не подкрѣпивши свое мнѣніе никакими доказательствами. Наобумъ высказанное мнѣніе исчезаетъ безъ слѣда, обличая только поспѣшность сужденій автора. Въ настоящемъ же случаѣ, доказательства были тѣмъ необходимѣе, что мнѣніе кн. Васильчикова идетъ въ разрѣзъ со всѣми источниками и со всѣми изслѣдованіями. Кн. Васильчиковъ ссылается между прочимъ и на Неволина. Если бы онъ прочелъ книгу Неволина, которая наполнена фактическими данными, онъ увидалъ бы, что по мнѣнію этого почтеннаго ученаго, „частныя лица въ самыя древнѣйшія времена несомнительно обладали у насъ поземельною собственностью, и нѣтъ никакой причины принимать, чтобы вся эта поземельная собственность, или даже большая часть ея была пріобрѣтена ими отъ князя“ (Ист. росс. гражд. зак. II, стр. 132). Точно также и г. Бѣляевъ, котораго кн. Васильчиковъ признаетъ своимъ руководителемъ, говоритъ прямыми словами: „свободное занятіе и разработка земли, у кого сколько силъ достанетъ, не замедлили повести къ понятію о поземельной

собственности“. И далѣе: „въ вотчинномъ владѣніи хозяинъ былъ полнымъ собственникомъ земли; онъ не только пользовался и распоряжался ею, но имѣлъ право отчуждать ее и могъ селить на ней желающихъ, никого не спрашиваясь“ (Крестьяне на Руси, стр. 21, 22). Впрочемъ, къ чему тутъ чужіе авторитеты, когда самъ кн. Васильчиковъ повѣствуетъ намъ, что уже прежде призванія Варяговъ, новгородскія лѣтописи „упоминаютъ о лучшихъ, старшихъ людяхъ, мужахъ, которые владѣли землями отдѣльно отъ мужиковъ, крестьянъ“ (стр. 304). Варяжская дружина, продолжаетъ авторъ, усилила этотъ землевладѣльческій элементъ, и рядомъ съ князьями начинаютъ появляться бояре изъ дружинниковъ и княжескихъ слугъ. Были ли они собственники, или только условные и подвластные владѣльцы? По всѣмъ даннымъ, которыя имѣются, говоритъ кн. Васильчиковъ, надо предположить, что это были тоже правители, намѣстники, служители, которымъ отдавались волости на прокормленіе“ (тамъ же). Но какія это данныя, кн. Васильчиковъ умалчиваетъ. Дѣло въ томъ, что на это данныхъ нѣтъ никакихъ, а есть, напротивъ, множество данныхъ, которыя доказываютъ противное. Что слово *вотчина* первоначально означало имѣніе, наслѣдованное отъ отца, это несомнѣнно; но именно потому, что такое имѣніе считалось полною собственностью хозяина, стали употреблять это выраженіе въ смыслѣ собственности вообще, въ отличіе отъ владѣнія или помѣстья. Поэтому въ памятникахъ говорится о вотчинахъ выслуженныхъ, пожалованныхъ, купленныхъ. Еще въ первой половинѣ XIV вѣка, когда Родіонъ Несторовичъ переѣхалъ въ Москву, великій князь пожаловалъ ему *въ вотчину* половину Волоколамска. Поэтому въ актахъ говорится и о монастырскихъ вотчинахъ (см. напр. Акты Ист. I, стр. 270). Полагаетъ ли кн. Васильчиковъ, что это были кормленія, случайно перешедшія къ монастырямъ отъ ихъ отцовъ? Кн. Васильчиковъ признаетъ, что села покупались, продавались, дарились и отказывались, но онъ увѣряетъ, что предметомъ договора и крѣпостнаго акта было не самое имущество, а только право собирать оброки и доходы, имущество же все-

таки оставалось государевымъ. Приглашаемъ его прочесть подлинные договоры и крѣпостные акты частныхъ собственниковъ, которыхъ напечатано множество въ Юридическихъ актахъ и другихъ собраніяхъ. Вездѣ говорится именно объ имуществѣ, а о томъ, что это имущество принадлежитъ государю, нѣтъ ни слова. Спеціально княжескими землями считались дворцовыя и черныя, и онѣ постоянно отличаются отъ владѣльческихъ. (См. Опыты по ист. русск. пр. стр. 78—80, 90—91). Относительно монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ, кажется, самъ кн. Васильчиковъ это признаетъ, но онъ осторожно ихъ обходитъ, подъ предлогомъ, что этотъ видъ владѣнія „не оставилъ слѣда въ нашемъ соціальномъ бытѣ“ (стр. 348, прим. 3); въ сущности же потому, что онъ слишкомъ явно противорѣчитъ его теоріи. Относительно же боярскихъ вотчинъ, мы изъ княжескихъ договоровъ знаемъ, что князья обязывались не вступаться въ земли вольныхъ бояръ, отъѣхавшихъ къ другому князю, что было бы немыслимо, если бы всѣ въ отношеніи поземельнаго владѣнія были равно безправны. Кн. Васильчиковъ ссылается на то, что Шемяка отобралъ нѣсколько десятковъ вотчинъ бояръ и дѣтей боярскихъ, отъѣхавшихъ къ великому князю; но онъ умалчиваетъ о томъ, что духовенство дѣлало ему объ этомъ представленіе, признавая это грабежемъ. Съ развитіемъ же единодержавія, когда отъѣздъ сталъ считаться измѣною, имѣнія отъѣхавшихъ дѣйствительно отбирались на государя; но развѣ конфискація можетъ служить доказательствомъ противъ существованія права собственности? Конфискація была еще въ Римской имперіи. На Западѣ она существовала до послѣдняго времени. Въ германскихъ законахъ она опредѣлялась, какъ наказаніе, за многія преступленія, между прочимъ за самовольное оставленіе отечества. Въ первую французскую революцію подверглись конфискаціи всѣ имѣнія эмигрантовъ. Только новѣйшія конституціи ограждаютъ въ этомъ отношеніи частную собственность. Слѣдовательно, и тутъ мы не можемъ видѣть никакого различія между западною Европою и Россіею.

Точно также ни на чемъ не основаны и положенія кн.

Васильчикова о древне-русскомъ наслѣдствѣ. Когда онъ утверждаетъ, что понятіе о наслѣдствѣ было чуждо русскому быту, что семьи раздѣлялись при жизни отцовъ семейства, какъ только дѣти подростали, и что переходы имѣній отъ отца къ сыну были случайными, исключительными явленіями, а не правиломъ, не закономъ или обычаемъ (Введ. стр. XXVIII), то въ этомъ можно видѣть только совершенно произвольные вымыслы незнакомаго съ источниками автора. „Всѣ лѣтописи и грамоты, говоритъ кн. Васильчиковъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что семейный раздѣлъ, а не наслѣдованіе, былъ исконный порядокъ въ Россіи“ (стр. 345, прим. 1). По своему обыкновенію, кн. Васильчиковъ умалчиваетъ о томъ, какія это лѣтописи и грамоты; но всякій, кто сколько-нибудь изучалъ исторію русскаго права, знаетъ, что никакія лѣтописи и грамоты объ этомъ не свидѣтельствуютъ, а многія свидѣтельствуютъ о совершенно противномъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть хотя отдѣлъ о наслѣдствѣ въ извѣстной книгѣ Неволина, гдѣ собрано много фактическаго матеріала. О наслѣдованіи по древне-русскому праву тамъ можно найти множество данныхъ, а о семейномъ раздѣлѣ ни слова. Точно также въ книгѣ г. Бѣляева, которою руководствовался кн. Васильчиковъ, мы читаемъ: „кромѣ тяжести податей и повинностей, много способствовало распродажѣ земель крестьянами право дробленія родительскихъ земель между наслѣдниками: ибо естественно, что участокъ земли, достаточный для одного семейства отца, былъ уже не достаточенъ, когда по смерти отца онъ дѣлился на четыре семейства сыновей, и посему продажа таковыхъ раздробленныхъ участковъ была необходима“ (Крестьяне на Руси, стр. 88). Если бы кн. Васильчиковъ потрудился, не то что заглянуть въ памятники, а просто познакомиться немножко съ нашею юридическою литературою, онъ не сказалъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ: „если это такъ, а кажется въ этомъ сомнѣнія не можетъ быть“ (стр. 345); онъ зналъ бы, что если въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, то развѣ въ совершенно противоположномъ тому, что онъ утверждаетъ.

Уже одни наслѣдственныя отношенія русскихъ князей и ихъ духовныя грамоты могли бы убѣдить кн. Васильчикова, что понятіе о наслѣдствѣ вовсе не было чуждо древне-русскому быту. Въ Русской Правдѣ содержится цѣлый рядъ статей о наслѣдствѣ. Кн. Васильчиковъ увѣряетъ, что всѣ эти статьи относятся исключительно къ движимой собственности (стр. 304). Это мнѣніе дѣйствительно существовало въ литературѣ, но уже Неволинъ весьма справедливо замѣтилъ, что нѣтъ никакого основанія понимать такимъ образомъ постановленія Русской Правды. Употребляемый въ ней терминъ *статокъ* прилагается и къ недвижимымъ имуществамъ, а еще болѣе слово *домъ*. Въ пространной Русской Правдѣ прямо говорится, что домъ, какъ усадьба, то есть, какъ недвижимая собственность, долженъ переходить къ младшему сыну (см. Ист. росс. гражд. зак. III, стр. 347—348). Въ Судебникѣ Ивана III мы читаемъ: „А которой человѣкъ умретъ безъ духовные грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери; а не будетъ у него дочери ино взяти ближнему отъ его рода“ (А. И. I, стр. 155). Тоже самое повторяется и въ Судебникѣ Ивана IV-го. И въ виду всѣхъ этихъ, извѣстныхъ всѣмъ фактовъ, кн. Васильчиковъ все-таки смѣло утверждаетъ, что понятіе о наслѣдствѣ было чуждо древней Россіи, что объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ лѣтописи и грамоты, и что если имущество переходило отъ отца къ дѣтямъ, то это было случайное явленіе, а отнюдь не правило и не законъ. Поистинѣ непостижимо! Мы, съ своей стороны, отказываемся объяснить такое литературное явленіе.

Но, можетъ быть, кн. Васильчиковъ видитъ въ Судебникахъ только безтолковыя распоряженія Московскихъ царей, указы, которые издавались и не исполнялись, порядки, которые вводились и не принимались. Что же было въ дѣйствительности? На это отвѣчаютъ дошедшія до насъ духовныя и раздѣльныя грамоты частныхъ лицъ, напечатанныя въ Юридическихъ актахъ и другихъ сборникахъ. Изъ нихъ, точно также какъ и изъ законовъ, оказывается, что отцы дѣлили свои имѣнія между дѣтьми послѣ смерти,

а иногда наслѣдники сами дѣлились послѣ смерти отца или брата. И это дѣлалось не только въ служиломъ сословіи, но и между крестьянами. Въ статьѣ „о Сельской общинѣ“, на которую возражаетъ кн. Васильчиковъ, приведены подобныя грамоты, ясно доказывающія, что участки, на которые садились крестьяне, передавались потомственно. Противъ этого кн. Васильчиковъ говоритъ: „мы согласны, что данный жеребій дѣлился между потомствомъ перваго жихаря; если у отца два сына, то они получали двѣ половины; но если, далѣе, у этихъ двухъ братьевъ у одного три сына, а у другаго одинъ, то всѣ они четыре двоюродные брата получали поровну, по $^1/_4$ изъ отцовскаго наслѣдства; имъ слѣдовало бы первымъ тремъ получить по $^1/_6$, а второму одному $^1/_2$; вмѣсто того, они выравнивались всѣ вмѣстѣ, если только сами не отказывались отъ земли. Можно ли это называть потомственнымъ владѣніемъ“? (стр. 353, прим. 10). Дѣйствительно нельзя; но откуда же кн. Васильчиковъ взялъ, что всѣ четыре двоюродныхъ брата получали поровну? Опять изъ собственнаго воображенія. Грамоты объ этомъ не говорятъ ни слова.

Изъ всего этого ясно, что когда кн. Васильчиковъ утверждаетъ, что „понятія о собственности и наслѣдствѣ, на коемъ (sic) зиждется вся европейская гражданственность, были у насъ очень слабы и смутны“, то это надобно читать такъ: понятія кн. Васильчикова о собственности и наслѣдствѣ въ древней Россіи очень слабы и смутны. По второму пункту, различія между западною Европою и Россіею не оказывается никакого, но незнаніе западной и русской исторіи обнаруживается полное.

Наконецъ, третьею и главнѣйшею чертою различія русскаго быта отъ всѣхъ инородныхъ кн. Васильчиковъ полагаетъ организацію міра и мірское землевладѣніе, то-есть уравнительную разверстку полевыхъ и луговыхъ угодій между всѣми взрослыми членами общества, съ передѣломъ въ случаѣ нарушенія равенства (Введ. стр. XXVIII). Это-то и есть главный предметъ изслѣдованія, тотъ пунктъ, къ которому клонится все остальное.

Извѣстно, что этотъ вопросъ подвергался въ нашей литературѣ горячей полемикѣ, возбужденной статьею „о Сельской общинѣ“, гдѣ доказывалось, что въ древней Россіи мірского землевладѣнія не было, и что оно развилось подъ вліяніемъ государственныхъ началъ, именно укрѣпленія крестьянъ и податной системы. Защитникомъ общиннаго владѣнія выступилъ г. Бѣляевъ. Авторъ „Сельской общины“, въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, напечаталъ новую статью: „Ещс о Сельской общинѣ“, а г. Бѣляевъ, съ своей стороны, написалъ вторичное возраженіе. Но въ этомъ вторичномъ возраженіи онъ отвѣчалъ только на первую, общую часть статьи; вторую-же часть, которая касалась собственно сельской общины, и гдѣ ему доказывалось, что ясныя свидѣтельства грамотъ были имъ опущены или искажены, онъ оставилъ безъ отвѣта. Это было молчаливое сознаніе невозможности дальнѣйшаго спора. Мало того: спустя нѣсколько лѣтъ, г. Бѣляевъ самъ написалъ книгу: „Крестьяне на Руси“, въ которой онъ подтверждалъ всѣ выводы, противъ которыхъ онъ прежде ополчался; на стр. 37 и слѣд. своей книги онъ такъ изображаетъ отношенія крестьянъ къ землѣ:

1) „Ежели крестьяне сидѣли на общинной или черной землѣ, то они пользовались ею только какъ члены общины, получая въ надѣлъ извѣстные участки или выти земли въ безсрочное пользованіе, такъ что на одномъ и томъ же участкѣ крестьянинъ могъ сидѣть цѣлую жизнь и передавалъ его своимъ наслѣдникамъ, но разумѣется, съ неизмѣннымъ условіемъ быть членомъ общины и тянуть во всѣ общинные разрубы и разметы. Этотъ участокъ земли до нѣкоторой степени представлялъ какъ бы собственность крестьянина; онъ могъ даже отдавать его въ закладъ и продавать, только съ условіемъ, чтобы тотъ, кто приметъ отъ него этотъ участокъ, тянулъ въ общинные разрубы и разметы (т.-е. платилъ подати и повинности), или окупилъ всѣ общинныя пошлины, лежащія на этомъ участкѣ, или, какъ тогда говорилось, обѣлилъ его, а въ противномъ случаѣ лишался своей покупки..... Крестьянинъ, владѣющій участкомъ общинной земли, имѣлъ на нее всѣ права пользованія и распоряженія,

могъ отдавать ее въ наемъ, могъ самъ воздѣлывать ее въ какихъ угодно видахъ, т.-е. обращать въ пашню, въ огородъ, оставлять перелогомъ, ставить на ней строенія и проч. Община во все это не вступалась; крестьянинъ въ этомъ отношеніи былъ полнымъ хозяиномъ даннаго ему участка, только бы исполнялъ лежащія на немъ общинныя обязанности".

2) „Ежели крестьянинъ сидѣлъ на своей собственной землѣ, имъ самимъ расчищенной изъ дикаго поля, или купленной у другаго землевладѣльца собственника, то онъ былъ полнымъ собственникомъ, какъ и прочіе частные землевладѣльцы, могъ свободно какъ отчуждать ее, такъ и распоряжаться ею, могъ продавать, дарить, завѣщевать, отдавать въ наймы, селить на ней крестьянъ на свое имя".

3) „Крестьяне, сидящіе на чужой землѣ, т.-е. на землѣ частнаго собственника, — князя, боярина, монастыря, купца, крестьянина, занимали землю только по взаимному согласію съ землевладѣльцемъ, и при недостаткѣ таковаго согласія не могли оставаться на таковой землѣ: земля сія ипринадлежала своему собственнику, и крестьянинъ сидѣлъ на ней въ качествѣ безсрочнаго жильца, могъ просидѣть на ней цѣлую жизнь и даже передать ее своимъ дѣтямъ, но могло быть и такъ, что черезъ годъ, около Юрьева дня осенняго, онъ или самъ оставлялъ землю, или хозяинъ ссылалъ его.... Крестьянинъ обыкновенно получалъ отъ господина дворъ и долю или часть пахатной земли и сѣнокоса и право въѣзжать въ лѣсъ, ежели таковой былъ, за что платилъ господину своею работою или произведеніями воздѣлываемой земли, пока не оставлялъ его самъ, или пока землевладѣлецъ не сгонялъ его. Но иногда землевладѣлецъ отдавалъ крестьянину нѣсколько деревень со всѣми угодьями и предоставлялъ ему, какъ хозяину, населять отдаленныя деревни, призывать на нихъ крестьянъ и пользоваться всѣми доходами на извѣстныхъ условіяхъ." Далѣе, дѣлая общее заключеніе о крестьянахъ XVI вѣка, г. Бѣляевъ говоритъ: „конечно, община или землевладѣлецъ по прежнему могли еще сослать неисправнаго крестьянина съ земли; но они не имѣли права убавить или прибавить уча-

стокъ земли противъ порядной записи; земля, составляющая тягловую долю крестьянина, оставалась неприкосновенною, пока крестьянинъ исправно тянулъ съ нея тягло; власть его надъ симъ участкомъ простиралась до того, что онъ могъ мѣнять и продавать его людямъ, соглашающимся нести тягло“. (Крестьяне на Руси, стр. 96).

Такъ изображаетъ г. Бѣляевъ крестьянское землевладѣніе въ древней Россіи. Оказывается, что оно было участковое, а не мірское. О развертькѣ угодій между всѣми взрослыми членами общины, о передѣлахъ, однимъ словомъ, обо всемъ, что составляетъ существо мірскаго землевладѣнія, у г. Бѣляева нѣтъ ни слова, по той простой причинѣ, что дошедшія до насъ грамоты ничего объ этомъ не говорятъ, а говорятъ совершенно противное. Казалось бы, что для всякаго безпристрастнаго судьи, вопросъ долженъ былъ считаться рѣшеннымъ, по крайней мѣрѣ, на основаніи существующихъ данныхъ. Мы имѣемъ собственное сознаніе противника. Г. Бѣляевъ перерылъ всѣ грамоты, бывшія у него подъ рукою, не нашелъ въ нихъ ничего въ свою пользу, и молча перешелъ на другую сторону. Кто находитъ это рѣшеніе неудовлетворительнымъ, тотъ долженъ подвергнуть весь вопросъ новому изслѣдованію, снова перебрать всѣ имѣющіеся на лицо источники и вывести свои заключенія. Таковъ пріемъ, который требуется отъ всякаго добросовѣстнаго ученаго. Но кн. Васильчиковъ не имѣетъ претензіи быть ученымъ, а потому и не стѣсняется подобными мелочами. Онъ, правда, ссылается на г. Бѣляева, какъ на главный источникъ, изъ котораго онъ черпаетъ свои свѣдѣнія, но онъ умалчиваетъ объ его выводахъ и вмѣсто нихъ ставитъ совершенно другіе. Въ памятникахъ же, какъ было указано выше, онъ видитъ только изображеніе отрицательной стороны русской жизни, не того, что было, а того, чего не было. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ всякихъ положительныхъ данныхъ, какъ изъ первыхъ, такъ и вторыхъ рукъ, остается прибѣгнуть къ собственной изобрѣтательности и кн. Васильчиковъ предается этому въ полной мѣрѣ. По по-

воду общиннаго землевладѣнія, есть гдѣ разгуляться фантазіи *).

Кн. Васильчиковъ не принимаетъ мнѣнія тѣхъ, которые отвергаютъ мірское владѣніе, основываясь на памятникахъ. „Аргументація эта, говоритъ онъ, едва ли можетъ быть признана убѣдительной, ибо мірское владѣніе есть именно та форма изстари первобытнаго населенія, о коей историческихъ памятниковъ не имѣется“ (1, стр. 317). Но почему же кн. Васильчикову извѣстно, что она существовала, если

---

*) Новѣйшія попытки изслѣдованій нисколько не подвинули впередъ вопроса о поземельномъ владѣніи въ древней Россіи. Г. Соколовскій, который въ своемъ *Очеркѣ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи* идетъ по стопамъ кн. Васильчикова, доказываетъ, что волость владѣла пустыми землями и раздавала ихъ новымъ поселенцамъ, чего никто никогда не отрицалъ. Вопросъ состоитъ въ томъ: на какомъ правѣ раздавались эти участки? На этотъ счетъ г. Соколовскій говоритъ: «надѣливши своего члена наровнѣ съ другими участкомъ земли, русская община древней Россіи, въ большей части сѣверныхъ селеній, предоставляла ему полную свободу въ распоряженіи доходомъ отъ земли, давая ему право дѣлить на части, передавать наслѣдникамъ, мѣняться своей землей, закладывать, отдавать въ наемъ и даже отчуждать посредствомъ даренія и продажи, съ тѣмъ лишь подразумѣваемымъ условіемъ, чтобы участокъ оставался во владѣніи общины, подобно тому какъ частные землевладѣльцы, предоставляя своимъ поселенцамъ такія же права, удерживали за собою право владѣнія и распоряженія. Совмѣстное существованіе полной свободы члена общины въ распоряженіи своимъ земельнымъ имуществомъ и неограниченнаго права общины даже отнимать это имущество, когда того потребуютъ общіе интересы, можетъ показаться современному человѣку непонятнымъ, такъ какъ эти два явленія, повидимому, взаимно исключаются. Но съ точки зрѣнія общинника они вполнѣ примиримы. Общинникъ имѣетъ равное съ другими право на долю въ общинной землѣ, но не на опредѣленный участокъ, и потому не можетъ противиться, если община находитъ нужнымъ взять находящійся въ его пользованіи участокъ и дать ему взамѣнъ другой, равный“ (стр. 87—88). Откуда г. Соколовскій взялъ, что русская община надѣляла своего члена наровнѣ съ другими, неизвѣстно. Источники говорятъ только, что волость раздавала пустые участки новымъ поселенцамъ и договаривалась съ ними отдѣльно, при чемъ каждый бралъ, сколько ему приходилось или сколько онъ могъ обработать. Вслѣдствіе этого, по собственному признанію г. Соколовскаго, даже въ одной и той же деревнѣ одинъ участокъ могъ быть втрое больше другаго. Такой выводъ тѣмъ изумительнѣе, что г. Соколовскій приписываетъ это уравнительное надѣленіе членовъ не волости, которая раздавала пустые участки, а деревнѣ, которая, по его собственнымъ изслѣдованіямъ,

о ней памятниковъ не имѣется? Надобно предполагать высшее наитіе, ибо кн. Васильчиковъ не только догадывается, но и *вьрно знаетъ*, что это было такъ. Какимъ образомъ происходили первыя занятія земель, говоритъ онъ, „этого, разумѣется, изслѣдовать невозможно; но *вѣрно* то, что рядомъ съ подворными участками были и общинныя земли, и что объ этомъ крестьянскомъ завладѣніи пустыхъ земель свѣдѣній не осталось, потому что оно совершалось помимо и безъ вѣдома всякихъ властей“ (тамъ же). Такое вѣрное знаніе того, о чемъ свѣдѣній не имѣется, должно быть от-

---

состояла большею частью изъ двухъ-трехъ дворовъ, а нерѣдко и изъ одного (стр. 55 прим.) Но объ томъ, чтобы деревня въ своемъ совокупномъ составѣ распоряжалась землями и раздавала пустые участки, объ этомъ у него не приведено ни единаго свидѣтельства. Г. Соколовскій прибѣгнулъ къ новому термину *община*, чтобы посредствомъ этого миража перепутать всѣ представленія и приписать древней Россіи свой идеалъ общественнаго уравненія, о которомъ она ничего не вѣдала. Столь же мало источники говорятъ о подразумѣваемомъ условіи, чтобы участокъ оставался во владѣніи общины и о правѣ общины отнимать у своихъ членовъ находящіеся въ ихъ владѣніи участки. Мнимая точка зрѣнія общинника, совмѣщающая несовмѣстимое, ничто иное, какъ точка зрѣнія незнакомаго съ научными понятіями и пріемами изслѣдователя, который, не находя въ памятникахъ того, что ему желательно въ нихъ найти, подставляетъ въ нихъ собственныя свои наивныя соображенія. Любопытно, что г. Соколовскій, признавши на 87-й страницѣ, что община предоставляла своимъ членамъ полную свободу въ распоряженіи землею, съ правомъ дѣлить ее на части, передавать наслѣдникамъ, мѣняться, закладывать и отчуждать, на 97-й страницѣ утверждаетъ, что запрещеніе отдѣльнымъ членамъ отчуждать участки и ограниченіе права наслѣдства составляли черты, принадлежавшія русской общинѣ съ самаго начала ея историческаго существованія. Когда вмѣсто добросовѣстнаго изученія источниковъ строится фантастическое зданіе, нужно по крайней мѣрѣ, чтобы это зданіе имѣло какую-нибудь цѣльность. Но умѣніе связывать свои мысли всего менѣе можно найти у новыхъ нашихъ изслѣдователей по вопросу объ общинномъ землевладѣніи.

Что касается до сочиненія г. Кейслера, Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland), то почтенный авторъ, не вдаваясь въ самостоятельныя изысканія, старался только свести къ общему итогу данныя, выработанныя русскою юридическою литературою. Къ сожалѣнію, эти данныя такого рода, что пользоваться ими безъ тщательной провѣрки съ источниками невозможно. Недостатокъ подобной провѣрки привелъ г. Кейслера къ тому, что онъ соображенія и выводы гг. Лешкова и Бѣляева принялъ за

мѣчено, какъ замѣчательный фактъ въ исторіи нашей литературы.

„Но кромѣ того, продолжаетъ кн. Васильчиковъ, намъ кажется, что древнѣйшее существованіе мірскаго землевладѣнія уже доказывается само собой и *самымъ неопровержимымъ образомъ* тѣмъ, что оно сохранилось до новѣйшихъ временъ, составило впослѣдствіи общую, всенародную форму крестьянскаго быта во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ“ (тамъ же). И такъ, существованіе мірскаго владѣнія въ XIX-мъ столѣтіи должно служить неопровержимымъ доказательствомъ существованія его въ XII-мъ. Поистинѣ изумительная аргументація! Никогда еще ни одному историку

фактическія изслѣдованія и пользовался ими такъ, какъ будто бы они прямо были заимствованы изъ источниковъ. До какой степени некритически г. Кейслеръ отнесся къ собранному имъ такимъ способомъ матеріалу, видно изъ того, что онъ не догадался даже, что г. Бѣляевъ въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи призналъ именно все то, что онъ отвергалъ въ предъидущихъ. Отсюда сбивчивость и противорѣчія въ выводахъ самого г. Кейслера. Слѣдуя г. Бѣляеву, онъ признаетъ полную самостоятельность древне-русскихъ крестьянъ въ распоряженіи своими участками; онъ признаетъ, что при обиліи земли и разсѣянности поселеній, не было даже повода къ ограниченію частныхъ владѣльцевъ въ пользу общины (стр. 65—67), и тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что „несмотря на почти (?) неограниченное положеніе отдѣльнаго хозяина въ отношеніи къ пользованію своимъ участкомъ, въ юридическомъ сознаніи, народа *могло* (?!) сохраниться понятіе объ общемъ правѣ собственности на землю и о правѣ общины распоряжаться общинною землею“ (стр. 68). Но въ чемъ выражалось это юридическое сознаніе, и какія на этотъ счетъ существуютъ фактическія данныя, г. Кейслеръ не указываетъ. Онъ прямо даже говоритъ, что нѣтъ никакихъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ доказательствъ, чтобы община могла распоряжаться участкомъ противъ воли владѣльца (стр. 85). На этомъ основаніи, вопреки мнѣнію защитниковъ древне-русской общины, г. Кейслеръ стоитъ за то, что общинное владѣніе въ древней Россіи вовсе не было похоже на нынѣшнее, ибо въ то время не признавалось право каждаго члена на равное съ другими участіе въ общей землѣ (стр. 88—89). Вмѣстѣ съ противниками г. Бѣляева, г. Кейслеръ выводитъ это право изъ подушной подати, которая, налагая на всѣхъ членовъ общины одинаковую повинность, вела къ равному между ними распредѣленію участковъ земли, служившихъ средствомъ для отбыванія этой повинности (стр. 106). Очевидно, что г. Кейслеръ хотѣлъ эклектически соединить различныя воззрѣнія, высказывавшіяся въ русской литературѣ; но сдѣлать это безъ самостоятельныхъ изслѣдованій и строгой критической провѣрки нѣтъ возможности.

не приходило въ голову употреблять подобный доводъ. По теоріи кн. Васильчикова, статистика должна замѣнить исторію. Еще можно было бы съ нѣкоторою тѣнью вѣроятія сослаться на существующій порядокъ, если бы въ теченіи всего этого времени жизнь оставалась неизмѣнною. Но мы видимъ, напротивъ, что все измѣнилось, и общественный строй и крестьянскій бытъ. На мѣсто вольныхъ дружинъ или разсѣянныхъ вотчинъ возникло могучее государство, которое наложило свое тягло на всѣхъ. Прежніе вольные крестьяне сдѣлались крѣпостными. Свободные договоры, на которыхъ основывались прежде поземельныя отношенія, прекратились; свободное отчужденіе участковъ отмѣнено. Неужели кн. Васильчиковъ полагаетъ, что бродячее, вольное населеніе, гуляющее по всей землѣ и садящееся гдѣ кому угодно, можетъ имѣть тѣже хозяйственные нравы и порядки, какъ населеніе закрѣпощенное и носящее государственное или господское тягло? А если это по меньшей мѣрѣ сомнительно, то и ссылка на существующій порядокъ не только не служитъ здѣсь *неопровержимымъ* доводомъ, но не можетъ служить ровно никакимъ.

Кн. Васильчиковъ взываетъ къ тѣмъ, которые признаютъ общинное владѣніе произведеніемъ новаго времени, указать гдѣ, когда и какъ послѣдовалъ этотъ коренной переворотъ? Какъ это отобраны были у частныхъ собственниковъ ихъ семейныя и наслѣдственныя усадьбы и поля, срыты дворы. распаханы межи и всѣ земли сведены въ одни поля съ смежными поселянами? Когда и какою властью совершена была громадная операція экспропріаціи частныхъ владѣльцевъ и переводъ ихъ въ міръ? Если бы кн. Васильчиковъ былъ знакомъ съ источниками и самъ занимался изслѣдованіями, онъ зналъ бы, что ни одинъ добросовѣстный ученый не идетъ далѣе того, что даютъ памятники. Если въ источникахъ есть пробѣлъ, долженъ остаться пробѣлъ и въ изслѣдованіи. Восполнить же картину собственнымъ воображеніемъ это—такой пріемъ, который надобно предоставить дилеттантамъ. Памятники русской старины не даютъ намъ подробныхъ указаній на счетъ того, какъ совершилось пре-

вращеніе участковаго владѣнія въ общинное. Это не дѣлалось путемъ общихъ мѣръ; да подобныя мѣры были бы и неумѣстны. Тамъ, гдѣ земли было вдоволь, очевидно весьма долго могли сохраниться подворные участки; по мѣрѣ же того, какъ становилось тѣсно, приходилось разверстывать угодья, чтобы дать всѣмъ возможность нести наложенное на нихъ тягло. Но мы достовѣрно знаемъ изъ памятниковъ, какимъ образомъ совершилось все то, что вызвало этотъ переворотъ, и на это было указано изслѣдователями. Мы знаемъ, какъ были укрѣплены крестьяне, какъ подати и повинности съ земель были перенесены на лица или на рабочія силы. Въ отдѣльныхъ случаяхъ мы даже прямо знаемъ, когда и какъ было запрещено свободное отчужденіе участковъ и введено мірское владѣніе. Относительно однодворцевъ и черносошныхъ крестьянъ въ статьѣ „о Сельской общинѣ“ прямо были указаны факты. Но всего этого кн. Васильчиковъ знать не хочетъ. Тамъ, гдѣ не достаетъ свидѣтельствъ, онъ взываетъ: „подайте мнѣ свидѣтельства!“ А тамъ, гдѣ ему приводятъ свидѣтельства, онъ восклицаетъ: „помилуйте! что это за указанія? Это—просто розсказни приказныхъ людей, которые жизни народа не знали, и сами не вѣдали, что писали. Русскій народъ въ своей жизни руководствовался обычаями, которые нигдѣ не записаны, и о которыхъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ.“ Этимъ способомъ можно, конечно, доказать и опровергнуть все, что угодно.

Нисходя къ очевиднымъ показаніямъ памятниковъ, признаннымъ всѣми изслѣдователями, кн. Васильчиковъ допускаетъ однако, что рядомъ съ общиннымъ владѣніемъ было и участковое; но, по его мнѣнію, первое было правило, а второе — исключеніе (стр. 338). Это былъ порядокъ, заведенный въ центральной Россіи частными лицами и учрежденіями, которыя, пріискивая для своихъ пустыхъ земель вольныхъ поселянъ, заключали съ ними отдѣльныя условія. Но и тутъ „это подворное владѣніе скоро превращалось въ общинное; сыновья, достигая совершеннолѣтія, выдѣлялись отъ отцовъ, братья и племянники отъ братьевъ и дядей; для полученія

своего надѣла, своего хозяйства они не дожидались смерти домохозяина, или его родительскаго соизволенія или разрѣшенія помѣщика и вотчинника. По исконному обычаю всѣхъ крестьянъ на Руси, взрослый работникъ получалъ землю и вступалъ въ тягло, какъ только достигалъ совершенныхъ лѣтъ и вступалъ въ бракъ; онъ получалъ свою часть изъ отцовскаго участка, или надѣлялся особымъ смежнымъ дворомъ отъ помѣщиковъ, или уходилъ на другія земли, если въ томъ и другомъ ему отказывали. Такимъ образомъ, говоритъ кн. Васильчиковъ, подворное владѣніе само собою, гдѣ оно и было заведено по распоряженію владѣльцевъ, послѣ одного, много двухъ поколѣній, переходило въ мірское.... Подворный участковый надѣлъ былъ только единовременное распоряженіе нѣкоторыхъ владѣльцевъ, не освоившееся въ русскихъ поселеніяхъ, потому что оно противорѣчитъ коренному обычаю надѣлять землей всѣхъ взрослыхъ людей поровну при жизни старшаго владѣльца.„ Въ отдаленныхъ же полосахъ Россіи, „какъ только мы выходимъ изъ круга, заколдованнаго Московскими великими князьями и царями, дружинниками, боярами, служилыми сословіями“, нѣтъ даже и этихъ неудачныхъ попытокъ ввести участковое владѣніе. Сѣверо-восточная полоса Россіи, говоритъ кн. Васильчиковъ, была земля крестьянскаго владѣнія безъ примѣси „вотчиннаго и помѣстнаго“; это была „та почва, на которой родилась и выросла сельская община въ полномъ, природномъ своемъ видѣ“. Тутъ-то мы и должны ее изучать, если требуется изслѣдовать „не случайныя проявленія своеволія и самовластія“, а коренныя черты русскаго быта. Кн. Васильчиковъ называетъ этотъ бытъ „малоизвѣстнымъ и малоизслѣдованнымъ“; однако онъ подробно описываетъ, какъ тамъ селились крестьяне, и прибавляетъ, что тотъ же порядокъ поселенія принятъ былъ и при колонизаціи южной Россіи въ казацкихъ станицахъ (стран. 334—337).

Мы не станемъ снова спрашивать кн. Васильчикова, откуда ему извѣстенъ способъ перехода отъ участковаго владѣнія къ общинному въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и порядокъ

поселенія крестьянъ на сѣверо-востокѣ: изъ предъидущаго мы уже достовѣрно знаемъ, что всѣ эти описанія почерпнуты исключительно изъ его собственнаго воображенія. Источники объ этомъ не говорятъ ни слова. Но мы не можемъ не замѣтить, что указаніе на сѣверо-восточный край, какъ на почву, „на коей родилась и выросла сельская община въ природномъ своемъ видѣ“, какъ нельзя болѣе неудачно. Подлинные памятники свидѣтельствуютъ, что именно на сѣверо-востокѣ, у черносошныхъ крестьянъ, всего долѣе сохранилось участковое владѣніе и только межевыми инструкціями второй половины XVIII-го вѣка запрещено было свободное отчужденіе земель. Объ этомъ въ статьѣ „о Сельской общинѣ“ есть подробныя указанія, которыя не были опровергнуты. Г. Бѣляевъ, въ своихъ возраженіяхъ, утверждалъ даже, что Двинская область не можетъ служить здѣсь доказательствомъ, ибо въ ней, не въ примѣръ другимъ русскимъ областямъ, между крестьянами распространена была личная собственность. Также неудачно и указаніе на югъ. Въ Малороссіи, гдѣ казачество развивалось на волѣ и которая поздно подчинилась Московскому государственному строю, общиннаго владѣнія никогда не было и нѣтъ до сихъ поръ. Но Малороссію кн. Васильчиковъ постоянно обходитъ, какъ будто Малороссіяне не такое же искони русское племя, какъ и Великороссіяне.

Эта послѣдняя черта, именно, что общинное владѣніе въ Россіи всего болѣе развивается тамъ, гдѣ сильнѣе чувствуется вліяніе государства, указываетъ намъ и на существенную причину совершившагося въ крестьянскомъ землевладѣніи переворота. Мы можемъ высказать эту причину собственными словами кн. Васильчикова: она состоитъ въ томъ, что владѣніе землею сдѣлалось *повинностью* (стр. 344), или лучше, средствомъ для исправленія возложеннаго на лицо государственнаго тягла. Кн. Васильчиковъ правъ, когда онъ европейскому (а по нашему и древне-русскому) понятію о *правѣ* собственности противополагаетъ лежащее въ основаніи общиннаго владѣнія понятіе о повинности; но онъ, вѣроятно, согласится, что этого понятія не могло быть тамъ,

гдѣ не было самой повинности. Пока служилые люди и крестьяне свободно переходили съ мѣста на мѣсто, изъ княжества въ княжество, пока они были вольные люди, а не крѣпостные, о держаніи земли въ видѣ повинности, слѣдовательно и объ общинномъ владѣніи, не могло быть рѣчи. Каждый бралъ или пріобрѣталъ землю на основанію свободнаго договора; для него это было право, а не обязанность. Точно также не могло быть рѣчи о повинности и въ пустыняхъ, куда люди уходили отъ дѣйствія властей. Отсюда и то явленіе, что несмотря на мнимое общинное владѣніе и на исконный будто бы обычай надѣлять землею каждаго взрослаго работника, въ XVI столѣтіи оказывается множество безземельныхъ крестьянъ, на что указываетъ и кн. Васильчиковъ (стр. 341). „Обезземеленіе крестьянъ при старомъ уложеніи о вольномъ переходѣ, говоритъ онъ, шло быстрымъ ходомъ“ (стр. 375). „Полная личная свобода разстроивала хозяйственный бытъ общины, и къ концу XVI столѣтія разстройство это было полное“ (стр. 371). Если бы логика имѣла какое-нибудь значеніе для кн. Васильчикова, онъ вывелъ бы изъ этого, что или общинное владѣніе въ то время не существовало, или что оно само по себѣ не въ состояніи предупредить пролетаріатъ. Чтобы произвести всеобщее надѣленіе землею и возстановить равенство, „нарушенное самою природою человѣка“, потребовалось крѣпостное состояніе. Когда образовалось Московское государство и на всѣхъ было наложено тягло, когда служилые люди были прикрѣплены къ службѣ, а крестьяне къ землѣ, началось и верстаніе землями, первыхъ помѣстными, вторыхъ общинными; тогда владѣніе землею дѣйствительно обратилось въ повинность. Самъ кн. Васильчиковъ называетъ наложеніе тягла *важнымъ нововведеніемъ* въ крестьянскомъ быту (стр. 325). Сопоставьте это нововведеніе съ тѣмъ понятіемъ о землѣ, которое, по вашему собственному признанію, лежитъ въ основаніи общиннаго владѣнія, и весь смыслъ послѣдняго раскроется самъ собою.

Отсюда ясно, что общинное владѣніе въ Россіи было плодомъ не свободной общины, а крѣпостной. Оно дѣйствитель-

но составляетъ черту, отличающую русскій бытъ отъ западно-европейскаго. Это отличіе мы можемъ опять характеризовать словами кн. Васильчикова: оно состоитъ въ томъ, что въ Россіи развилась „не полноправность, а только полнообязательность обывателя, то-есть, что на него были возложены всѣ повинности, но безъ соотвѣтствующихъ правъ“ (стр. 302). Корень же этого различія лежитъ въ самыхъ свойствахъ русской земли и въ способѣ образованія Московскаго государства. Въ средніе вѣка, вслѣдствіе неосѣдлости какъ верхнихъ, такъ и нижнихъ слоевъ населенія, въ Россіи было гораздо болѣе свободы, нежели на Западѣ. Служилые люди и крестьяне вольно переходили съ мѣста на мѣсто, обязываясь только добровольными сдѣлками. „Кочеваніе, бродничество, по выраженію кн. Васильчикова, было всенародное состояніе всѣхъ классовъ“; крѣпкихъ мѣстныхъ союзовъ, владѣльческихъ или свободныхъ, не могло образоваться. При такомъ состояніи земли и народа, Московскому государству пришлось не раскрѣплять, а закрѣплять. На это оно и обратило всѣ свои усилія. Чтобы изъ этой бродячей массы, раскинутой на необъятныхъ пространствахъ, образовать единое, крѣпкое государство, при тѣхъ скудныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ средствахъ, какія имѣлись въ рукахъ, нужно было на всѣхъ наложить такое тяжелое тягло, какого никогда не несъ западный человѣкъ, и это тягло легло преимущественно на великороссійское племя, въ центральной части Россіи. На его плечахъ устроилось русское государство. Здѣсь поэтому, а не на окраинахъ и не въ дикихъ пустынахъ, надобно изучать отличительныя черты русской исторіи. Отсюда происходитъ и то явленіе, что между тѣмъ какъ въ средніе вѣка въ Россіи было гораздо болѣе свободы, чѣмъ на Западѣ, въ послѣдующее затѣмъ время подчиненіе сдѣлалось у насъ полнѣе, нежели гдѣ-либо. Самъ кн. Васильчиковъ это признаетъ (стр. 343), но онъ умалчиваетъ о томъ, что это и есть то воззрѣніе, противъ котораго онъ ополчается, и вовсе не замѣчаетъ, что оно существенно противорѣчитъ его собственному взгляду.

Несмотря, однако, на это всеобщее закрѣпленіе, начало права никогда не исчезало у насъ совершенно, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ слояхъ общества, которые, по самому своему положенію, должны были сохранить болѣе самостоятельности. Въ области поземельныхъ отношеній, оно проявлялось въ вотчинномъ землевладѣніи, унаслѣдованномъ отъ среднихъ вѣковъ. Хотя вотчины, также какъ и помѣстья, служили подспорьемъ на службѣ, однако онѣ никогда не считались собственностью государства. Ими не верстались взрослые сыновья; онѣ переходили по наслѣдству, отчуждались свободно, и государство въ это не вступалось. Окончательно даже не вотчины превратились въ помѣстья, а напротивъ, помѣстья въ вотчины. Это и есть основаніе того поземельнаго права собственности, которымъ мы пользуемся нынѣ. Оно составляетъ не легкомысленное заимствованіе изъ чужаго быта, а драгоцѣнное наслѣдіе предковъ, идущее еще отъ среднихъ вѣковъ, выраженіе тѣхъ началъ свободы и права, которыя, несмотря на тяжелую службу, сослужену всѣми сословіями для устроенія государства, тянутся непрерывною нитью черезъ всю русскую исторію и нынѣ разлились въ широкую рѣку. Справедливо, что на этихъ началахъ зиждется вся европейская гражданственность, но это происходитъ не отъ какихъ-либо особенностей западной цивилизаціи, а оттого, что на этихъ началахъ зиждется гражданственность всѣхъ образованныхъ народовъ въ мірѣ. Вездѣ, гдѣ признается свободная человѣческая личность, признается и собственность, которая служитъ непосредственнымъ ея выраженіемъ въ самомъ завѣтномъ ея святилищѣ, въ частной сферѣ. Въ этомъ отношеніи, мы можемъ видѣть не различіе, а параллель между западною исторіею и русскою. И на Западѣ поземельная собственность въ прежнее время опутывалась всякими общественными и частными повинностями, и только въ новѣйшее время она пріобрѣла полную свободу.

Что касается до крестьянъ, то положеніе ихъ было гораздо хуже, нежели положеніе служилыхъ людей. Тутъ дѣйствительно безправіе было полное; тутъ были однѣ обязанно-

сти, безъ всякихъ соотвѣтствующихъ правъ. Поэтому они и не сохранили личнаго права на земли. Ихъ огульно надѣляли угодьями, разверстывая земли, въ видѣ повинности, между всѣми взрослыми работниками. Въ этомъ и состоитъ современный нашъ общинный бытъ, плодъ крѣпостнаго права въ самомъ широкомъ его объемѣ. И пока эти узы окончательно не разрѣшились, пока крестьяне остаются крѣпкими землѣ, пока они связяны круговою порукою, пока они не имѣютъ права свободно распоряжаться выкупаемыми ими участками, нечего и думать объ уничтоженіи общиннаго владѣнія. Когда же послѣдуетъ окончательное раскрѣпленіе, оно исчезнетъ само собою. Но къ этому вопросу мы еще возвратимся впослѣдствіи.

Говорить ли о воззрѣніяхъ кн. Васильчикова на дальнѣйшую судьбу крестьянскаго сословія? Послѣ всего сказаннаго, это представляется почти излишнимъ. Руководствуясь здѣсь главнымъ образомъ сочиненіемъ г. Бѣляева, кн. Васильчиковъ естественно повторяетъ и безконечныя противорѣчія и ошибки г. Бѣляева, который, напримѣръ, на одной страницѣ говоритъ, что крестьяне, послѣ укрѣпленія, самовольно переводились съ одной земли на другую и были предметомъ продажи и мѣны (Крестьяне на Руси, стр. 129—132), а на слѣдующей, что права крестьянина на землю, вмѣстѣ съ поселеніемъ на ней, дѣлались неотъемлемыми (стр. 133); или, сославшись на грамоты, въ которыхъ крестьяне обязывались платить помѣщику дань „чѣмъ онъ ихъ изоброчитъ“, выводитъ изъ этого, что отношенія были опредѣленныя и не зависѣли отъ произвола помѣщика (стран. 179, 191—2); или, сказавши, что писцовымъ наказомъ 1646 года крестьяне, попавшіе въ новую перепись, были навсегда прикрѣплены къ землѣ съ своими дѣтьми, братьями и племянниками, живущими не отдѣльно (стр. 142), и что Уложеніе однимъ почеркомъ пера уничтожило не только свободу, но и возможность крестьянскаго перехода съ одной земли на другую (стр. 144), рядомъ съ этимъ утверждаетъ, въ видѣ общаго правила, „что прикрѣпленіе не стѣсняло свободы выбора—куда кому поступить, каждый принималъ на себя

то тягло, которое находилъ выгоднымъ (стр. 188). Такихъ несообразностей можно привести множество. Мы не думаемъ упрекать кн. Васильчикова за то, что онъ на слово повѣрилъ г. Бѣляеву, не провѣривъ его показаній. Для этого нужно было бы знакомство съ источниками, которымъ авторъ не обладаетъ. Конечно, онъ могъ бы воспользоваться и трудами другихъ, менѣе предубѣжденныхъ и болѣе основательныхъ изслѣдователей, напримѣръ, г. Побѣдоносцева. Но для того, чтобы судить о большей или меньшей основательности изслѣдованія, надобно опять-таки быть знакомымъ не только съ самою наукою, но и съ пріемами научнаго труда. И этого мы отъ кн. Васильчикова ожидать не въ правѣ. Но мы не можемъ не упрекнуть его въ томъ, что онъ еще преувеличиваетъ преувеличенія г. Бѣляева. Когда онъ утверждаетъ, что въ XVII вѣкѣ „крѣпкими къ помѣщичьимъ землямъ считались только тѣ домохозяева, которые или по прежнимъ, или по новѣйшимъ сдѣлкамъ сѣли на эти земли, порядились ихъ пахать, и эти обязательства связывали ихъ только пожизненно; сыновья же, племянники, братья выдѣлялись отъ нихъ безпрепятственно и переходили свободно, именуясь государевыми вольными людьми“, то это положеніе противорѣчитъ всѣмъ памятникамъ. Мы уже указали на то, что писцовымъ наказомъ 1646 года крестьяне были навсегда укрѣплены за помѣщиками, вмѣстѣ съ дѣтьми, братьями и племянниками. Этотъ наказъ приведенъ г. Бѣляевымъ, слѣдовательно, извѣстенъ кн. Васильчикову. Какимъ же образомъ можно дѣлать такой выводъ, прямо въ лицо фактамъ? Точно также, когда кн. Васильчиковъ увѣряетъ, что „въ первоначальномъ своемъ видѣ, закрѣпленіе людей къ землѣ было равносильно закрѣпленію земли за людьми“; что „такъ оно и принято было народомъ и правительствомъ“; что „право собственности служилаго сословія было срочное и условное, право мірскаго владѣнія крестьянъ, напротивъ, безсрочное, ненарушимое и неотчуждаемое“, то это опять такой фантастическій выводъ, для котораго въ памятникахъ нѣтъ и тѣни доказательства. О закрѣпленіи земли за людьми не было и мысли

въ древней Россіи; источники объ этомъ не говорятъ ни слова. Напротивъ, и законъ и практика разрѣшали произвольныя переселенія крестьянъ, ихъ переводъ въ дворовые, ихъ выдачу, мѣну и продажу безъ земли. Именно потому, что не было и мысли о принадлежности имъ земли, или даже о прикрѣпленіи ихъ къ землѣ, а не къ помѣщику, крестьяне постепенно слились съ холопами. Но кн. Васильчиковъ, подъ вліяніемъ своихъ соціалистическихъ плановъ о надѣленіи крестьянъ, не обинуясь, переноситъ всѣ свои мечты въ древнюю Россію, которая о нихъ ничего не вѣдала.

Различіе между г. Бѣляевымъ и кн. Васильчиковымъ состоитъ въ томъ, что первый старается всю вину крѣпостнаго состоянія свалить на Петра, и главнымъ образомъ на первую ревизію, которая ни въ чемъ не повинна; второй же выгораживаетъ Петра и все сваливаетъ на его преемниковъ, столь же мало виновныхъ. Къ удивленію, онъ періодъ вольности дворянства считаетъ не съ жалованныхъ грамотъ, которыми дворянство было избавлено отъ обязательной службы, а со смерти Петра Великаго, подъ тѣмъ предлогомъ, что „въ дѣйствительности, въ хозяйственномъ быту, высшее знатное дворянство было во все это время всемогуще и воспользовалось этимъ могуществомъ для приведенія крестьянъ въ полное рабство“ (стр. 421). Кн. Васильчиковъ забываетъ, что онъ самъ же, съ одной стороны, приписываетъ усиленіе помѣщичьей власти еще въ XVII вѣкѣ „своеволію служилыхъ людей, которые были еще могущественнѣе, чѣмъ самовластіе московскихъ государей“ (стр. 361), а съ другой стороны утверждаетъ, въ видѣ общаго вывода, что „правительство и правительственные классы, великіе князья, цари, императоры и ихъ дружинники, бояре и служилые люди имѣли въ Россіи очень мало вліянія на ходъ и исходъ внутренняго народнаго быта“ (стр. 458). Какъ видно, по мнѣнію кн. Васильчикова, крѣпостное право, „этого, которое для народа было несравненно тяжелѣе татарскаго“ (стр. 456), не имѣетъ никакого отношенія къ внутреннему народному быту.

Въ доказательство, что при преемникахъ Петра, въ срав-

неніи даже съ первою четвертью XVIII столѣтія, положеніе крестьянъ измѣнилось во всѣхъ отношеніяхъ (стр. 437), кн. Васильчиковъ приводитъ рядъ указовъ, которыми, съ одной стороны, завершается укрѣпленіе, съ другой стороны, опредѣляются нѣкоторыя права помѣщиковъ. Къ первому разряду относятся законоположенія, уравнявшія кабальныхъ холоповъ съ дворовыми, и предписанія, чтобы гулящіе люди были непремѣнно за кѣмъ-нибудь записаны; ко второму указы, которыми крестьянамъ запрещено было вступать въ подряды, держать откупы и заводить суконныя фабрики, а равно и тѣ, которыми дозволено было помѣщикамъ отдавать своихъ крестьянъ въ рекруты и въ ссылку на поселеніе въ Сибирь. Почему кн. Васильчиковъ къ мѣрамъ, отмѣняющимъ послѣднія крестьянскія вольности, причисляетъ и запрещеніе другимъ сословіямъ покупать крестьянъ съ землею и безъ земли, неизвѣстно. Всѣ эти мѣры онъ называетъ „длинною цѣпью, сковавшею русское крестьянство, или, вѣрнѣе сказать, опутавшей все сельское сословіе сѣтью (цѣпь опутала сѣтью?!) разнорѣчивыхъ, легкомысленныхъ, случайныхъ узаконеній, которыя подписывались самодержцами и государынями въ угоду своимъ любимцамъ и любовникамъ, и часто противорѣчили ихъ собственнымъ видамъ и умысламъ“ (стр. 428).

Въ дѣйствительности, вся эта „цѣпь, опутавшая сѣтью“ русское крестьянство, была только завершеніемъ дѣла, начатаго московскими государями, послѣдовательное приложеніе принятыхъ ими началъ. Если, какъ признаетъ и кн. Васильчиковъ, всѣ, отъ мала до велика, каждый на своемъ мѣстѣ, должны были нести государственное тягло, то закрѣпленіе остающихся гулящихъ людей было неминуемымъ послѣдствіемъ такой политики. При ревизіи, имъ предоставлялось записаться, если хотятъ, въ посады; а которые пожелаютъ быть у помѣщиковъ, таковыхъ всѣхъ писать къ помѣщикамъ и на фабрики, къ кому они въ услуженіе идти пожелаютъ; если же никто ихъ не возьметъ и они въ службу негодны, таковыхъ посылать въ поселеніе въ Оренбургъ или на казенные заводы (Крестьяне на Руси, стр. 283).

Точно также естественно было и уравненіе кабальныхъ холоповъ съ дворовыми людьми. Кн. Васильчиковъ, повидимому, предполагаетъ, что кабала была „вольною и срочною сдѣлкою“ (стр. 455). Между тѣмъ, еще указы конца XVI-го вѣка превратили это отношеніе въ пожизненное. По Уложенію, велѣно было записывать въ кабальные холопы всѣхъ жившихъ въ услуженіи болѣе трехъ мѣсяцевъ, потому что безъ кабалы людей держать запрещено. И когда кн. Васильчиковъ, подражая риторикѣ г. Бѣляева, называетъ эти указы преемниковъ Петра „вѣроломными нарушеніями крестьянскихъ правъ и вольностей“ (стр. 455), то мы можемъ отвѣтить собственными его словами, что „вольности и правъ не было на Руси, но своеволіе и самовластіе были полныя“ (стр. 300). Преемники Петра прилагали только послѣднюю руку къ зданію, воздвигнутому московскими царями. Мѣры ихъ въ отношеніи къ крестьянамъ были ничто въ сравненіи съ запрещеніемъ перехода, съ возвращеніемъ бѣглыхъ и съ тѣмъ послѣдующимъ развитіемъ законодательства и практики, которое уравняло крестьянъ съ холопами. Еще въ XVII вѣкѣ помѣщики переселяли крестьянъ, переводили ихъ во дворъ, продавали ихъ безъ земли, не только лично, но и съ раздробленіемъ семействъ „какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится“, какъ сказано въ указѣ Петра Великаго, принуждали ихъ къ браку, ставили ихъ вмѣсто себя на правежъ, что̀ также воспрещено указами Петра, взыскивали съ нихъ работы и оброки сколько хотѣли, сѣкли, наказывали и даже пытали ихъ: все это, въ глазахъ кн. Васильчикова, ничего; тутъ онъ еще не видитъ вѣроломнаго нарушенія крестьянскихъ правъ. Но правительство вздумало колонизовать Сибирь; оно принимаетъ мѣру, которую рекомендуетъ самъ кн. Васильчиковъ, и для этого разрѣшаетъ помѣщикамъ отдавать ему крестьянъ для поселенія; оно даже платитъ за малолѣтнихъ: вотъ это ужасно! Тутъ начинается крутой, роковой поворотъ въ бытѣ крестьянъ; тутъ только невольничество со всѣми его роковыми послѣдствіями водворяется въ Россіи (стр. 441). Передъ этою „новою, небывалою властью“; крестьяне, сознавая свое безсиліе, уходятъ,

скрываются, бродяжничаютъ; тутъ начинается время лихихъ приволжскихъ шаекъ, бурлачества, казачества и мужиковъ-самозванцевъ (стр. 437). Кн. Васильчиковъ забываетъ, что онъ самъ же называетъ послѣднюю четверть XVII вѣка „царствомъ бродяжничества“ (стр. 397), что сысками бѣглыхъ наполненъ весь XVII вѣкъ, и что приволжскія шайки и казацкіе разбои были не новостью, а наслѣдіемъ до-петровскаго времени. Поистинѣ изумительный способъ писать исторію!

Послѣ этого мы поймемъ, какое значеніе имѣютъ слова кн. Васильчикова, когда онъ въ благородномъ негодованіи говоритъ: „всѣ эти мѣропріятія относятся не ко временамъ варварства и злодѣйства московскихъ царей, а къ тому образованному вѣку, когда европейская цивилизація проникла въ высшія сферы русскаго общества, и когда наши меценаты (Шуваловъ, Румянцевъ) вкусили уже всѣхъ плодовъ науки и искусствъ, а придворное дворянство (Орловы, Разумовскіе, Потемкины) славилось своими образованными вкусами и правами, къ тому времени, когда наше правительство сроднилось съ Европой, и наше старинное боярство успѣло уже выучиться у польскаго шляхетства, у нѣмецкаго баронства искусству округлять свои владѣнія и расширять свою власть въ качествѣ благороднаго сословія, опоры престола, и для вящаго упроченія монархической власти и священныхъ правъ собственности. Пусть же за ними, восклицаетъ кн. Васильчиковъ, за правителями и вельможами XVIII вѣка, а не за Годуновымъ или Алексѣемъ Михайловичемъ или Петромъ останется и злая память этого ига, которое для русскаго народа было несравненно тяжелѣе татарскаго; а мы здѣсь должны засвидѣльствовать, что *крѣпостное право произошло не изъ русскаго быта, не изъ указовъ русскихъ царей Рюрикова и Романова родовъ*, также не изъ старинныхъ вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ, коими пользовалось очень умѣренно и снисходительно старинное русское боярство,—нѣтъ, *оно вышло изъ смежныхъ земель польскаго и германскаго племенъ*, изъ понятій о собственности и помѣщичьей власти, принятыхъ въ этихъ странахъ, пересаженныхъ въ Россію вмѣстѣ съ европейской культурой, и разсожен

ныхъ по всему пространству имперіи знатнымъ и вліятельнымъ дворянствомъ, окружавшимъ мягкосердечныхъ императрицъ“ (стр. 456).

Если бы мы эту ходульную выходку, которая беззастѣнчиво кидаетъ перчатку всякой истинѣ и всякой очевидности, встрѣтили въ какомъ-нибудь радикальномъ памфлетѣ или въ фельетонѣ ничтожной газеты, мы бы этому нисколько не удивились. Тамъ она была бы совершенно на мѣстѣ. Но когда она исходитъ изъ-подъ пера русскаго аристократа, виднаго земскаго дѣятеля, она обличаетъ такое странное умственное состояніе русскаго общества, что поневолѣ прійдешь въ смущеніе!

Всякій, кому извѣстна азбука русской исторіи, знаетъ, что крѣпостное право не было принесено къ намъ извнѣ: что оно возникло на русской почвѣ и изъ русскихъ потребностей. Оно было одною изъ формъ того тяжёлаго тягла, которое должны были нести всѣ русскіе граждане для устроенія Русскаго государства. На низшихъ классахъ, разумѣется, по самому ихъ положенію, оно должно было лечь тяжелѣе всего. Тутъ, по выраженію кн. Васильчикова, безправіе было полное. Именно удаленіе Россіи отъ западно-европейской цивилизаціи, недостатокъ юридическихъ понятій, унаслѣдованныхъ отъ Римлянъ, не допускали точнаго опредѣленія правъ и обязанностей; это и повело къ тому, что два сословія, находившіяся подъ помѣщичьей властью, холопы и крестьяне, постепенно слились въ одно. Еще до Петра, крестьянинъ носилъ на себѣ уже всѣ черты раба. Это было наслѣдіе, завѣщанное намъ древнею Россіею, наслѣдіе, вытекавшее изъ практическихъ потребностей и изъ господствовавшихъ въ то время понятій. Идеи же, принесенныя съ Запада, шли наперекоръ этимъ понятіямъ. „Безспорно, что именно подъ вліяніемъ новыхъ философскихъ и экономическихъ началъ Запада, замѣчаетъ г. Побѣдоносцевъ, смягчались и измѣнялись у насъ нравственныя и политическія воззрѣнія законодательной власти на крѣпостное право въ послѣдней четверти XVIII столѣтія“ (Истор. изслѣд. и статьи, стр. 183). Подъ вліяніемъ этихъ идей, Екатерина

запретила свободнымъ людямъ записываться въ крѣпость и отмѣнила старое правило: по рабѣ холопъ и по холопѣ раба. Подъ вліяніемъ тѣхъ же идей, Александръ I прекратилъ раздачу казенныхъ крестьянъ и издалъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Но теоретическія стремленія были безсильны противъ практическихъ потребностей русскаго общества. Нужно было цѣлое столѣтіе, прежде нежели воспринятыя въ XVIII столѣтіи начала гражданской свободы могли проникнуть въ жизнь. Таже императрица, которая одною рукою запрещала вступленіе въ крѣпостное состояніе, другою рукою укрѣпляла крестьянъ въ Малороссіи и раздавала имѣнія своимъ любимцамъ. Екатерина сняла тягло съ высшихъ сословій; въ отношеніи къ нимъ, она обязанности замѣнила правами, но распространить эти начала на крестьянъ она была не въ силахъ. Чтобы освободить послѣднихъ, правительство должно было стать между ними и помѣщиками; оно должно было принять управленіе ими въ свои руки, а у него не было другаго орудія, кромѣ дворянства, которое, само едва вышедши изъ крѣпостной зависимости, вовсе не было приготовлено къ такой задачѣ. Волею или неволею приходилось опираться исключительно на дворянство, предоставивъ по прежнему судьбу крестьянъ въ полное его распоряженіе. Освобожденіе крестьянъ было естественнымъ, логическимъ послѣдствіемъ освобожденія дворянъ, также какъ укрѣпленіе крестьянъ было необходимымъ послѣдствіемъ укрѣпленія дворянъ; но только по прошествіи столѣтія вольность, дарованная высшему сословію, перешла и на низшее. Нужно было, съ одной стороны, развитіе чиновничества, которое давало правительству самостоятельное орудіе, съ другой стороны, распространеніе либеральнаго образа мыслей въ средѣ самого дворянства, безъ содѣйствія котораго такое преобразованіе было немыслимо. Только въ нынѣшнее царствованіе начала свободы и права, на которыхъ зиждется вся европейская гражданственность, были внесены во всѣ сферы русской общественной жизни. Мы сдѣлались вполнѣ европейскимъ государствомъ. Россія благословляетъ и вѣчно будетъ благословлять это великое

дѣло, которое составляетъ лучшій плодъ новаго направленія, даннаго ей Петромъ.

Изъ этого опять можно видѣть, что нѣтъ ничего превратнѣе какъ то отрицательное отношеніе къ западной цивилизаціи, которымъ отзывается вся книга кн. Васильчикова. Этотъ взглядъ на русскую исторію, также какъ и извращенное понятіе объ исторіи Европы, составляетъ печальное наслѣдіе славянофиловъ. Было время, когда славянофильство играло извѣстную роль въ нашей умственной жизни. Оно затрогивало вопросы, возбуждало полемику, поддерживало въ обществѣ живой умственный интересъ. Нельзя безъ сочувствія и уваженія вспомнить о тѣхъ людяхъ, нынѣ почти всѣхъ сошедшихъ въ могилу, которые составляли славянофильскій кружокъ. Ихъ пламенный патріотизмъ, ихъ глубокія религіозныя убѣжденія, ихъ возвышенный строй мыслей, ихъ любовь къ народу, ихъ искусная, хотя большею частью софистическая діалектика, все это были черты нерядовыхъ умовъ. Но въ наукѣ они были не болѣе какъ дилеттанты, и вліяніе ихъ на общество было вредное. Побуждаемые ложно понятымъ патріотизмомъ, они враждебно смотрѣли на западную культуру и во что бы ни стало хотѣли развивать свои собственныя, чисто русскія начала и воззрѣнія; а для этого у нихъ не было данныхъ. Самобытныхъ русскихъ воззрѣній не оказывалось; для того, чтобы ихъ выработать, нужно осилить науку. За недостаткомъ своеобразнаго умственнаго развитія въ нашемъ обществѣ, приходилось пробавляться поверхностными обрывками западныхъ идей, примѣняя ихъ кое-какъ къ русской жизни и къ русской исторіи. Въ ту пору, когда процвѣтало славянофильство, умозрительное построеніе теорій было въ большомъ ходу. Нѣмецкая философія смѣло воздвигала одно умственное зданіе за другимъ; даже второстепенные и третьестепенные мыслители имѣли каждый свою маленькую систему. Наши мыслители принялись за тоже дѣло. У нѣмецкой философіи заимствованъ былъ шаблонъ, который легко прилагался къ чему угодно, лишь бы не быть разборчивымъ на счетъ фактовъ. Признано было, напри-

мѣръ, вопреки исторіи, что вся историческая жизнь народовъ опредѣляется господствующею въ нихъ религіозною формою. Затѣмъ, несмотря на то, что католицизмъ и протестантизмъ составляютъ двѣ слѣдующія другъ за другомъ ступени, утверждалось, что они образуютъ двѣ противоположныя крайности, изъ которыхъ одна опредѣляетъ все развитіе романскихъ народовъ, а другая все развитіе германскаго племени. Православіе же представлялось высшимъ единствомъ обоихъ, вслѣдствіе чего русскій народъ, безъ труда и борьбы, съ самаго начала оказывался стоящимъ на высшей ступени противъ своихъ западныхъ сосѣдей. Такое воззрѣніе льстило народному самолюбію, но это было зданіе, построенное на воздухѣ. Таже философская схема прилагалась и къ русской исторіи. Древняя Россія должна была представлять первоначальное положеніе, новая—слѣдующее затѣмъ отрицаніе; наконецъ, будущее являлось возвращеніемъ къ первой ступени. Эта теорія могла быть приложима развѣ только къ бородѣ, но ни къ чему другому. Даже отдѣльныя явленія русской жизни подводились подъ тотъ же философскій шаблонъ: изображался, напримѣръ, Ломоносовъ, какъ моментъ общій, какъ моментъ частный и какъ моментъ единичный.

Съ точки зрѣнія серіёзной науки, всѣ эти попытки создать самостоятельную теорію представлялись, конечно, не болѣе какъ ребяческою игрою. Поэтому, ни одинъ серіёзный ученый никогда не примыкалъ и не могъ примыкать къ славянофильской школѣ. При малѣйшемъ соприкосновеніи съ фактами, все это воздушное зданіе исчезало, какъ дымъ. Даже по части русской исторіи, которая составляла спеціальность славянофиловъ, серіёзные труды исходили не отъ нихъ, а отъ ихъ противниковъ. Когда славянофиламъ нужно было ратовать на этомъ полѣ, они принуждены были прибѣгать къ г. Бѣляеву, съ его непереваренным матеріаломъ, съ его безконечными фантазіями. При ложномъ направленіи, даже замѣчательные умы обречены были на безплодіе. Но среди мало образованнаго общества, это направленіе не могло не дѣйствовать вредно. Оно обманчивыми призраками

ласкало патріотизмъ и давало возможность, безъ труда и образованія, разомъ стать на вершину человѣчества. Славянофильство потакало невѣжеству, самохвальству, легкомысленнымъ теоріямъ, презрительному отношенію къ наукѣ и просвѣщенію. Нѣкоторые полагаютъ, что оно способствовало народному самосознанію, отучивши русское общество отъ слѣпаго подражанія Западу. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ раздѣлять этого мнѣнія. Противники славянофиловъ не были слѣпыми подражателями Запада; но они знали, что мы самостоятельности не достигнемъ тѣмъ, что начнемъ твердить невѣждѣ: „будь самостоятеленъ! Не слушай чужихъ мнѣній, а становись на свою собственную точку зрѣнія.“ Подобныя внушенія могутъ повести лишь къ тому, что невѣжда будетъ презирать ученіе и выдавать за непреложную истину собственныя свои дикія мечты. Истинная самостоятельность пріобрѣтается только трудомъ. Кто знаетъ, какой для этого надобно осилить громадный фактическій матеріалъ, тотъ не удивится, что ея нѣтъ въ обществѣ, гдѣ такъ мало умственной работы. Чтобъ дойти до самостоятельной мысли, необходимо усвоить себѣ плоды всемірно-историческаго просвѣщенія; носителями же просвѣщенія, выработаннаго всемірною исторіею человѣчества, являются западные народы. Иного образованія, кромѣ западнаго, не существуетъ; отрицаніе западнаго образованія есть отрицаніе образованія вообще. Къ этимъ народамъ поэтому, волею или неволею, мы должны обратиться за наукою. Въ этомъ и состоитъ смыслъ новой русской исторіи.

Надобно сказать, что лучшіе изъ славянофиловъ въ позднѣйшее время значительно смягчили свои воззрѣнія; жизнь научила ихъ многому. Казалось даже, что это ученіе принадлежитъ уже къ области прошедшаго, вмѣстѣ съ другими фантастическими теоріями, которыя строились въ тѣ времена. Но плевелы, брошенные въ благопріятную почву, обсѣменяются сами собою. Такъ усладительно чувствовать себя вознесеннымъ превыше всего образованнаго міра, стоять на вершинѣ человѣческаго развитія, видѣть въ себѣ провозвѣстника будущаго, зачинателя новой эпохи, и все это безъ

труда, просто по праву рожденія! Стòитъ только скинуть съ своего ума стѣсняющій его европейскій костюмъ и надѣть простонародное платье. Какъ не поддаться такому поползновенію! Нынѣ, при господствующей повсюду умственной разрозненности, при отсутствіи всякой критики, при томъ хаосѣ, который водворился въ умахъ, это сдѣлалось даже легче, нежели прежде. И вотъ мы видимъ, что аристократы берутся за перо, вкось и вкривь обсуждаютъ начала западной цивилизаціи, о которыхъ они имѣютъ самыя смутныя понятія, погружаются въ русскую исторію, которую выворачиваютъ на изнанку, являются проповѣдниками соціализма, сами того не подозрѣвая, и находятъ еще поклонниковъ и цѣнителей. Въ наше время, даже двадцатилѣтніе юноши, едва сошедшіе съ школьной скамьи, восклицаютъ съ высоты своего величія: пора намъ кинуть черезъ бортъ всю эту мнимо-научную дрянь, которою набиваютъ наши головы! Начало премудрости есть страхъ Господень, гласитъ Писаніе. Можно сказать, что начало просвѣщенія есть уваженіе къ наукѣ. Когда круглый невѣжда глумится надъ плодами просвѣщенія, онъ представляетъ только жалкое и смѣшное явленіе. Но тотъ, кто заглянулъ въ сокровища человѣческаго ума и не проникся къ нимъ благоговѣніемъ, тотъ ставитъ себя ниже круглаго невѣжды, ибо онъ смотрѣлъ и не видѣлъ, изучалъ и не понялъ, стоялъ передъ величайшими памятниками человѣческой мысли и предпочелъ имъ младенческія созданія собственной фантазіи. Это все равно, что художникъ, который побывалъ бы въ Римѣ и не нашелъ бы въ немъ ничего достойнаго примѣчанія.

Главная вина славянофильства, то, что возмущаетъ въ немъ всякаго, кому дороги интересы русскаго просвѣщенія, это то, что оно потворствуетъ этому направленію. А между тѣмъ, именно теперь, болѣе нежели когда-либо, чувствуется потребность въ западно европейскомъ образованіи. Весь гражданскій нашъ бытъ измѣнился и построился по европейскому образцу; общество получило болѣе простора и можетъ ходить на собственныхъ ногахъ. Но тотъ духъ, который долженъ наполнить содержаніемъ эту болѣе сво-

бодную форму, какъ будто изсякъ. У насъ теперь много заботятся объ устройствѣ сельскихъ школъ и этому нельзя не сочувствовать; но не здѣсь лежитъ главное зло: оно заключается въ недостаточномъ образованіи высшихъ классовъ. Въ гражданскомъ быту, также какъ и на полѣ брани, мы нуждаемся не въ хорошихъ солдатахъ, а въ образованныхъ начальникахъ. Можно полагать, что со временъ Александра I, просвѣщеніе высшихъ классовъ русскаго общества пошло не впередъ, а назадъ. Образованныя преданія еще поддерживались, пока во главѣ народнаго просвѣщенія стояли люди александровскаго времени. Управленіе графа Уварова и попечительство графа Строганова въ Москвѣ представляютъ періодъ блестящаго состоянія университетовъ; но именно университеты всего болѣе были въ подозрѣніи, и ихъ постигъ ударъ за ударомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ общій уровень образованія все понижался. Литература бѣднѣла; умножившіяся практическія потребности заслонили собою умственные интересы; газетныя статьи замѣнили чтеніе книгъ. Мудрено ли, что несчастная русская молодежь, не находя опоры ни въ семьѣ, ни въ школѣ, ни въ литературѣ, ни въ обществѣ, кидается въ безсмысленныя крайности или погружается въ апатію?

Выдти изъ этого умственнаго состоянія — такова насущная наша потребность. Можно сказать, что въ настоящее время русское общество переработало въ себѣ тѣ великія преобразованія, которыми ознаменовалось нынѣшнее царствованіе; оно освоилось съ новыми формами жизни и дало въ этомъ отношеніи все, что оно можетъ дать. Но дать оно можетъ не много: умственная скудость слишкомъ велика. Этой-то скудости и надобно помочь здоровымъ просвѣщеніемъ. Конечно, этой цѣли нельзя достигнуть зубреніемъ латинскихъ и греческихъ грамматикъ или какими бы то ни было дисциплинарными мѣрами; но еще менѣе она достигается презрительнымъ отношеніемъ къ той цивилизаціи, отъ которой исходитъ все умственное образованіе современнаго человѣчества. Предстоящая намъ задача можетъ быть исполнена только однимъ путемъ: посредствомъ серіёзной мысли и серіёзнаго труда.

ГЛАВА V.

ПРАКТИЧЕСКІЕ ВЫВОДЫ КН. ВАСИЛЬЧИКОВА.

Отъ исторіи кн. Васильчиковъ переходитъ къ современному состоянію землевладѣнія въ Россіи. Онъ погружается въ область статистики. Казалось бы, тутъ нѣтъ уже мѣста для противорѣчій, для ложныхъ толкованій; тутъ властвуютъ цифры, которыя не допускаютъ уклоненія въ сторону. Къ сожалѣнію, кн. Васильчиковъ не довольствуется голыми цифрами; онъ хочетъ дѣлать изъ нихъ выводы, а выводы его не имѣютъ привычки жить въ согласіи другъ съ другомъ. Отсюда противорѣчія, которыя опять оставляютъ читателя въ полномъ недоумѣніи.

Главное положеніе, которое хочетъ доказать кн. Васильчиковъ, состоитъ въ томъ, что и въ настоящемъ и въ будущемъ, крестьянскому сословію принадлежитъ первенство въ русской землѣ. Съ этою цѣлью онъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, выводитъ тотъ фактъ, что въ настоящее время, и по числу домохозяевъ, и по пространству и цѣнности владѣній, крестьянскій элементъ является преобладающимъ во всѣхъ коренныхъ русскихъ областяхъ (стр. 497). По количеству десятинъ, крестьянскія земли почти равняются суммѣ земель, принадлежащихъ землевладѣльцамъ, вмѣстѣ съ казною и удѣломъ. Первыхъ считается въ 30 губерніяхъ 70 милліоновъ десятинъ, вторыхъ же 73 милліона *). Но если мы примемъ въ расчетъ цѣнность

*) Приводимъ цифры кн. Васильчикова. По другимъ свѣдѣніямъ, крестьянскія земли составляютъ не болѣе 30% всей совокупности поземельной собственности.

и доходность угодій, то отношеніе выдетъ иное. Статистика показываетъ, что крестьянскія земли преобладаютъ въ хлѣбородной полосѣ Россіи, владѣльческія же въ малопроизводительной сѣверной и средней нечерноземной полосѣ (стр. 499, 535), а такъ какъ въ первыхъ пашни и луга должны быть оцѣнены, по крайней мѣрѣ, втрое противъ послѣднихъ, то мы неминуемо приходимъ къ заключенію, что по цѣнности крестьянскія угодья значительно превышаютъ остальныя, и что такимъ образомъ крестьянскія владѣнія составляютъ въ Россіи бо́льшую часть поземельной собственности (стр. 499—500).

Такъ говорятъ цифры. Читатель вѣритъ на́ слово и остался бы въ этой блаженной увѣренности, если бы кн. Васильчикову не понадобилось сдѣлать еще другой выводъ, именно, что усиленіе помѣстнаго элемента должно быть приписано тлетворному вліянію Запада. Чтобы доказать это, онъ опять прибѣгаетъ къ статистикѣ, и выводитъ, какъ фактъ, что „крестьянское землевладѣніе особенно сильно на восточныхъ окраинахъ Россійской Имперіи, помѣстное на западныхъ, а вся центральная Россія составляетъ промежуточную полосу между этими двумя крайностями, гдѣ, если идти по направленію съ сѣвера-востока на юго-западъ, примѣрно изъ Перми къ Кіеву, помѣщичій и дворянскій элементъ постепенно усиливается, а крестьянскій, напротивъ, слабѣетъ“ (стр. 529). Оказывается, слѣдовательно, въ противорѣчіе сказанному выше, что въ непроизводительной сѣверной полосѣ преобладаетъ вовсе не помѣщичье, а крестьянское владѣніе (стр. 530). „Нѣсколько болѣе сильнымъ оказывается помѣщичій элементъ“ въ средней нечерноземной полосѣ; еще болѣе онъ усиливается съ переходомъ въ черноземную полосу (стр. 530—531); наконецъ, съ приближеніемъ къ европейской цивилизаціи и къ ея представителямъ на окраинахъ Россіи, Польшѣ и Остзейскому краю, помѣстный элементъ получаетъ перевѣсъ надъ крестьянскимъ (стр. 532). Читатель не знаетъ, что ему думать, ибо черезъ нѣсколько страницъ кн. Васильчиковъ опять повторяетъ, что „чѣмъ далѣе мы переходимъ въ по-

лосу дикихъ земель суроваго сѣвера, тѣмъ менѣе крестьянскихъ земель въ сравненіи съ помѣщичьими и наоборотъ, вступая въ полосу хлѣбородныхъ, мы находимъ все большее преобладаніе крестьянской собственности“ (стр. 536). Кн. Васильчиковъ приводитъ тутъ и цифры, опуская, разумѣется, тѣ губерніи, которыя не подходятъ подъ его выводы. Но такъ какъ почтенный авторъ все это производитъ въ простотѣ сердца, безъ умысла ввести въ заблужденіе читателя, то въ примѣчаніи 8-мъ разбираемой нами главы мы находимъ и опущенныя имъ губерніи, а изъ случайнаго замѣчанія во второмъ томѣ мы узнаемъ, что „самая выгодная пропорція для крестьянъ оказывается въ Финляндіи“: въ 1864 году тамъ было дворянскихъ земель 1,481,555 десятинъ, прочихъ землевладѣльцевъ 682,892 десятины, а крестьянскихъ 18,479,144 десятины (стр. 832—833). Этимъ фактомъ разомъ опровергается мечта, будто преобладаніе крестьянскаго землевладѣнія составляетъ какую-то особенность русскаго народа. Тлетворное вліяніе Запада оказывается мнѣніемъ.

Въ другомъ мѣстѣ кн. Васильчикову понадобилось опредѣлить платежныя средства обоихъ сословій. Если „по цѣнности угодій крестьянскія земли превышаютъ на значительную сумму цѣнность всѣхъ прочихъ владѣній“, то ясно, что главная тяжесть податей должна лежать на нихъ. Но кн. Васильчиковъ вовсе этого не желаетъ, ибо это было бы не либерально; поэтому пропорція здѣсь оказывается совершенно другая. Не смотря на то, что на стр. 499 онъ заявлялъ, какъ фактъ, значительное преобладаніе крестьянскаго землевладѣнія, на стр. 543 онъ положительно утверждаетъ, что „эти двѣ категоріи плательщиковъ (крестьяне общинники съ одной стороны, и частные владѣльцы и казна съ другой) въ этихъ 30 коренныхъ русскихъ губерніяхъ имѣютъ почти равныя имущества и платежныя средства“. Какъ видно, статистика — наука на всѣ руки. Ею можно доказать все, что угодно.

Точно также трудно разобрать у кн. Васильчикова, какое именно отношеніе помѣстнаго элемента къ крестьян-

скому онъ считаетъ правильнымъ. Не смотря на признанную имъ непроизводительность наемнаго труда, не смотря даже на то, что коренныя черты русской жизни мы должны искать въ дикихъ пустыняхъ, гдѣ еще не завелись помѣщики, онъ все-таки, въ видахъ улучшенія землевладѣнія, требуетъ извѣстной доли помѣстнаго элемента и нѣсколько разъ положительно заявляетъ, что отношеніе равенства, существующее въ великороссійскихъ губерніяхъ, онъ считаетъ нормальнымъ (I, стр. 531, II, стр. 832). Здѣсь, говоритъ кн. Васильчиковъ, „число помѣщиковъ средняго разряда довольно велико, чтобы составить на мѣстахъ плотную среду образованныхъ людей, непричастныхъ ни аристократическимъ тенденціямъ высшаго дворянства, ни грубымъ предразсудкамъ крестьянскаго сословія“ (I, стр. 531). Но рядомъ съ этимъ, не далѣе какъ черезъ три страницы, кн. Васильчиковъ, указавши на число дворянъ въ различныхъ губерніяхъ Россіи и на постепенное ихъ уменьшеніе съ запада на востокъ, прибавляетъ: „изъ этихъ чиселъ и фактическихъ данныхъ можно положительно заключить, что въ большей части Россіи преобладанію и вліянію крупнаго землевладѣнія и развитію усовершенствованной культуры раціональнаго хозяйства (sic) препятствуетъ одна высшая причина, подлѣ коей всѣ другія теряютъ свою силу, а именно, малочисленность образованнаго класса въ средѣ многолюднаго сельскаго сословія и на необъятной площади обширной территоріи. Какую бы чарующую силу ни приписывать интеллигенціи и богатству, какими бы искусственными мѣрами, привилегіями и льготами ни поддерживать это желанное преобладаніе образованности надъ невѣжествомъ, очевидно, что для поддержанія и усиленія такого элемента нужно, чтобы онъ существовалъ и имѣлъ свои корни въ странѣ, чтобы его присутствіе было не номинальное и матеріальное, въ видѣ права собственности надъ дикими и пустыми землями, но дѣйствительное и нравственное, выражающееся въ наличномъ составѣ образованнаго класса, въ его дѣйствіяхъ и примѣрахъ для культуры страны, въ его сельско-хозяйственной иниціативѣ. Тамъ, гдѣ

этихъ живыхъ силъ нѣтъ на лицо, онѣ теряютъ свое значеніе. Обширность владѣній, богатство немногихъ отдѣльныхъ собственниковъ не замѣняютъ этого благотворнаго дѣйствія, ибо обладаніе большими помѣстьями есть тоже грубая, матеріальная сила, не дающая никакого перевѣса образованности“ (стр. 534).

Если существуетъ на свѣтѣ логика, то отсюда прямо слѣдуетъ, что мы должны благословлять вліяніе европейской цивилизаціи, которое усилило помѣщичій элементъ на нашей западной окрайнѣ. Между тѣмъ, кн. Васильчиковъ не только считаетъ это вліяніе вреднымъ, но съ удовольствіемъ заявляетъ, что даже и тотъ малочисленный помѣщичій элементъ, который существуетъ нынѣ въ Россіи, быстро исчезаетъ, уступая мѣсто крестьянству. Со времени освобожденія крестьянъ, говоритъ кн. Васильчиковъ, „помѣстное владѣніе видимо склоняется къ ликвидаціи, къ распродажѣ недвижимыхъ имуществъ, къ упраздненію господскихъ хозяйствъ и запашекъ“ (стр. 548). Дворянскія имѣнія переходятъ въ руки купцовъ и крестьянъ. Но купцовъ кн. Васильчиковъ не считаетъ способными вести разумное сельское хозяйство. „Эти скупщики и съемщики дворянскихъ имѣній, говоритъ онъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ неизбѣжно разстроятъ свои хозяйства хищнической и невѣжественной культурой и исчезнутъ безслѣдно, какъ блестящіе, но мгновенные метеоры, похитивъ только изъ цѣнности и доходности русской земли много милліоновъ, которые такимъ образомъ будутъ переведены съ недвижимаго имущества въ движимое, изъ сельскихъ сословій въ городскія, и отчасти изъ Россіи въ другія страны“ (стр. 550). „Изъ этого слѣдуетъ, продолжаетъ кн. Васильчиковъ, что коренное, дѣйствительное землевладѣніе все-таки остается и усиливается въ рукахъ крестьянства“, и „мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что будущность Россіи принадлежитъ крестьянской поземельной собственности“ (тамъ же). Кн. Васильчиковъ не хочетъ входить въ разборъ, на сколько это полезно или вредно для хозяйства. Онъ считаетъ даже праздным вопросъ о томъ, сохранится или распадется наше мірское общество. „Въ настоящее время, говоритъ онъ,

мы только усматриваемъ слѣдующій фактъ, о коемъ и свидѣтельствуемъ: право частнаго владѣнія, помѣстное и вотчинное, и право наслѣдованія никогда не имѣли на Руси прочной, легальной основы; они были поддержаны искусственными и отчасти насильственными мѣрами, верстаніемъ помѣстій служилыхъ людей, пожалованьемъ имѣній высшимъ придворнымъ чинамъ, запрещеніемъ владѣть населенными имѣніями лицамъ, не принадлежащимъ къ потомственному дворянству, и главное—крѣпостнымъ правомъ. Какъ только пошатнулись эти искусственныя сооруженія, такъ и возстановилось прежнее теченіе нашего экономическаго быта; земли начали переходить изъ частнаго владѣнія въ мірское, отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крестьянамъ-хлѣбопашцамъ и къ сельскимъ обществамъ; и такъ какъ этотъ переходъ, по нашему разумѣнію, есть неизбѣжное и естественное послѣдствіе нашего общественнаго и земскаго строя, то и слѣдуетъ не пріостанавливать его, а регулировать, не препятствовать ему, а содѣйствовать, лишь бы онъ совершился мирнымъ путемъ, безъ насилій и нарушеній правъ частныхъ лицъ и сельскихъ обществъ“ (стр. 551—552).

Итакъ, въ силу роковаго закона, тотъ малочисленный образованный классъ, который нынѣ существуетъ въ русскомъ селѣ, долженъ исчезнуть, уступая мѣсто крестьянству. Кн. Васильчиковъ объявляетъ это фактомъ, о которомъ онъ свидѣтельствуетъ, и которому онъ не только не хочетъ препятствовать, но хочетъ содѣйствовать. Выше было уже доказано, что положеніе, будто право частнаго владѣнія и право наслѣдованія никогда не имѣли на Руси прочной, легальной основы, есть не фактъ, а извращеніе факта, основанное лишь на незнаніи исторіи русскаго права. Фактъ дѣйствительно тотъ, что поземельное владѣніе поддерживалось въ рукахъ дворянства крѣпостнымъ правомъ, съ отмѣною котораго многія дворянскія имѣнія перешли въ другія руки; но что же доказываетъ этотъ фактъ? Какъ же полагаетъ кн. Васильчиковъ, тамъ, гдѣ однимъ позволено продавать и запрещено покупать, а другимъ позволено покупать, и запрещено продавать, чьи имѣнія должны неизбѣжно сокра-

титься, не въ силу какихъ-либо историческихъ законовъ, а просто въ силу этого положенія? Въ настоящее время, русскіе дворяне могутъ безпрепятственно продавать свои земли, но покупать у другихъ сословій они не могутъ, ибо купцы сами только что начинаютъ покупать земли, а крестьянамъ продавать свои участки запрещено. Разрѣшите крестьянамъ свободно отчуждать свои участки, и тогда вы увидите, чьи земли скорѣе будутъ переходить въ чужія руки, дворянскія или крестьянскія. Но именно противъ этого разрѣшенія возстаютъ защитники общиннаго владѣнія. Главный ихъ аргументъ состоитъ въ томъ, что бо̀льшая часть крестьянъ распродадутъ свои участки и останутся безъ ничего. Но они не хотятъ это запрещеніе называть искусственною мѣрою для поддержанія земельнаго владѣнія въ рукахъ крестьянскаго сословія. Боже сохрани! Искусственными мѣрами поддерживается только дворянство; крестьянскій же бытъ составляетъ самородный продуктъ русской жизни, который держится самъ собою. Если для устройства его потребовались крѣпостное право и неотчуждаемость крестьянскихъ земель, то это все входитъ въ естественный порядокъ вещей.

Еще болѣе удивляетъ насъ положеніе кн. Васильчикова, что „какъ скоро пошатнулись эти сооруженія, такъ и возстановилось прежнее теченіе нашего экономическаго быта: земли начали переходить изъ частнаго владѣнія въ мірское, отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крестьянамъ-хлѣбопашцамъ и сельскимъ обществамъ“. Что въ прежнее время помѣщичьи земли переходили къ сельскимъ обществамъ, объ этомъ нигдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, а есть многочисленные примѣры противнаго. Самъ кн. Васильчиковъ не говоритъ ни слова о такомъ переходѣ; откуда же онъ взялъ, что таково было прежнее теченіе нашего экономическаго быта? Что касается до современныхъ фактовъ, то всѣ приведенные имъ примѣры относятся къ покупкѣ мелкихъ участковъ отдѣльными крестьянами, иногда товариществами, а иногда совокупно нѣсколькими семьями, которыя потомъ раздѣляютъ между собою купленныя земли (стр. 502), но не приведено ни одного случая покупки помѣщичьей земли

міромъ; какъ же можно было, при такихъ данныхъ, утверждать, какъ фактъ, что „земли начали переходить изъ частнаго владѣнія въ мірское“? Если бы мы не имѣли дѣла съ кн. Васильчиковымъ, мы бы сказали, что такая подтасовка понятій непозволительна въ сочиненіи, которое имѣетъ претензію быть серіёзнымъ. Но прочитавши разбираемую нами книгу, мы убѣдились въ полной добросовѣстности автора. Очевидно, онъ самъ не подозрѣваетъ, до какой степени его выводы имѣютъ мало общаго съ его посылками.

Итакъ, на основаніи существующихъ данныхъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода заключать, что будущность Россіи принадлежитъ крестьянской поземельной собственности. Относительно пріобрѣтенія земель, помѣщики находятся въ невыгодномъ положеніи. Въ настоящее время не они, а крестьяне пользуются привилегіями. Дѣлая такой поспѣшный выводъ, кн. Васильчиковъ, по своему обыкновенію, принялъ свои собственныя мечты за дѣйствительность. Столь же мало основательно и пророчество кн. Васильчикова, что купцы, нынѣ скупающіе дворянскія имѣнія, черезъ нѣсколько лѣтъ неизбѣжно разстроятъ свои хозяйства и исчезнуть безслѣдно, какъ блестящіе, но мгновенные метеоры. Изъ всѣхъ сословій русской земли, купечество одно отличается расчетливостью. Въ отличіе отъ барскихъ привычекъ дворянства и отъ распущенности крестьянства, оно зорко слѣдитъ за приходомъ и расходомъ каждой копейки. Если оно теперь жадно бросается на новыя земли, то это происходитъ именно оттого, что ихъ обработка всего выгоднѣе. Хотя кн. Васильчиковъ видитъ въ этомъ переводѣ недвижимаго капитала въ движимый какое-то похищеніе, совершенное у русской земли, но въ дѣйствительности этотъ переводъ выгоденъ и для народнаго хозяйства. Россія бѣдна не поземельною собственностью, а движимымъ капиталомъ; приращеніе послѣдняго можетъ быть только полезно. До какой степени купечество съумѣетъ приладиться къ потребностямъ правильнаго хозяйства, это мы увидимъ со временемъ; но если экономическая будущность принадлежитъ тому, кто умѣетъ наживать деньги, а не тратить ихъ, то мы должны сказать,

что всѣхъ болѣе будущности имѣетъ у насъ купечество. Крестьянство же, по собственному заявленію кн. Васильчикова, со времени освобожденія не богатѣетъ, а бѣднѣетъ, не смотря на то, что нѣкоторая часть его скупаетъ мелкими участками помѣщичьи земли (стр. 547).

Кн. Васильчиковъ приписываетъ это печальное положеніе крестьянства тяжести лежащихъ на немъ податей. Онъ ссылается на труды податной коммиссіи, на отзывы управъ и другихъ мѣстныхъ учрежденій, въ доказательство, что податные платежи крестьянъ превышаютъ доходность ихъ земель. Разборъ всей этой массы свѣдѣній не можетъ, конечно, входить въ объемъ нашей задачи; смѣемъ только думать, что они требуютъ весьма точной провѣрки. Но когда кн. Васильчиковъ приводитъ среднія цифры платежей и дохода съ десятины по 30 слишкомъ губерніямъ, и оказывается, что первые составляютъ 164 копейки, а второй 163 копейки, то мы не можемъ не сказать, что эти цифры фиктивныя. Невозможно соединять въ одну категорію губерніи черноземныя и промышленныя и дѣлать изъ этого общій выводъ. Относительно губерній нечерноземной полосы, мы воздержимся отъ всякаго сужденія. Надобно знать ихъ ближе, чтобы рѣшить вопросъ объ ихъ хозяйственномъ положеніи. Относительно же черноземныхъ губерній, мы можемъ представить слѣдующій расчетъ, который будетъ служить отвѣтомъ на всѣ возгласы объ обремененіи крестьянъ податьми. Для примѣра мы возьмемъ близко извѣстный намъ Кирсановскій уѣздъ Тамбовской губерніи, уѣздъ, который по производительности и благосостоянію можетъ въ означенной губерніи считаться среднимъ. Крестьяне получили здѣсь въ надѣлъ $3^1/_2$ десятины на душу. Среднюю арендную плату за хорошую пахатную десятину, какая почти вездѣ отведена была крестьянамъ, можно положить отъ 6 до 7 рублей кругомъ за всѣ три поля. У кн. Васильчикова показано арендной цѣны за пашню въ Тамбовскомъ уѣздѣ отъ 6 до 15 рублей (стр. 516). Если считать даже 6 рублей, то арендная цѣна крестьянскаго душеваго надѣла будетъ равняться 21 рублю. Платежей же съ души, считая

выкупъ, который собственно есть не подать, а плата за землю, считая также земское страхованіе, которое въ Тамбовской губерніи, вслѣдствіе частыхъ пожаровъ, непомѣрно высоко, считая, наконецъ, гарантію Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги, которая, по странному стеченію обстоятельствъ, легла на земство, выходитъ около 13 рублей. Слѣдовательно, чистый доходъ крестьянина съ душеваго участка, независимо отъ положеннаго на него труда, болѣе чѣмъ въ полтора раза превышаетъ не только лежащія на немъ подати, но и выкупные платежи. Иначе и быть не можетъ, если мы сообразимъ, по какой цѣнѣ крестьянинъ получилъ свой участокъ. Извѣстно, что установленная Положеніемъ общая цифра оброка, 9 рублей съ души, была капитализирована изъ 6 процентовъ, что составило 148 руб. 50 к. на $3^1/_2$ десятины, или около 42 рублей на десятину. Въ то время это была настоящая цѣна земли. Выкупная операція еще убавила эту плату: вмѣсто 9 рублей оброку, крестьяне платятъ всего 7 р. 20 к. съ души процентовъ и выкупа; дополнительные же платежи большею частію уплачены ими работою въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Нынѣ же цѣна десятины въ черноземной полосѣ Тамбовской губерніи достигла до 100 рублей; слѣдовательно, крестьянинъ получилъ 58 рублей на десятину, или 200 слишкомъ рублей на душевой надѣлъ совершенно даромъ Общая же сумма капитала, представляемаго душевымъ надѣломъ, равняется 350 рублямъ, сумма, съ которой проценты должны въ избыткѣ покрывать и подати и выкупные платежи.

Къ подобному же результату мы придемъ, если мы сравнимъ то, что крестьянинъ платилъ помѣщику и казнѣ при крѣпостномъ правѣ, и то, что онъ платитъ теперь. При установленной закономъ трехдневной барщинѣ, можно сказать, что крестьянинъ отдавалъ помѣщику по меньшей мѣрѣ половину своей годовой работы. Наименьшая цѣна годоваго рабочаго равняется четыремъ, а съ прокормомъ— шести рублямъ въ мѣсяцъ; слѣдовательно, цѣну полугодовой работы можно опредѣлить въ 36 рублей. Если считать, что работникъ представляетъ собою $2^1/_2$ души, то на душу

приходилось 14 р. 40 коп. Къ этому надобно прибавить подушныя подати, земскіе сборы и совершенно неопредѣленныя, но часто весьма отяготительныя натуральныя повинности. Въ настоящее же время, крестьяне платятъ всего около 13 рублей съ души. Слѣдовательно, тяжесть податей сравнительно съ крѣпостнымъ правомъ не возвысилась, а понизилась, и если дѣйствительно крестьянское хозяйство разстроивается, то это происходитъ отнюдь не отъ этой причины.

Невозможно объяснить обѣдненіе крестьянъ и недостаточностью надѣла. Если имъ тяжело платить за настоящій надѣлъ, какъ утверждаютъ приверженцы этого воззрѣнія, то какъ же бы они стали платить за бо́льшій? Или предполагается, что этотъ бо́льшій надѣлъ надобно предоставить имъ даромъ, или, по крайней мѣрѣ, на весьма льготныхъ условіяхъ, то есть, что слѣдуетъ ограбить помѣщиковъ, для того чтобы обезпечить крестьянъ? Къ этому, повидимому, клонятся всѣ возгласы о недостаточности надѣла, возгласы, къ которымъ кн. Васильчиковъ, надобно сказать къ его чести, не присоединяется. Положеніе 19-го Февраля, разрѣшая вѣковыя отношенія двухъ сословій, мудро остановилось на средней нормѣ существующаго надѣла, за которую оно опредѣлило справедливую плату. Что отошло отъ крестьянъ, это—тѣ льготы, которыми они пользовались отъ помѣщиковъ, льготы, составлявшія хорошую сторону крѣпостнаго права и хотя нѣсколько вознаграждавшія крестьянъ за то подчиненіе и угнетеніе, которымъ они подвергались. Собственный интересъ помѣщика побуждалъ его заботиться о благосостояніи крестьянъ; стремленіе же выжать изъ имѣнія все, что можно, было весьма мало распространено въ дворянскомъ сословіи, которое большею частью жило, спустя рукава. Но неисчислимыя выгоды свободы должны сторицею вознаграждать крестьянъ за потерю этихъ льготъ. Тѣ, которые утверждаютъ, что въ настоящее время крестьяне бѣднѣютъ, доказываютъ только, что крѣпостное право было для нихъ выгоднѣе, нежели свобода. При имѣющихся у насъ статистическихъ данныхъ, мы не въ правѣ сдѣлать подоб-

ный выводъ; но мы можемъ сказать, что переходъ отъ власти помѣщичьей къ власти мірской не во всѣхъ отношеніяхъ былъ выгоденъ для крестьянъ. Помѣщикъ нерѣдко представлялъ собою угнетеніе, но онъ представлялъ и попеченіе; міръ же никогда не представляетъ попеченія, а весьма часто составляетъ искушеніе. Извѣстно, что въ великороссійскихъ губерніяхъ большая часть крестьянскихъ избытковъ идетъ на мірскія попойки. Нѣтъ приговора, который бы обходился безъ вина; нерѣдко самыя сходки собираются около кабаковъ. Сидя на судѣ, случается, напримѣръ, слышать отъ свидѣтеля, что вся деревня три дня пила по случаю продажи мірскаго быка. Конечно, цѣна мірскаго быка не равняется трехдневной попойкѣ; но сначала исчезаютъ мірскія деньги, а затѣмъ опустошаются частные карманы. Къ этому присоединяются привычки, проистекающія изъ мірскаго владѣнія, и семейные раздѣлы, которые имъ поддерживаются. Крестьянинъ не заботится о будущемъ, не думаетъ объ обезпеченіи своихъ дѣтей; онъ живетъ исключительно настоящимъ днемъ. Всѣ свои сбереженія онъ тратитъ, а когда случается неурожай, онъ продаетъ послѣднюю скотину. Въ промышленныхъ селахъ еще выдаются отдѣльныя лица, которыя наживаются личною дѣятельностью и умѣніемъ; въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ, всѣ болѣе или менѣе подводятся подъ одинъ уровень, и уровень вообще весьма низкій. Никто не умираетъ съ голоду, но всѣ находятся въ положеніи близкомъ къ нищетѣ, и если рядъ болѣе или менѣе урожайныхъ годовъ поднимаетъ иногда общее благосостояніе, то одного неурожая достаточно, чтобы снова его расшатать, а поправляется крестьянинъ не легко.

Въ подтвержденіе своего взгляда, мы можемъ сослаться на самого кн. Васильчикова, который прямо признаетъ, что „мірской бытъ, въ томъ грубомъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ Россіи, есть, безъ сомнѣнія, вредное учрежденіе, задерживающее успѣхи сельскаго хозяйства“ (II стр. 715). Но онъ увѣряетъ, что для исправленія недостатковъ этого учрежденія, не слѣдуетъ обращаться за примѣрами къ западной Европѣ, которая заключаетъ въ себѣ другіе, и еще

худшіе пороки. Въ доказательство, кн. Васильчиковъ ссылается на примѣръ нашихъ западныхъ губерній и Остзейскаго края, гдѣ введена обще-европейская форма участковаго владѣнія, а между тѣмъ мы не видимъ ни высшаго благосостоянія крестьянъ, ни особеннаго преуспѣянія сельскаго хозяйства. Напротивъ, говоритъ кн. Васильчиковъ, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи мы находимъ самую низкую степень культуры, самое разоренное положеніе крестьянскихъ хозяйствъ, въ юго-западномъ же и прибалтійскомъ краяхъ, при сравнительной зажиточности одной части крестьянства, постепенный упадокъ и разстройство всѣхъ прочихъ разрядовъ крестьянъ (II, стр. 718). Фактическихъ доказательствъ этого постепеннаго упадка и разстройства кн. Васильчиковъ впрочемъ не представилъ. Всѣ его доводы ограничиваются тѣмъ, что съ одной стороны, въ селахъ образуется нѣчто въ родѣ крестьянской аристократіи, (какъ будто это что-то ужасное, и высшее общественое положеніе не составляетъ естественнаго послѣдствія зажиточности), а съ другой стороны, являются бобыли (II, стр. 716—718). Каково количество этихъ бобылей, мы отъ кн. Васильчикова не узнаемъ; но изъ собственныхъ его показаній мы видимъ, что обезземеленіе крестьянъ происходитъ здѣсь не отъ участковаго владѣнія, а оттого, что помѣщики стараются удержать какъ можно болѣе земель въ своихъ рукахъ (I, стр. 518 и слѣд.). Мало того: кн. Васильчиковъ сообщаетъ намъ, что и въ великой Россіи, не смотря на общинное владѣніе и на принятіе всѣхъ мѣръ для обезпеченія крестьянъ поземельною собственностью, зарождается уже сельскій пролетаріатъ. „По прошествіи десяти лѣтъ со дня освобожденія крестьянъ и изданія Положенія, надѣлившаго всѣхъ домохозяевъ землей, обнаруживается знаменательный фактъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ число безземельныхъ обывателей простирается уже до 5, 12, 15 процентовъ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ". Явленіе это, замѣчаетъ кн. Васильчиковъ, повидимому независимо отъ качества почвы и отъ мѣстныхъ условій, ибо оно проявляется равно и въ хлѣбородныхъ губерніяхъ и въ бѣднѣйшихъ, и въ центрѣ чер-

ноземной полосы, и на краю земледѣльческой территоріи, гдѣ хлѣбопашество уже почти прекращается (I, стр. 540). Кн. Васильчиковъ признаетъ даже, что „это распаденіе крестьянскаго сословія и быстрый приростъ сельскаго пролетаріата въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—явленіе почти неизбѣжное во всякомъ гражданскомъ обществѣ“ (I, стр. 547). Но когда рѣчь идетъ о литовскихъ или остзейскихъ губерніяхъ, вся вина въ этомъ неизбѣжномъ явленіи сваливается на польскихъ пановъ и остзейскихъ бароновъ, зараженныхъ вредными ученіями и эгоистическими расчетами Запада. Оказывается слѣдовательно, что и общинное владѣніе, при отмѣнѣ крѣпостнаго права, не освобождаетъ отъ пролетаріата. Спрашивается: къ чему же оно служитъ если, оно препятствуетъ возвышенію однихъ, но не мѣшаетъ нищетѣ другихъ?

Въ своихъ сравнительныхъ выводахъ, кн. Васильчиковъ постоянно обходитъ одинъ край, который, однако, могъ бы служить самымъ лучшимъ примѣромъ для сравненія общиннаго владѣнія съ участковымъ, именно, Малороссію. Тутъ нѣтъ ни польскихъ пановъ, ни нѣмецкихъ бароновъ, которымъ можно приписать введеніе европейскаго общественнаго строя; тутъ мы находимъ чисто русское племя, исконно выросшее на участковомъ владѣніи и ни мало отъ этого не страдающее. Въ Малороссіи, на сколько можно судить по частнымъ свѣдѣніямъ и явленіямъ, крестьяне, со времени освобожденія, не бѣднѣютъ, а богатѣютъ. Тамъ не слышно такихъ жалобъ на упадокъ крестьянскаго хозяйства, какія раздаются у насъ. А между тѣмъ, малороссійскій крестьянинъ далеко уступаетъ великорусскому въ смышлености, въ энергіи, въ предпріимчивости. Но онъ домовитѣе, бережливѣе; онъ думаетъ о будущемъ, онъ старается округлить свой участокъ. Предоставленный собственнымъ силамъ, онъ не предается мірскому разгулу, а заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобы пріобрѣсть поболѣе земли. Въ Малороссіи образовался и многочисленный классъ мелкихъ собственниковъ, стоящихъ посерединѣ между дворянствомъ и крестьянствомъ, но болѣе примыкающихъ къ послѣднему. Казаки составляютъ тутъ настоящую крестьянскую ари-

стократію, которая является опаснымъ соперникомъ дворянства на общественномъ поприщѣ. Съ ними надобно считаться, не такъ какъ съ нашими крестьянами. Развивая свою теорію общиннаго владѣнія, кн. Васильчиковъ ожидаетъ сильнѣйшаго сопротивленія со стороны „всѣхъ тѣхъ интересовъ и классовъ жителей, которые устроили свой бытъ по европейскому образцу“. Мы полагаемъ, напротивъ, что если дворянство хочетъ безпрепятственно господствовать на общественномъ поприщѣ, оно не можетъ найти лучшаго средства, какъ сохраненіе общиннаго владѣнія. Этимъ способомъ масса крестьянства удерживается на такомъ уровнѣ, который устраняетъ всякое соперничество. При общинномъ владѣніи никогда не случится того, что случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ уѣздовъ Полтавской губерніи, гдѣ казаки сговорились на земскихъ выборахъ забаллотировать всѣхъ дворянъ, кромѣ двухъ, и исполнили свое намѣреніе Земское собраніе. оказалось состоящимъ почти изъ однихъ казаковъ.

Покупка крестьянами дворянскихъ земель ведетъ къ образованію этого класса и въ великой Россіи. Возникновеніе его составляетъ необходимое послѣдствіе свободы. Это именно тотъ фактъ, который вытекаетъ изъ приведенныхъ кн. Васильчиковымъ данныхъ, но котораго, однако, авторъ не хочетъ знать. Развитію этого класса всего болѣе мѣшаетъ общинное владѣніе; и тутъ, волею или неволею, возникаетъ передъ нами вопросъ: должно ли оно быть сохранено или нѣтъ?

Этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ общею мыслью, что не слѣдуетъ насильственно уничтожать вѣками укоренившееся учрежденіе, а надобно предоставить его собственному ходу. Если бы вся задача состояла въ томъ, чтобы предоставить членамъ общины добровольно соединять свои участки въ общее владѣніе или выдѣляться, если имъ угодно, то противъ этого ничего нельзя было бы сказать. Это естественный ходъ вещей, и онъ узаконяется Положеніемъ 19 Февраля. Но къ этому присоединяется соображеніе другого рода, которое существенно видоизмѣняетъ этотъ взглядъ.

Дѣло въ томъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ мірское владѣніе поставлено въ такое положеніе, въ какомъ оно никогда не было прежде. И въ древней Россіи и въ новой, при участковомъ владѣніи и при мірскомъ, собственникомъ земли всегда считался въ черныхъ земляхъ князь, а впослѣдствіи государство, въ частныхъ же земляхъ владѣлецъ, а никогда крестьяне. Во времена вольнаго перехода крестьянъ, раздача участковъ производилась по добровольному соглашенію, и отданные участки свободно переходили изъ рукъ въ руки. Съ укрѣпленіемъ крестьянъ и наложеніемъ на нихъ тягла, эта вольная раздача превратилась въ принудительную: крестьянъ стали надѣлять землею, чтобы дать имъ средства отбывать наложенныя на нихъ повинности. При казенной или владѣльческой землѣ, это было возможно. Но съ освобожденіемъ крестьянъ и съ выкупомъ угодій, земля, въ первый разъ съ начала русской исторіи, сдѣлалась полною собственностью крестьянъ. Обязанность превратилась въ право, повинность въ собственность. Спрашивается: кто же тутъ является собственникомъ: община или отдѣльные домохозяева? Очевидно, что собственникомъ земли дѣлается тотъ, кто ее покупаетъ, а покупаютъ ее отдѣльные домохозяева, которые платятъ за нее выкупъ изъ собственнаго кармана, по количеству душъ, на которыя они получили надѣлъ. Это и подтверждается Положеніемъ 19-го Февраля, которое даетъ каждому домохозяину право требовать выдѣленія своего участка, если онъ внесетъ за него полную выкупную ссуду. Послѣднее ограниченіе служитъ здѣсь только средствомъ для обезпеченія платежей; но по существу дѣла, выкупная ссуда должна считаться долгомъ, лежащимъ на участкѣ, который уже и нынѣ долженъ быть признанъ полною собственностью покупающаго ее крестьянина. Община же является тутъ лишь поручительницею, одинаково при мірскомъ владѣніи въ великороссійскихъ губерніяхъ и при участковомъ въ Малороссіи.

А если это такъ, то какимъ образомъ юридически возможны передѣлы, составляющіе отличительную черту мірскаго владѣнія? Пока земля была казенною или владѣльческою,

можно было брать у одного и отдавать другому; но какъ скоро земля сдѣлалась собственностью крестьянъ, такъ уже принудительное отнятіе надѣла у того, кто за него платилъ и передача его другому, который за него не платилъ, становится вопіющимъ нарушеніемъ права, посягательствомъ на чужой карманъ. Если я купилъ вещь на свои деньги, никто, даже самое государство, не имѣетъ права у меня ее отнять безъ соотвѣтствующаго вознагражденія: это—первое основаніе всякаго гражданскаго быта. Если крестьяне и послѣ выкупа продолжаютъ передѣлять свои земли, то это происходитъ единственно отъ того, что они совершенно не понимаютъ своихъ правъ. Надобно сказать, что эти начала не выяснены и самимъ законодательствомъ. Но оно обязано ихъ выяснить, и это выясненіе будетъ смертнымъ приговоромъ мірскаго владѣнія. Конечно, никто не можетъ мѣшать крестьянамъ продолжать владѣть по прежнему, складывать свои участки въ общую массу и раздѣлять ихъ по наличнымъ тягламъ; но они должны знать, что это дѣлается добровольно, а не принудительно, и что никто не въ правѣ отнять у крестьянина малѣйшую долю той земли, за которую онъ платилъ выкупную ссуду. Пусть будутъ установлены эти начала, основанныя на самыхъ элементарныхъ требованіяхъ справедливости, и тогда увидятъ, на сколько мірское владѣніе составляетъ необходимую принадлежность русскаго народнаго быта; тогда убѣдятся, что въ Россіи, какъ и вездѣ, оно совмѣстно только съ крѣпостнымъ состояніемъ земли и лица, а никакъ не съ свободною гражданскою жизнью, которая не можетъ не дѣйствовать на него разрушительно.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ переходомъ мірскаго владѣнія въ участковое, мы должны ожидать образованія сельскаго пролетаріата. Съ умноженіемъ населенія, когда земли становятся мало на всѣхъ, извѣстная часть членовъ общины непремѣнно должна остаться безъ земли. Но развѣ мы не видимъ этого уже въ настоящее время, при мірскомъ владѣніи? И развѣ, когда всѣмъ становится тѣсно, дѣло улучшается тѣмъ, что всѣхъ подвергаютъ одинакому страданію,

вмѣсто того, чтобы выпустить одну часть и дать просторъ остальнымъ? Наконецъ, у насъ есть достаточно земель, чтобы не опасаться пролетаріата. Слава Богу, Россія не страдаетъ избыткомъ рабочихъ рукъ. Конечно, если принять положеніе кн. Васильчикова, что государство должно всѣхъ своихъ подданныхъ надѣлять землею, то всякое безземельное состояніе представляется зломъ, которое государство обязано искоренять. Но мы надѣемся, что эти соціалистическія начала никогда не найдутъ доступа въ русское законодательство. Положеніе 19-го Февраля надѣлило крестьянъ землею и сдѣлало хорошо. Это было разрѣшеніе вѣковой связи, обезпеченіе милліоновъ людей, которые самимъ государствомъ были прикрѣплены къ землѣ или лучше къ помѣщикамъ. Но объявить, что крестьяне, выходящіе изъ крѣпостной зависимости, имѣютъ право выкупать тѣ земли, на которыхъ они сидятъ, совсѣмъ не то, что требовать, чтобы всѣ непремѣнно имѣли землю. Первое дѣлалось во всѣхъ европейскихъ государствахъ; второе же всегда должно оставаться мечтою немногихъ утопистовъ.

Надобно отдать справедливость кн. Васильчикову, что онъ отнюдь не думаетъ послѣдовательно проводить свои начала. Видя неизбѣжность пролетаріата, онъ предлагаетъ противъ него такое средство, которое согласно съ экономическими законами и принимается многими современными государствами, именно—колонизацію. Этому вопросу посвящены послѣднія главы его книги. Читая ихъ, можно подумать, что онѣ писаны совершенно другимъ авторомъ. Тутъ нѣтъ уже рѣчи ни объ общинномъ владѣніи, ни о самобытныхъ началахъ русской жизни, ни о пагубномъ вліяніи западной гражданственности. Напротивъ, кн. Васильчиковъ хочетъ разрѣшить этотъ вопросъ „не голословными сужденіями, а опытами другихъ странъ и народовъ, которые далеко опередили насъ въ дѣлѣ колонизаціи“ (II, стр. 988). Тутъ мы неожиданно узнаемъ, что „даровой надѣлъ, въ видѣ ли концессіи, или пожалованія, или отводъ земель безплатно, есть, во всякомъ случаѣ, родъ милостыни, сопряженной съ казеннымъ убыткомъ; но, кромѣ того, безплат-

ное пріобрѣтеніе собственности вездѣ и всегда имѣло дурное, если можно такъ выразиться, усыпляющее дѣйствіе на культуру и хозяйство.“ Кн. Васильчиковъ ссылается при этомъ на англійскія колоніи. Въ нихъ „замѣчено, что люди серіёзные, дѣловые, настоящіе хозяева предпочитаютъ покупать, хотя бы и по нѣсколько высокой цѣнѣ, земли изъ частныхъ рукъ, чѣмъ испрашивать разными окольными путями и потаенными способами пожалованіе земель По этому, заключаетъ кн. Васильчиковъ, можно признать безусловно, что безплатный надѣлъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ собственниковъ, имѣетъ на нихъ самихъ и на народное хозяйство такое же зловредное дѣйствіе, какое и всякое даровое подаяніе, поощряя тунеядство и низкопоклонство“ (II, стр. 906). Есть ли возможность написать болѣе злую критику противъ общиннаго владѣнія? Вслѣдствіе этого, кн. Васильчиковъ и не думаетъ предназначенныя для колонизаціи земли раздавать общинамъ, съ тѣмъ, чтобы послѣднія надѣляли ими своихъ членовъ. Наперекоръ всѣмъ признаннымъ имъ началамъ русской жизни, онъ предлагаетъ продавать участки отдѣльнымъ лицамъ, при чемъ „бѣдные и одинокіе хозяева удовольствуются однимъ участкомъ, сильные и многосемейные хозяева заберутъ двойную и тройную пропорцію“ (II, стр. 993). Самый кредитъ, открываемый правительствомъ крестьянамъ, долженъ быть личный, обезпеченный водвореніемъ и затратами самого покупателя (стр. 997, 1000). Однимъ словомъ, всѣ отвергнутыя кн. Васильчиковымъ начала европейской гражданственности вводятся въ предлагаемыя имъ колоніи; о русскихъ же началахъ нѣтъ и помину.

Что же это, наконецъ, такое? Какъ мы должны смотрѣть на эту книгу: какъ на шутку надъ русской читающею публикою, или какъ на сочиненіе, которое имѣетъ претензію быть серіёзнымъ?

Кромѣ колонизаціи, которая должна служить средствомъ для постепеннаго уравненія земельныхъ надѣловъ и такимъ образомъ дополнить положенія, даровавшія русскимъ крестьянамъ недвижимую собственность (стр. 926), кн. Васильчи-

ковъ, въ видахъ обезпеченія крестьянскаго сословія, предлагаетъ еще и другія мѣры, именно, облегченіе податей, дозволеніе свободнаго переселенія (стр. 678), наконецъ, требованіе, чтобы крестьяне сами установили сроки и нѣкоторыя правила для передѣловъ (стр 770, 772). Въ видѣ грамматическаго курьоза (а такими изобилуетъ разбираемая книга), можно упомянуть, что кн. Васильчиковъ считаетъ необходимымъ „установить, какъ онъ выражается, нѣкоторыя самыя общія нормы, какъ предѣлы того круга дѣйствій, въ средѣ коего сельскія общества дѣйствуютъ самостоятельно, и такой *нормой* считать распоряженія, явно нарушающія пользы и нужды отдѣльныхъ членовъ, какъ напримѣръ, оставленіе вдовъ и сиротъ безъ помощи и призрѣнія“ и т. д., (стр. 773).

Какъ видно, всѣ эти благія мѣры имѣютъ цѣлью даровать крестьянамъ всевозможныя льготы: и земли, и облегченіе податей, и свободу передвиженія, и огражденіе отъ мірскаго произвола. Къ сожалѣнію, кн. Васильчиковъ этимъ не ограничился, но устремилъ свое заботливое вниманіе и на помѣщиковъ, и тутъ уже мы никакъ не можемъ сказать, что онъ не послѣдователенъ въ своей теоріи. Правда, въ предлагаемыхъ имъ мѣрахъ русскаго нѣтъ ничего: русская исторія не представляетъ примѣровъ такого хозяйственнаго попеченія о помѣщичьихъ земляхъ. Но еще менѣе тутъ можно найти заимствованій у западныхъ государствъ. Всѣ предложенія кн. Васильчикова почерпнуты изъ соціалистическаго арсенала и устремлены на злосчастныхъ русскихъ землевладѣльцевъ, которые и безъ того уже, по признанію автора, составляютъ ничтожное меньшинство среди массы крестьянства и сокращаются все болѣе и болѣе.

Кн. Васильчиковъ полагаетъ основнымъ правиломъ, что главною обязанностью правительства въ отношеніи сельскаго и народнаго хозяйства вообще должно быть охраненіе производительныхъ силъ страны. „Администраторы, говоритъ онъ, не должны бы вмѣшиваться въ распоряженія частныхъ лицъ и обществъ, покуда эти распоряженія не посягаютъ на плодородіе почвы, растительность лѣсовъ, оби-

ліе водъ; но если они, подъ предлогомъ охраненія священных правъ собственности, допускаютъ расхищеніе собственности самими владѣльцами, то такія правленія дѣйствуютъ наперекоръ прямымъ интересамъ страны и народа“ (II, стр. 655). На этомъ основаніи, кн. Васильчиковъ считаетъ справедливымъ признать, что „право собственности до извѣстной степени обусловливается пребываніемъ, дѣйствительнымъ владѣніемъ и собственнымъ хозяйствомъ, и что оно ограничивается и теряетъ нѣкоторыя преимущества и права, когда передается другому лицу или въ третьи руки“ (стр. 656).

Едва ли нужно объяснять, что такое понятіе о собственности не признается нигдѣ, ни въ наукѣ, ни въ практикѣ. Собственность означаетъ именно право распоряжаться вещью по своему усмотрѣнію, безъ чужаго вмѣшательства, право пользоваться ею, отдавать ее въ наймы, отчуждать и наконецъ, даже уничтожать ее. Это право ограничивается тамъ, гдѣ оно приноситъ вредъ постороннимъ лицамъ, но если правительство будетъ видѣть въ предметахъ, находящихся въ частной собственности, не частное, а народное богатство, если оно захочетъ не допускать расхищенія собственности самими владѣльцами и будетъ предписывать имъ способы пользованія, то оно само сдѣлается настоящимъ собственникомъ, а частныя лица низойдутъ на степень простыхъ агентовъ, исполняющихъ волю власти и постоянно находящихся подъ ея контролемъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ можно предписать, напримѣръ, что собственники обязаны истреблять сорныя травы на своей землѣ, потому что эти травы обсѣменяютъ и сосѣднія поля; можно регулировать и пользованіе водами, потому что вода отъ одного владѣльца течетъ къ другому. Если доказано, что истребленіе лѣсовъ имѣетъ вліяніе на климатическія условія, то нѣтъ сомнѣнія, что и тутъ не только возможно, но и необходимо вмѣшательство правительства. Но нѣтъ ни малѣйшаго основанія предупреждать истощеніе почвы, которое не имѣетъ никакого вліянія на сосѣднія земли. Держась началъ кн. Васильчикова, слѣдовало бы воспретить и трату движимаго капи-

тала, которая наноситъ еще большій ущербъ народному богатству, нежели истощеніе почвы, ибо почву можно удобрить, и она опять будетъ производить, а даромъ истраченный капиталъ составляетъ чистую потерю для народнаго хозяйства.

Кн. Васильчиковъ всѣми силами возстаетъ противъ тѣхъ, которые хотятъ регламентировать крестьянское хозяйство, а между тѣмъ не допускаютъ никакого вмѣшательства въ хозяйство помѣщичье и видятъ въ этомъ посягательство на священныя права собственности (II, стр. 655—656, 682 ,770). Кого именно кн. Васильчиковъ разумѣетъ подъ именемъ ученыхъ экономистовъ и практическихъ хозяевъ, имѣющихъ двѣ мѣры и два вѣса, одни для крестьянъ, другіе для помѣщиковъ (стр. 682), остается неизвѣстнымъ. Если онъ подразумѣваетъ тѣхъ экономистовъ, отъ которыхъ онъ предостерегаетъ русскихъ читателей, то онъ долженъ бы знать, что экономисты требуютъ отмѣны всякой регламентаціи, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Правительственная регламентація есть старая система, которая нынѣ болѣе и болѣе падаетъ. Экономисты признаютъ, что свобода, личная иниціатива и личный интересъ, а не стараніе предупредить расхищеніе собственности самими владѣльцами, составляютъ лучшій способъ охранять производительныя силы страны. Можно даже сказать, что экономическая наука идетъ иногда слишкомъ далеко въ этомъ направленіи. А кн. Васильчиковъ, держась еще допотопныхъ теорій, которыя у него смутно перемѣшиваются съ соціалистическими началами, вопіетъ: не довольствуйтесь полумѣрами; регламентируйте все и всѣхъ, и высшихъ и низшихъ; только этимъ способомъ вы предупредите расхищеніе народнаго богатства. О, великій политико-экономъ!

Главное зло, которое стремится искоренить кн. Васильчиковъ, это—отдача земель въ наймы. Онъ почему-то вообразилъ себѣ, что фермерство есть хищническая культура, а потому хочетъ устранить всѣ системы хозяйства, основанныя на арендованіи земель (стр. 681). Правда, вся Англія обработывается фермерами, даже при краткосрочныхъ арен-

дахъ, и никто еще, кажется, не утверждалъ, что тамошнее хозяйство хищническое. Съ другой стороны, кн. Васильчиковъ обвиняетъ въ хищничествѣ нашихъ крестьянъ, обрабатывающихъ свои собственныя земли (стр. 677—678). Стало-быть, причина зла заключается не въ арендованіи земель. Но, какъ мы могли уже убѣдиться, факты для кн. Васильчикова не имѣютъ рѣшительно никакого значенія. Онъ пользуется ими, когда они пригодны для его цѣлей, и оставляетъ ихъ спокойно въ сторонѣ, когда они ей противорѣчатъ. Въ настоящемъ случаѣ, онъ имѣлъ въ виду практическое примѣненіе своей завѣтной мысли, что трудъ свободенъ и производителенъ только тогда, когда онъ прилагается самимъ хозяиномъ къ его собственной землѣ, а такъ какъ при крупномъ землевладѣніи это невозможно, то онъ и предлагаетъ принять относительно крупныхъ землевладѣльцевъ всякаго рода стѣснительныя мѣры. „На сословіе землевладѣльцевъ, говоритъ онъ, надо дѣйствовать, въ виду ихъ собственныхъ пользъ и пользы народнаго хозяйства, *понудительно*“ (стр. 685).

Предлагаемыя кн. Васильчиковымъ мѣры состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Владѣлецъ, сдающій свои земли въ аренду, теряетъ имущественный цензъ, соотвѣтственно числу сданныхъ десятинъ земли; крестьянинъ, передающій свою полосу другому поселянину, теряетъ голосъ на общественныхъ сходахъ. 2) Всякія арендныя сдѣлки, заключенныя на сроки менѣе трехъ лѣтъ, не имѣютъ законной силы, не принимаются къ засвидѣтельствованію и не подлежатъ судебному или исковому разбирательству. 3) Въ арендныхъ условіяхъ, заключенныхъ на сроки болѣе трехъ лѣтъ, должно быть выговорено, что въ случаѣ желанія съемщика продолжать срокъ аренды, владѣлецъ обязывается допустить его къ дальнѣйшему арендованію на одно трехлѣтіе, съ надбавкой цѣны не болѣе извѣстныхъ процентовъ. Если это не оговорено, то процентъ установляется по закону не болѣе 2% въ годъ первоначальной арендной платы. 4) Арендаторъ имѣетъ право требовать вознагражденія за улучшенія и капитальныя работы, произведенныя въ имѣніи, а именно:

проводъ новыхъ канавъ и прочистку старыхъ, расчистку лѣса подъ сѣнокосъ и пашни, постройку или поправку хозяйственныхъ (не жилыхъ) строеній, плотинъ, гатей, полевыхъ дорогъ и мостовъ; мѣра вознагражденія, если о томъ не послѣдуетъ соглашенія, опредѣляется по суду. 5) Съемщикъ, заключившій контрактъ объ арендѣ имѣнія съ землевладѣльцемъ, не имѣетъ права переоброчивать земли другимъ съемщикамъ по цѣнѣ высшей, чѣмъ та, которую онъ самъ платитъ владѣльцу, и всѣ таковыя лихвенныя арендныя платы, по заявленію о нихъ плательщикомъ, понижаются до размѣра той платы, которая установлена по контракту въ пользу владѣльца (II, стр. 684). Къ этому надобно присоединить, 6) что доходъ, получаемый съ аренды, долженъ быть облагаемъ высшимъ налогомъ, нежели доходъ, получаемый землевладѣльцемъ, обработывающимъ земли на свой собственный счетъ. Кн. Васильчиковъ считаетъ это справедливымъ, потому что доходъ, получаемый безъ труда и риска, имѣетъ большія преимущества и удобства передъ доходомъ, добываемымъ личными усиліями, искусствомъ или знаніемъ, хотя бы номинальная сумма ихъ была равна. Кромѣ того, такая мѣра, по его мнѣнію, полезна и тѣмъ, что она устранитъ промышленниковъ-спекулянтовъ, занимающихся арендованіемъ имѣній, какъ подрядомъ, безъ малѣйшихъ заботъ и познаній въ сельскомъ хозяйствѣ, съ единственной цѣлью передавать мелкимъ съемщикамъ земли по высшей цѣнѣ противъ той, которую они платятъ владѣльцамъ (стр. 656). Такимъ образомъ, мы узнаемъ отъ кн. Васильчикова, что подряды, также какъ и арендованіе земель, не требуютъ ни познаній, ни оборотливости. Мы узнаемъ также, что доходъ, получаемый съ аренды, безъ труда и риска, равенъ доходу, получаемому землевладѣльцемъ, обработывающимъ свою собственную землю, при чемъ мы недоумѣваемъ только, въ чемъ же состоятъ выгоды собственной обработки, и что же достается арендатору?

Кн. Васильчиковъ ожидаетъ, что его предложенія встрѣтятъ „ярое сопротивленіе того тунеяднаго класса землевладѣльцевъ, который споконъ вѣка пріютился къ столицамъ,

при дворахъ государей; который, извлекая изъ обширныхъ и отдаленныхъ своихъ имѣній громадныя ренты, проживаетъ ихъ въ другой средѣ на предметы прихоти и роскоши или въ чужихъ краяхъ и обществахъ. Для такого класса, говоритъ кн. Васильчиковъ, стѣсненіе арендной системы хозяйства будетъ дѣйствительно очень чувствительно, и въ извѣстныхъ случаяхъ заставитъ ихъ распродать слишкомъ пространныя помѣстья, которыя не могутъ быть воздѣланы собственными силами владѣльца; въ другихъ случаяхъ также принудитъ ихъ покинуть службу и свѣтскую жизнь, чтобы посвятить свои силы и способности эксплуатаціи своихъ имѣній. Но если абсентеизмъ крупныхъ и образованныхъ собственниковъ признается вообще вреднымъ; если для успѣховъ земледѣлія, для улучшенія внутренняго быта и общественнаго мѣстнаго управленія признается полезнымъ, чтобы сельская интеллигенція усилилась и была на мѣстахъ; если желательно, чтобы крупная и мелкая культура, господскія запашки и крестьянскія хозяйства уживались дружно и мирно въ одной общественной средѣ, помогая и не мѣшая другъ другу, то нѣтъ, по нашему мнѣнію, другаго способа для привлеченія землевладѣльцевъ къ сельскому хозяйству, какъ ограниченіе и до извѣстной степени регламентація права арендованія“ (стр. 684).

И тутъ мы узнаемъ, чего прежде не вѣдали, что служащія государству лица составляютъ тунеядный классъ, который долженъ быть лишенъ поземельной собственности. До сихъ поръ, съ самаго начала русской исторіи, дворянство было сословіемъ служилымъ и землевладѣльческимъ вмѣстѣ. Отнынѣ, по предложенію кн. Васильчикова, служащій не долженъ быть землевладѣльцемъ, ибо, состоя на службѣ, онъ не можетъ самъ обработывать свою землю, а принужденъ сдавать ее въ аренду или же полагаться на управляющаго, что бываетъ еще хуже. То обезпеченіе и та независимость, которыя доставляла ему поземельная собственность, должны уничтожиться; всякая связь между служилымъ классомъ и страною порывается. Отнынѣ военные и гражданскіе чины должны жить исключительно своимъ жа-

лованіемъ, какъ чистые агенты правительства, безъ всякихъ корней въ землѣ. По истинѣ радостная перспектива! Мало того: если, согласно съ мечтами кн. Васильчикова, помѣщики принуждены будутъ распродать всю ту часть своихъ земель, которую они не въ состояніи обработывать сами, можно полагать, что бо̀льшая часть крупной собственности исчезнетъ, и тогда желательно знать, какое количество сельской интеллигенціи останется въ Россіи? При такихъ порядкахъ, можно думать, что наше бѣдное отечество скорѣе всего сдѣлается тѣмъ, что кн. Васильчиковъ называетъ „мужицкимъ царствомъ съ самодержавіемъ во главѣ“ (I, стр. 328), но съ самодержавіемъ, опирающимся не на помѣстные классы, а на оторванное отъ земли чиновничество и войско.

Такъ представляется дѣло съ политической стороны. Но это далеко не единственное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ означенныхъ мѣръ. Мы полагаемъ, что онѣ встрѣтятъ сопротивленіе не со стороны одного сословія тунеядцевъ, служащихъ государству. Кн. Васильчиковъ гораздо ближе къ истинѣ, когда онъ говоритъ: „это предложеніе, можетъ быть, покажется многимъ дерзкимъ нарушеніемъ права собственности“ (II, стр. 770). Мы не можемъ не сказать, что дѣйствительно такъ. Таковымъ именно это предложеніе должно показаться всякому, кто имѣетъ сколько-нибудь основательное юридическое и экономическое образованіе. Самая существенная сторона собственности, право распоряжаться своимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, имъ отмѣняется. Послѣдовательно проводя эти начала, слѣдуетъ воспретить наемъ домовъ, ссуду денегъ. Подъ предлогомъ заботливаго охраненія производительныхъ силъ страны, экономическое развитіе поражается въ самомъ корнѣ. Свобода сдѣлокъ уничтожается; возможность выгодныхъ хозяйственныхъ операцій сокращается. Вмѣсто личнаго интереса, главнымъ двигателемъ народнаго хозяйства, высшимъ судьею выгодности или невыгодности предпріятій, становится правительство, которое во все вмѣшивается, все регламентируетъ и все направляетъ сообразно съ своими тео-

ретическими цѣлями. Съ какой бы стороны мы на нихъ ни посмотрѣли, мы должны сказать, что предложенныя кн. Васильчиковымъ мѣры—неслыханныя, вопіющія, нарушающія коренныя основы всякой образованной гражданственности. Онѣ объясняются только смутными соціалистическими воззрѣніями автора.

Если мы сравнимъ книгу кн. Васильчикова съ извѣстною брошюрою г. Фадѣева: *Чѣмъ намъ быть?* то увидимъ, что направленія ихъ радикально противоположны. Г. Фадѣевъ требуетъ льготъ для помѣщиковъ и опеки надъ крестьянами; кн. Васильчиковъ требуетъ льготъ для крестьянъ и опеки надъ помѣщиками. Г. Фадѣевъ имѣетъ при этомъ значительныя преимущества: онъ довольствовался небольшею брошюрою, а не обрекалъ читателя на чтеніе двухъ томовъ плохо склееннаго матеріала и еще хуже слаженныхъ мыслей; онъ не искажалъ немилосердно исторіи, не противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагу, наконецъ, онъ требуетъ опеки надъ низшими классами, что̀ еще имѣетъ какой-нибудь смыслъ, а не надъ высшими, что уже не имѣетъ никакого смысла. Но оба направленія, при всемъ своемъ различіи, носятъ на себѣ одну общую черту, на которую мы не можемъ не обратить вниманія, и которая составляетъ печальное явленіе въ русскомъ обществѣ. На нашихъ глазахъ совершены преобразованія, которыя перестроили весь нашъ общественный бытъ и внесли въ него начало гражданской свободы; русскому обществу дана возможность высказываться, хотя еще съ значительными стѣсненіями, но все же съ несравненно большею свободою, нежели прежде. И что же? когда это общество заговорило, изъ среды его, съ противоположныхъ сторонъ, раздаются голоса, которые требуютъ одного и тогоже: опеки и опеки! Мнимые консерваторы требуютъ опеки надъ крестьянами, мнимые прогрессисты опеки надъ помѣщиками. Ни тѣ, ни другіе не хотятъ того, что составляетъ насущную потребность Россіи, что уже отчасти дано ей новыми преобразованіями, именно: свободы и неразлучной съ нею законности. Во имя этого начала, мы протестуемъ противъ практическихъ предложеній кн. Васильчикова, так-

же какъ другіе протестовали противъ требованій г. Фадѣева. Мы глубоко убѣждены, что истинная задача нашего поколѣнія состоитъ не въ скороспѣлыхъ или мечтательныхъ нововведеніяхъ и не въ реакціи противъ недавно установленнаго порядка, а въ охраненіи, упроченіи и развитіи того, что намъ даровано Верховною Властью, и что одно можетъ вывести Россію на путь просвѣщенія и прогресса, сквозь тѣ темныя тучи, которыя окружаютъ ея настоящее.